

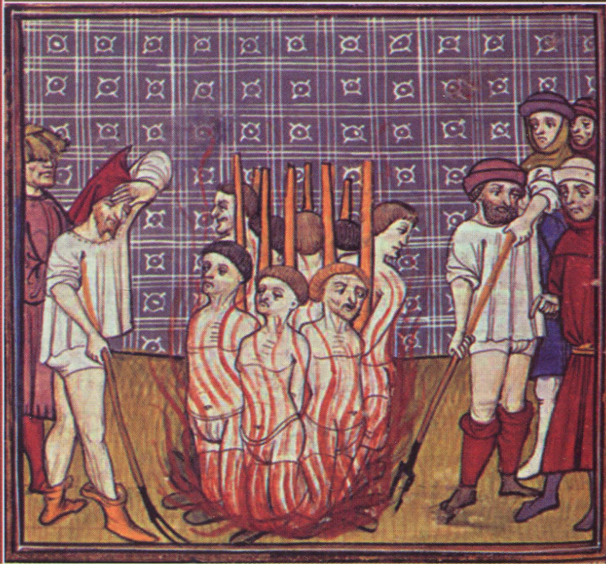
Жан
Блюм

Ренн-
ле-
Шато

Вестготы,
катары,
тамплиеры:
секрет
еретиков

Жан Блюм

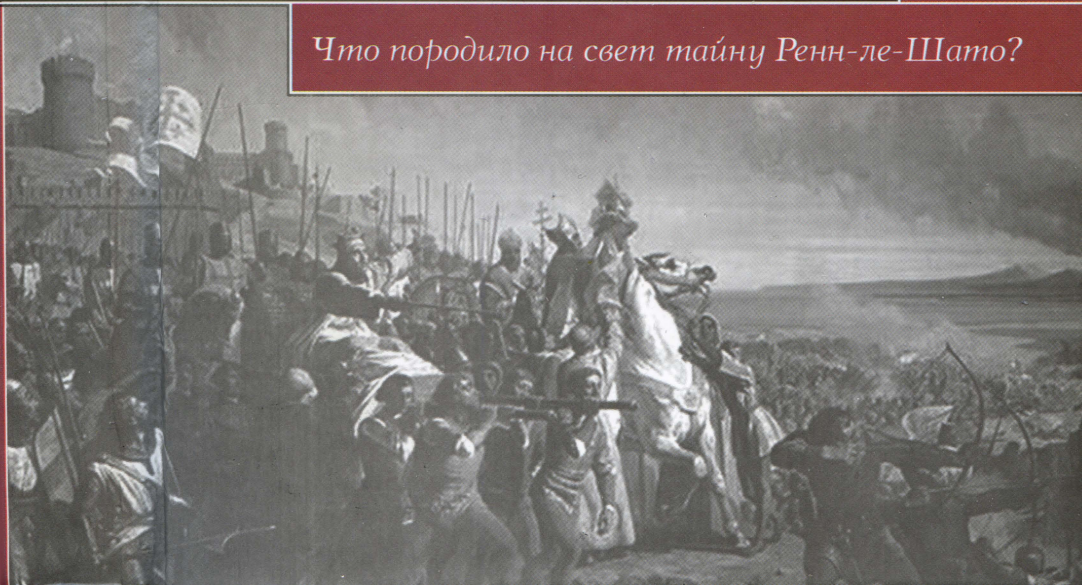

Ренн-ле-Шато

Вестготы, катары, тамплиеры:
секрет еретиков

Историческая
библиотека

Что породило на свет тайну Ренн-ле-Шато?

ЖАН
БЛЮМ

ЖАН БЛЮМ

РЕНН-ЛЕ-ШАТО

ВЕСТГОТЫ,
КАТАРЫ,
ТАМПЛИЕРЫ:
СЕКРЕТ ЕРЕТИКОВ

УДК 821.133.1.09
ББК 84(4Фра)
Б71

Jean Blum
RENNES-LE-CHÂTEAU
WISIGOTHS, CATHARES, TEMPLIERS LE SECRET DES HÉRÉTIQUES

Перевод с французского А.Ю. Карачинского, И.А. Эгипти

Блюм, Ж.

Б71 Ренн-ле-Шато: Вестготы, катары, тамплиеры: секрет еретиков :
[пер. с фр.] / Жан Блюм. — СПб.: Евразия, 2007. — 252, [4] с.

ISBN 978-5-8071-0235-5 (С.: И.Б.(84))

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн В.С. Петрова

ISBN 978-5-8071-0218-8 (С.: ПКДВ(84))

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.В. Тихомирова

События, которым посвящена эта книга, легли в основу известного бестселлера Дэна Брауна «Код да Винчи».

Ренн-ле-Шато, маленькая деревушка на юге Франции, в XX веке стала средоточием загадочных слухов: местный кюре Беранже Соньер вызвал скандал своим вызывающим, неподобающим священнику поведением. Скромный служитель Церкви тратил колоссальные суммы денег на постройку собственной усадьбы, устраивал роскошные приемы, открыто ссорился со своим епископом.

То, что поначалу казалось эксцентричными выходками, имело более серьезную подоплеку. Молва упорно связывала богатство кюре с таинственным сокровищем, которое якобы Соньер нашел во время реставрации приходской церкви: страшным секретом, позволяющим священнику едва ли не шантажировать Ватикан и самого папу римского.

Так что же мог найти простой французский кюре в сельской церквушке, что на смертном одре его друг-священник не смог дать ему отпущение грехов? Сокровище вестготов или катаров? Святой Грааль? Старинные рукописи, содержащие разоблачение основ христианской веры?

Автор книги предлагает свою, во многом шокирующую, версию.

УДК 821.133.1.09
ББК 84(4Фра)

© Éditions du Rocher, 1994, 2003

© Перевод. А.Ю. Карачинский, И.А. Эгипти, 2007

© Издательство «Евразия», 2007

*Моей дочери Мари-Виолетт
хмурившейся при чтении четвертой главы.
В знак любви и нежности.*

Слова благодарности

О моем намерении написать книгу, посвященную «делу Ренн-ле-Шато», знали немногие, однако неизменное внимание и дружеская поддержка этих людей сопутствовали мне во всех начинаниях.

Эрудиция Сони Моро не раз спасала меня от ошибок и оплошностей. Ее благожелательное ко мне отношение не мешало ей беспощадно расправляться с найденными огрехами: «Ваш труд будут критиковать за одно лишь содержание, поэтому, по крайней мере, воздержитесь от неточностей в изложении фактов!» Спасибо вам, Соня.

Ореол таинственности, окружавший личность Алена Фералья, навсегда останется в моей памяти. Чувствовалось, что этот человек обсуждает со мной лишь немного из того, что знает сам об интересующем меня деле. Однако он великодушно делился знаниями и настаивал на продолжении поисков. Благодарю вас, Ален.

Многочисленные работы Татьяны Клецки-Прадер, в том числе и составленный ею путеводитель по Ренн-ле-Шато, помогли мне в ходе этого расследования: в них я нашел информацию о различных эпизодах волнующего меня дела, а также сведения о героях, придавших этой

истории особую остроту и пикантность. Ее муж, неисправимый насмешник Андре Прадер, в прошлом управляющий компании, считает, что «мистерия Ренн-ле-Шато» более смахивает на пьесу, изобилующую неожиданными сюжетными ходами; в его глазах такое произведение заслуживает колких насмешек. Я приношу благодарность этой семейной паре за то, что они делились со мной своими соображениями и не раз советовали придать данному детективному экскурсу то или иное направление.

С большой симпатией отнесся к моим изысканиям глава общества «Земли Ред», писатель Эмиль Соньер; обойти молчанием его благосклонное внимание было бы с моей стороны черной неблагодарностью.

Симона Эскюр ознакомилась с этим текстом накануне его отправки в издательство, поэтому у меня не было возможности учесть ее советы и пожелания. Симона охотно делилась своими замечаниями в ходе работ над предшествующими произведениями, за что я ей сердечно признателен.

Попутно я желал бы обратиться к «товарищам по оружию», увлеченным поисками всего необычного, с которыми я из года в год обменивался идеями насчет разрабатываемой мной темы. Взяв в руки эту книгу, они узнают, что таил в себе манускрипт, хотя, возможно, некоторые из них не согласятся с моими доводами и умозаключениями. Мои благодарственные слова обращены к Элизабет Ван Бюрен, Клэр Корбю-Каптье, Селии Брук, Жану де Гинье, Марселю и Антуану Каптье, Урбену де Ларуану...

Этот список будет неполным, если не упомянуть о некоторых друзьях, чьих имен я не могу назвать. Они не согласны с моими выводами и, возможно, осудят это

произведение. Тем не менее их твердая вера в свои убеждения заслуживает глубокого уважения. Со своей стороны, я хочу уверить их в том, что подобные разногласия никоим образом не повлияют на наши искренние дружеские отношения.

Бесконечное терпение, старание и понимание — те качества, без которых невозможно справиться с утомительнейшей работой: повторным чтением оригинала, проверкой машинописного текста, окончательным набором произведения. Все это вновь выпало на долю моей терпеливой, старательной и понимающей жены, не раз помогавшей мне при создании предшествующих произведений. Спасибо тебе, Жанетта.

Слова благодарности я обращаю к священнику, уже пребывающему в той обители любви и красоты, о которой он проповедовал на протяжении всего своего земного пути. За ваше благорасположение, а также за некоторые признания, спасибо вам, господин аббат.

Разумеется, особую признательность я желал бы выразить еще одному священнику: аббату Беранже Соньеру. Каким актерским талантом, каким режиссерским чутьем обладал этот человек! Роялист, живший во времена господства республиканцев. Священник, чей образ жизни несколько отличался от других верующих...

Наконец, я приношу благодарность краю Разе, ревностно хранящему свои тайны, о которых известно всем и каждому.

К ЧИТАТЕЛЮ

Жизненный путь аббата Соньера — деревенского священника, ставшего в конце XIX века обладателем несметных сокровищ, — вызывает неизменное любопытство читателя: в его истории есть все то, на чем построен хороший детективный роман. Впрочем, внимательное изучение фактов и знакомство с персонажами этого «романа» позволяют понять, что за внешней театральностью «дела Ренн-ле-Шато» скрываются серьезные политические и религиозные мотивы. Чтобы предпринять серьезное исследование, касающееся столь деликатных тем, прежде всего следует отказаться от любых априорных утверждений.

На наш взгляд, переплетение политических фактов и теологических представлений, лежащее в основе этой истории, абсолютно неспособно поколебать ту врожденную религиозность, что сопровождает человека с первых дней его становления. Однако некоторые люди (вероятно, в пылу расследования) позволяют себе неосторожные высказывания и утверждения насчет того или иного религиозного учения. Авторы и участники «дела Ренн-ле-Шато» причисляют себя к различным теологическим

и философским системам, но мы даем слово, что наш образ мыслей ни в коей мере не затронет их убеждения.

В «деле Ренн-ле-Шато», как нам кажется, безраздельно властвуют два человека. Первый из них — лицо, довольно известное в начале века. Но мы начнем наш рассказ со второго, не менее знаменитого героя. Отвести ему первое место в повествовании будет логичнее и с точки зрения хронологии событий.

«Отважное решение — и довольно опасная цель», — может заметить читатель. Вне всякого сомнения. Ничего не поделаешь: невозможно огласить приговор по «делу Ренн-ле-Шато», не вызвав в суд первого, основного свидетеля.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сумма, истраченная аббатом Соньером в течение двадцати двух лет, в пересчете на современные деньги может быть приравнена к трем миллиардам сантимов, — пожалуй, это веское доказательство того, священник жил в достатке, заметно превышающем доходы простого деревенского кюре.

Нет ничего удивительного в том, что в конце этой авантюры священника подвергли наказанию «*suspens a divinis*» (запрет на богослужение), отчего в дело пришлось вмешаться Римской курии. Монсеньору епископу не пришлось по вкусу двойная бухгалтерия аббата: согласно ей, стоимость огромного владения Соньера (вилла, башня в неоготическом стиле и роскошный благоухающий сад, где росли редкие виды деревьев) целиком и полностью окупалась денежными суммами, полученными от случайных, зачастую анонимных дарителей. В ответ на обвинение епископа священник воспользовался своими связями с высокопоставленными лицами, негласно одобрявшими его образ жизни. Ведь во владениях аббата Соньера побывали и французский министр, и австрийский эрцгерцог, и прославленная оперная певица. В поместье

их всегда ожидал теплый прием, к их услугам было превосходное шампанское и ром, доставляемый с Мартиники... что, разумеется, вызывало закономерный вопрос: откуда мог появиться источник столь богатой и вольготной жизни?

Беранже Соньер родился в 1852 году. Став в 1879 году священнослужителем, молодой викарий отправился в Але-ле-Бен. Спустя некоторое время он получил место кюре в деревушке Кла, после чего, 1 июня 1885 года, последовало следующее назначение: место кюре в деревне Ренн-ле-Шато. На первый взгляд тридцатитрехлетний служитель церкви мог показаться неотесанным простолудином, однако высокий лоб и живые черные глаза говорили о страстной душе, скрывающейся под грубоватой внешностью. Некоторые из прихожан признавали, что священник не был лишен и своеобразного обаяния.

Что представляло собой небольшое селение Ренн-ле-Шато? Деревушка на вершине холма, к которой вела одна лишь тропинка для мулов, насчитывала две сотни жителей. Ветхий дом священника, изрядно сдавший в борьбе с дождями, и полуразрушенная церковь — вот что встретило аббата на новом месте службы... Церковное начальство не баловало молодого кюре: паства нуждается в духовном пастыре не только в процветающих центрах, но и в укромных, большей частью обедневших уголках страны.

Покинув негостеприимный дом священника, Соньер, с дозволения старой прихожанки Александрины Марро, устроился в доме под названием «Боярышник» (это было жилье, принадлежавшее приходу). Проходит время; аббат знакомится с прихожанами, попутно завязывая дружеские отношения. Последние найденные по этому

делу материалы говорят в пользу того, что среди новых знакомых Соньера были и видные деятели, состоявшие в тех или иных политических и мистических обществах. Если это достоверные сведения, то можно предположить, что аббат Соньер участвовал в некоем проекте, начальным пунктом которого был Ренн-ле-Шато, однако дальнейшим местом действия могла стать вся Европа.

Что же породило на свет тайну Ренн-ле-Шато? Лучшее всего будет подать ее в виде хроники происшествий (точнее сказать, случайных происшествий), как делает это господин Гингам в книге «Сокровища тамплиеров». Однако заметим, что в этой истории уже довольно сложно определить, где кончается правда и начинается вымысел: в нашем распоряжении не осталось никаких достоверных источников, касающихся дела Ренн-ле-Шато. Все, что нам остается, — это отложить на время мысли о верификации фактов и ознакомиться с хроникой этих немаловажных для нашей истории событий.

Все начинается с того, что в один прекрасный день аббату наносит визит его знакомый — нотариус из Кийана, нашедший в ходе своих изысканий некие документы, написанные на латыни (точнее, на вульгарной латыни). Не владеющий языком настолько хорошо, чтобы понять все тонкости латинских идиом, со времен Вергилия сильно изменивших свой грамматический облик, нотариус просит помощи у аббата: ему неясен смысл нескольких параграфов.

Смышленный аббат, умевший увидеть большое в малом, тотчас же учуял запах сокровищ, которые могли бы оказать значительную поддержку его приходу. Священник начинает подтрунивать над нотариусом. Не на шутку рассерженный юрист пытается доказать почтенному

латинисту, что в этом деле нет места насмешкам: ведь в документе сказано о некоем тайнике!

И вот в четверг, в день внеклассных мероприятий, два приятеля, поклонявшиеся один Богу, другой — Золотому Тельцу, отправились на загородную прогулку в сопровождении юных неопитов Ренн-ле-Шато. Экскурсия закончилась неожиданным образом: дети, шагавшие поодаль от взрослых, искатель сокровищ и духовный пастырь очутились в гористой местности, где некоторым скалам достаточно было легкого толчка, чтобы обрушиться на головы гуляющих. Вскоре так и произошло. Аббат, чья эрудиция не уступала ловкости и силе, вернулся от обломков, он отделался лишь несколькими ушибами, в течение двух недель причинявшими ему неудобство. Нотариусу повезло меньше... через день после злополучной прогулки его отпевали (к слову добавим, что это была одна из самых красивых заупокойных месс). История умалчивает, нашел ли аббат время и силы, чтобы соборовать своего умиравшего компаньона. 24 октября 1885 года жизнь нотариуса оборвалась. Не было ли окончание его карьеры началом необыкновенного карьерного взлета священника?

Соньер с головой уходит в работу: он вносит изменения в облик деревенского кладбища, порой не оставляя времени даже на сон. По его замыслу останки прихожан, в течение длительного времени захоранивавшиеся на кладбище, должны быть перемещены в оссуарий: почему бы не увековечить память о земном существовании людей, чьи души уже вознеслись в небеса, представ пред очами Всевышнего?

Однако таким образом с могильной плиты, под которой покоится Мари де Негри д'Абль, маркиза д'Отпуль и

Бланшфор, скончавшаяся в 1782 году, исчезает благожелательная надпись, соскобленная рукой ретивого аббата. Маркиза была родом из знатной семьи, в течение нескольких веков владевшей фьефом, включавшим в себя Ренн и его земли. На смертном одре Мари де Негри д'Абль открыла аббату Бигу некий секрет, порвав тем самым с древней родовой традицией, согласно которой секрет должен был храниться в кругу семьи и передаваться из поколения в поколение. По словам многих авторов, в этот день двухвековая тайна знатной еврейской семьи прекратила свое существование — на свет появился секрет священников Разе. Так или иначе, исповедник маркизы позаботился о том, чтобы на ее могиле была выгравирована та необычная эпитафия, которую веком позже постарался уничтожить Соньер. Однако старания аббата были напрасны: эрудит Эжен Стублейн восстановил надпись и поместил ее в своей книге «Гравированные камни Лангедока».

В 1887 году кюре настаивает на немедленной реставрации церкви, в которой он проводит богослужения. Один из его предшественников, аббат Понс, завещал своему приходу шестьсот франков. Муниципальный совет в ответ на просьбу священника предоставил ему ссуду в четырнадцать сотен франков. В 1888 году началась спешная подготовка к реализации этого плана; в 1890 году аббат вновь взялся за дело, на этот раз поставив перед собой довольно амбициозные цели.

Главный алтарь церкви преподносит сюрприз наемным рабочим — каменщикам Русселю, Бабу и звонарю Каптье: одна из опор, поддерживающих алтарь, оказывается полой. Внутри ее, среди сухого папоротника, ждут своего часа три запечатанные трубки, хранящие в себе

пергаментные свитки. Известно, что, ознакомившись с их содержанием, аббат велел поднять в старой церкви одну из плит — и обнаружил под ней сосуд, наполненный драгоценностями.

В последующие годы жизнь полунищего аббата резко меняется: теперь его окружает роскошь, которой он не прочь щегольнуть перед окружающими.

Тайна нотариуса, обнаруженные в пергаментах указания на некое сокровище, загадка надписей, выгравированных на могиле маркизы, — сколько было высказано гипотез о происхождении невероятного богатства Соньера! Плюс ко всему, жизнь священника была небогата сколько-нибудь значительными событиями. Некоторое время спустя, ради того чтобы добиться рассмотрения дела Соньера в Римской курии, епископ обвинит его в симонии, однако в приватном разговоре он доверительно сообщит, что ничуть не верит в то, что аббат разбогател, присваивая себе деньги, полученные за мессы.

На протяжении своего жизненного пути кюре Ренн-ле-Шато не был одинок. Когда Мари Денарно повстречала аббата, этой проворной миловидной служанке было семнадцать лет. Ни единым словом не выдавая тайны Соньера при его жизни, она хранила молчание и после смерти своего патрона. Разумеется, нашлись люди, утверждавшие, что под дружбой служанки и священника скрывались отношения иного рода... Конечно, исключать такой вариант нельзя. Но поскольку в интересующем нас деле доказать можно лишь очень немногое из того, что нам известно, природа отношений аббата и его служанки остается под вопросом.

Двадцать два года, проведенные в Ренн-ле-Шато, не прошли даром: аббат завоевал доверие своих прихожан.

Его ценили даже республиканцы, которым не раз доставалось от священника-роялиста, обрушивавшего на них громы и молнии во время проповедей. Кюре умел быть снисходительным к затруднениям своей паствы, за что ему воздалось сторицей во время его опалы. Когда Соньера отстранили от исполнения его прямых обязанностей, его заместитель, назначенный епископом, совершал богослужения... перед пустыми скамьями: в то же самое время в заполненной до отказа церкви, прилегающей к вилле «Вифания», шли службы мятежного аббата.

Шло время. Зимой 1917 года этот незаурядный человек покинул этот мир. Что ожидало его в мире ином, путь к небесам — или огненная бездна?

Мучительно переживала смерть священника Мари Денарно. Множество ночей провела она на кладбище, у могилы аббата. «Увы, месье кюре мертв, теперь все кончено», — не раз слышали от нее односельчане. Прекрасное поместье священника, которое Мари получила по завещанию, прослужило ей около тридцати шести лет. Познав бедность после богатства и роскоши, она, несмотря ни на что, до последних дней хранила секрет аббата, проговорившись лишь однажды: «Золото у этой деревушки чуть ли не под носом...» Кто-то вспоминает и другие ее слова, обращенные к человеку, купившему у нее поместье: «Перед смертью я открою вам секрет, который превратит вас в могущественного человека». Смерть Мари Денарно наступила 29 января 1953 года. К сожалению, старая служанка не сдержала обещания: виной тому был инсульт. Так из жизни ушел последний свидетель, возможно знавший истину. До сего времени любопытствующие воздерживались от публикаций

сенсационных версий, поскольку Мари Денарно могла уличить их во лжи.

Все обстоятельства этого довольно банального дела не занимают много места, а выводы и вовсе можно уместить в нескольких строчках. Итак, в ходе своих исследований нотариус нашел документ, принадлежавший знатному роду Разе; в этом документе были сведения о некоем тайнике с сокровищами и его местонахождении. Нотариус известил о своем открытии деревенского кюре. Священник в свою очередь воспользовался этими сведениями и присвоил себе сокровище, спрятанное в церкви. Так в двух словах можно объяснить неожиданное обогащение аббата, помимо прочего сумевшего сделать из месс доходный бизнес. Можно ли на этом закрыть дело? По-видимому, нет, поскольку некоторые его детали по-прежнему не дают покоя: иными словами, зрителю интересны и главные герои этой пьесы, и театр, в котором она поставлена.

Что до сих пор привлекает внимание читателя в тайне Ренн-ле-Шато? Его интересуют взлеты и падения на жизненном пути разбогатевшего аббата: снисходительное отношение церковного начальства к образу жизни Соньера — и ужесточение порядков при новом епископе, вызванное, вероятно, избранием нового папы. До сих пор любителям тайн не дают покоя необычные изменения и добавления, произведенные аббатом в ходе реконструкции церкви. Некоторые не могут понять, откуда у простого деревенского священника появился столь странный круг друзей и знакомых... Постараемся ответить на некоторые из этих вопросов, обратившись как к персонажам, так и к истории края, в котором произошли эти события.

Итак, герой нашей истории — Франсуа Беранже Соньер. Беранже — это родовое имя, добавляющее в портрет нашего героя приятный провинциальный колорит. Его верную служанку зовут Мари Денарно. Однако что можно рассказать о месте, в котором развернулась эта эпопея? Ренн-ле-Шато... Пленительный образ, вызывающий в памяти живописные скалы, леса и деревеньки! Однако постойте... как вы сказали?.. Ренн-ле-Шато? Ох и ловкач этот ваш кюре! Простите, можете не продолжать: его история с нахождением клада более не представляет интереса. Но почему? О боже, что же здесь непонятного? Этот край наполнен таинственными историями о своем славном прошлом, хотя порой эти рассказы довольно противоречивы...

В V веке н. э. на месте Ренн-ле-Шато была Реде, крепость вестготов. Когда войска Хлодвига осаждали Тулузу и угрожали Каркассону, Реде на некоторое время превратилась в столицу этого края. Этот городок оставался единственным пристанищем вестготов, три с половиной века назад опустошивших Рим, в котором хранились сокровища Иерусалимского храма, разграбленного римлянами во время взятия Иерусалима.

Впоследствии Реде вновь приобрел столичный статус, став центром графства Разе, принадлежавшего знатному еврейскому роду: известно, что маркиза Мари де Негри д'Абль почивала на ложе, украшенном шестиконечной звездой. Но родословная дворян Разе и поныне вызывает множество споров, разногласий, порой порождая и вовсе фантастические домыслы. Так, существует мнение, что сеньоры Разе были потомками Меровингов. Одна из историй гласит, что супруга Дагоберта II, графиня Гизела из Реде, произвела на свет принца Сигиберта, которому

удалось уцелеть во время покушения, произошедшего в 679 году неподалеку от Стене. Таким образом, сын убитого Дагоберта мог быть законным правителем на правах потомка Меровингов. Впрочем не будем забывать, что в его жилах текла кровь и вестготских правителей: его дед Бера, отец Гизелы из Реде, был королем вестготов. В дальнейшем мы увидим, кто приписывает роду Меровингов необычные способности и добродетели: члены обществ, слывающих тайными, высокородные семьи и всевозможные толкователи. Историки же сомневаются в том, что юный принц остался цел и невредим в боине, унесшей жизнь его отца. Хотя бы по той простой причине, что, возможно, Сигиберта никогда и не было, как не существовало и его матери Гизелы!

Прошло еще несколько веков — и Реде превратился в Реду, центр страны катаров. Крестовый поход 1209 года, ознаменовавшийся резней в Безье, прочно вошел в историю, будучи связан с осадой и сожжением Монсегюра в 1244 году. В Монсегюре нашли приют последние общины катаров; там, проводя время в молитвах и размышлениях, оставались мужчины и женщины, в течение многих лет уделявшие большее внимание не религиозным догмам, но духовной жизни. Их «тайное» учение, ищущее ответы на то, что есть бытие, привлекало множество людей, охотно вступавших в ряды «совершенных». Существует мнение, что нескольким «совершенным» удалось покинуть Монсегюр перед осадой и сохранить духовные ценности катаров, по поводу которых было высказано немало гипотез. По одной из них, этим сокровищем был священный предмет, обладавший чудодейственной силой: Святой Грааль. Полагают, что его могли спрятать в трех местах: Сабарте в долине Арьежа,

замок д'Юссо на реке Од... и Верхний Разе, столицей которого был Реда.

Век спустя после разыгравшейся в этих краях трагедии катаров Реда стал орлиным гнездом тамплиеров: помимо нее, командорства тамплиеров располагались в Кампани, Безю и Лавальдье. Любопытно, что не вызывавшее споров мнение о командорствах тамплиеров в окрестностях Ренн-ле-Шато не так давно было опровергнуто одним автором, нашедшим средневековый пергамент, в котором говорилось, что в вышеупомянутых краях осели не тамплиеры, а госпитальеры.

Различные исследователи, считавшие, что тайна Соньера каким-то образом связана с темными местами в меровингской генеалогии, уделили этой проблеме большое внимание. Столь щекотливый вопрос, как деятельность катаров, тамплиеров и «неомеровингов», также займет свое место в обсуждении этого дела. Перечисленные религиозные группы так или иначе затрагивают *ipso facto* римско-католические догматы, что подчас вызывает острый обмен мнениями.

Есть еще одна нить к «сокровищам Соньера»: фоном в картине известного художника Никола Пуссена «Пастухи Аркадии» служит уже знакомая нам местность — это окрестности Ренн-ле-Шато и Безю. Помимо этого, на картине запечатлен девиз сеньоров Ренна, высеченный на камне: «И в Аркадии я». По некоторым предположениям, полотно Пуссена является ключом к разгадке, в нем можно найти указание на место, где, возможно, находится тайник с сокровищем. К тому же Пуссен был знаком с Николя Фуке, сюринтендантом финансов при Людовике XIV. В 1661 году этот министр был арестован и заключен в одиночную камеру, где он провел остаток

своей жизни, девятнадцать лет. Некоторые утверждают, что король выкупил полотно Пуссена и изменил в нем некоторые детали. Быть может, это были «говорящие» детали?

Обратим внимание на другие исторические свидетельства, которым более не найдется места в ходе нашего расследования. Читатель, вероятно, уже понял, что тема обычного обогащения вызывает волну разнородных вопросов, среди которых есть и такие: входил ли наш священник в религиозно-политические объединения, не состоящие на службе у III республики или Ватикана? Ведь свидетельств тому множество... Не нашел ли аббат сокровище иного рода, нежели деньги и драгоценности, — сокровище сакральное? Не стал ли он богат в результате обладания неким знанием? Возможно ли, чтобы его поиски были кем-то оплачены? Не было ли богатство аббата платой за его молчание, за сокрытие опасного знания? Для кого это знание могло представлять угрозу?

Итак, можно искать ключ к тайне, сформулировав ее следующим образом: не нашел ли аббат некие документы, заключавшие в себе генеалогию знатных родов? Не было ли в этих документах сведений, проливавших свет на какие-то религиозные догмы? Что стоило больше — сокрытие этих свидетельств или их разглашение? И разумеется, есть ли доказательства того, что эти документы были настоящими, а не поддельными? Сколько сокровищ, какое изобилие тайн, способных поставить под угрозу светский или церковный уклад жизни! Есть от чего предвкушать удовольствие. Или содрогаться от ужаса. Или пожимать плечами.

Поиски станут еще более беспорядочными, если вслед за этой лавиной вопросов на читателя обрушится вал

непроверенной информации, отдельные факты которой наглядно демонстрируют необычную атмосферу, царящую в крае Разе. Порой даже невозможно понять, каким образом эта информация относится к делу нашего аббата...

Так, например, в день, когда начнется Апокалипсис, единственным убежищем на Земле станет округа Ренна; там встретятся уцелевшие, после чего они возвестят миру новую Благоую весть, объявив о победе Христа над антихристом.

В Ренн-ле-Шато, точнее, в районе горного массива Бюгараш приземлялись инопланетяне... Около дюжины свидетелей воочию видели неопознанные летающие объекты, что отражено в протоколе, хранящемся в местной жандармерии.

Земля Ренна — это край, каких мало на нашей планете: порой в округе происходит смещение временных и локальных барьеров. Несомненно, именно поэтому здешние места посещали алхимики, преследуя свои личные цели. То, что эта местность обладает странными свойствами, признавали не только медиумы, но и люди, далекие от веры в эзотерические идеи.

По этим и некоторым другим причинам сведения о деревушке Ренн-ле-Шато можно найти во французских и испанских гостиницах: история аббата Соньера изложена в их рекламных проспектах. Во французских отелях вам предложат меню из нескольких блюд; отведав их, дегустатор побережет свое мнение. В испанской гостинице большинство посетителей питаются тем, что принесут с собой.

Как и почему разбогател аббат Соньер? На этот вопрос можно дать многогранный ответ, включающий в себя

множество разнородных гипотез... Поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые специалисты в этой области довольно неубедительно интерпретируют те или иные факты. Однако... сколько указаний можно расшифровать без особых усилий!

В данном случае указаний у нас предостаточно, мы снабжены ими куда лучше, чем знаменитые сыщики. Трудность заключается в другом: не утонуть в море имеющейся у нас информации. Некоторые знаки были сфабрикованы, однако и эти ложные следы представляют интерес для исследования. По крайней мере, они демонстрируют то, в каком направлении работала мысль «тех, кто знает немного», тех, кто желал сбить с пути всех остальных. Среди них были и те, кто стремился затенить или исказить факты, поэтому стоит сосредоточить свое внимание и на исторических вопросах: там нас ждет поле для обильной жатвы.

Рассказал ли кому-либо аббат Соньер об истинной причине своего обогащения? Вряд ли священник доверил эту тайну своей верной служанке. После того как аббат покинул юдоль земную, Мари Денарно вела тихую неприметную жизнь, красноречиво свидетельствующую об отсутствии в ее доме несметных сокровищ... Знакомые и коллеги аббата знали немного. Одним было известно об обстоятельствах этого дела, другие говорили о том, что секрет аббата пытались раскрыть многие: какая-то мистическая организация, кюре Буде из Ренн-ле-Бен, другие «посвященные», а также сильные мира сего...

Скорее всего, Соньер открыл свой секрет единственному человеку: кюре Ривьеру из Эсперазы, который посетил его на смертном одре. Если бы аббат Ривьер был менее догматичен, если бы у него был более живой ум,

стальные нервы и предчувствие того, чего в данном случае желал Ватикан, тогда бы мы не ломали голову над этой историей. Но такова судьба: исследователям остается лишь догадываться о причинах поступка аббата Ривьера, поскольку более точными указаниями мы не владеем.

Возможно, в последней главе мы поместим слова мифического инспектора Бурреля: «Но ведь это само собой разумеется!» — или какое-либо подобное выражение.

Однако какие достоверные факты имеются в нашем распоряжении?

Глава I

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В РЕНН-ЛЕ-ШАТО

Краткий исторический очерк

Читатель, интересующийся историей Ренн-ле-Шато, узнает о ней намного больше, если попутно обратится и к географии этого края.

Отправляясь в Ренн-ле-Шато из Каркассона, лучше всего воспользоваться трассой D 118. Через двадцать километров нас встретит Лиму, административный центр, насчитывающий десять тысяч жителей. Этот город славится белым игристым вином, лучшие сорта которого ничем не уступают шампанскому. Путешественника, интересующегося культурными памятниками этого края, привлекут руины древних укреплений, возведенных в XIV веке, площадь Аркадии и устремленный ввысь готический храм Сен-Мартен. В трех километрах от города находится еще одна примечательная церковь: восстановленная в XIV веке Нотр-Дам-де-Марсель, в которой нашла приют Черная Дева. Думается, поклонники искусства не пройдут мимо известных произведений местной живописи, хранящихся в стенах этого святилища. Благодарственные приношения, привлечшие внимание туриста, напомнят ему о том, насколько был развит в этих местах культ Богоматери, сколь много людей просили

заступничества у Девы. То же напоминание таит источник неподалеку от церкви — его называют чудодейственным. Отсюда путешественник может охватить взором расстилающуюся перед ним равнину, уходящую к отрогам пиренейских гор.

Проехав еще десять километров к югу, мы покидаем дорогу местного значения, повернув налево. Перейдя реку Од по узкому мосту, построенному в XI веке, мы попадем на главную улицу деревни Але-ле-Бен. В верхней ее части можно побродить по узким улочкам старинного еврейского квартала, сохранившего память о своем прошлом в названиях улиц. В центральной части деревни турист увидит живописные развалины: это руины монастырской церкви, выполненной в романском стиле приблизительно в XVI веке. Название «Але-ле-Бен» восходит к «Electa» («избранный город»). В 1318 году здесь учредил епископство папа Иоанн XXII; время расцвета Але-ле-Бен пришлось на 1637–1677 годы, в период правления епископа Никола Павийона, ученика св. Винсента де Поля.

Если в запасе есть время, можно отправиться к западному горному склону, на котором расположилась деревушка Сен-Сельвейр. Путника встретит десяток покосившихся домов, оживающих лишь во время отпусков, и неприметная церковь, в которой царят покой и тишина. В таких местах поневоле погружаешься в задумчивость, на время отрешившись от суетных дел и мыслей. Тропа, поднимаясь все выше, углубляется в мелкую поросль, после чего делает поворот... и путешественник замирает от восторга: перед ним открывается вид, не поддающийся описанию, — голубые Пиренеи с седыми вершинами... Ближе к востоку виднеется восхитительная Бюгараш,

самая высокая вершина в горной цепи Корбьер (1230 метров). Гора, с чьим именем связано множество странных легенд, кажется отсюда столь близкой...

Однако время возвращаться на землю. На этот раз наш путь лежит к южному мысу: покинув Але-ле-Бен, мы отправимся вдоль реки Од, некогда преграждавшей нам дорогу в «избранный город». По ее каменистым, не слишком крутым склонам тянется железнодорожный путь, соперничающий с трассой. Нежная весенняя зелень, окаймляющая реку, с приходом осени окрашивает берега Од в рыжеватые тона. Южнее местность приобретает глинистый коричневато-красный оттенок, оставаясь такой до конца нашего путешествия. Мы входим в Куизу: это большое селение, в сентябре 1992 года сильно пострадавшее от наводнений. Нам придется пройти мимо первой развилки, открывающей путь в Ренн-ле-Шато: эта дорога обладала странным очарованием, пока не наступил тот роковой день, когда уровень воды в мелководной Сальсе поднялся почти на тринадцать метров. Однако природа залечит свои раны...

Итак, пересечем Куизу и повернем налево лишь тогда, когда дойдем до последних домов деревушки. На протяжении извилистого пути в четыре километра тут и там можно будет заметить пересечения с той самой тропинкой для мулов, которой веком ранее пользовались Соньер и его паства.

Остановимся на мгновение, окинув взглядом окрестности. По склону вьется дорога, ведущая в Ренн-ле-Бен, там же виднеется деревня Кустосса с ее разрушенным замком, дароносица этого высокогорного живописного края. Бюгараш предстает перед вашими глазами во всем своем величии. Еще дальше начнутся земли тамплиеров,

Безю и Лавальдье. Указатель «Ренн-ле-Шато» попутно предупреждает: «Раскопки запрещены». Последний рывок — и мы оказываемся на смотровой площадке, возвышающейся над Ренном, откуда открывается вид на западные окрестности деревни. Словно фон живописного полотна, перед глазами встают Пиренеи; под ногами струится Од, речушка, склонная к внезапным переменам настроения; на ее берегах расположились Куиза, Эспераза и Кампань, хранящие следы пребывания тамплиеров. В горных отрогах спрятался Кийан, второй крупный центр в округе, получивший свое имя от приютивших его гор. Любопытная деталь: Битраг, самый высокий из трех отрогов, поднимающийся над горной грядой на 647 метров, расположен между Бюгараш и Монсегюром; одна треть пути отделяет его от вершины Корбьеров и две трети — от центра катаров.

И вот, мы, наконец, прибываем на место событий — Ренн-ле-Шато. Замок, когда-то принадлежавший графу, выстоял под ударами времени: главный фасад строения пока что в хорошем состоянии — чего не скажешь о северной стороне замка. Нынешний его владелец, господин Фатен, прекрасно понимает, что замок долго не протянет, если им не заняться, однако стоимость реконструкции оценивается в миллионы франков... увы, давно уже нет в живых министра изящных искусств, навещавшего аббата Соньера!

Справа, чуть выше, находится знаменитая церковь, сильно измененная Соньером в ходе реконструкции. Аббат Берлан, кюре Кийана и викарий Ренн-ле-Шато, уверяет нас, что этот храм ничем не отличается от других. Искусствовед Жан-Клод Дани придерживается иного мнения: в церкви можно найти девяносто отклонений

от нормы. Конечно, в первое посещение Ренн-ле-Шато не стоит и пытаться отыскать все аномалии, однако неожиданности начинаются уже у входа в церковь: так, статуя Девы установлена на «вестготской» колонне с высеченным на ней перевернутым крестом, а с портика храма на вас взирает сам дьявол, поддерживающий кропильницу. Большинство людей уверено в том, что это Асмодей, хранитель сокровищ, в числе которых могут быть и реликвии Иерусалимского храма. Местность, изображенная на огромной фреске с незатейливым сюжетом (Иисус призывает заблудшие души: «Придите ко мне, угнетенные»), напоминает здешние края. Удивляет обилие роз: их можно увидеть и в вышеупомянутой картине, и в тимпане храма. Изображение крестного пути также включает в себя инородные вкрапления: легкоузнаваемые окрестности, которые можно увидеть по соседству с Ренн-ле-Шато.

Покровителями этой церкви являются два святых: Мария Магдалина и св. Антоний Отшельник, скончавшийся, согласно преданию, в Галамусе, всего лишь в пяти или шести милях от этого места. В апсиде храма внимание посетителей храма привлекает довольно странная особенность: друг напротив друга находятся два младенца Иисуса, один в объятиях Марии, другой — на руках Иосифа.

Вернемся к Марии Магдалине, официальной покровительнице церкви до появления в Ренн-ле-Шато аббата Соньера; разве не достаточно ясно указывают на ее статус семьдесят глифов с инициалами «S. M.» — Святая Магдалина? Однако традиционно на глифе никогда не ставили инициалов святого...

Отметим, что не менее часто в этом храме можно найти слово «есть», форму латинского глагола «быть»:

«est». Не является ли оно одновременно указанием на одну из сторон света?

Но покинем на время эту странную церковь, оставляющую в душе гнетущее чувство, и обратимся к другим, не менее странным знакам. Мы вновь оказываемся у «вестготской» колонны, на которой высечена отнюдь не вестготская надпись: «Миссия 1891». О какой «миссии» может идти речь? Можно предположить, что в 1891 году аббат принялся за реставрацию храма («миссии»), а также установил эту колонну. Тем не менее столь простое объяснение не удовлетворяет охотников до всего необычного. Слово «миссия» («mission»), по их мнению, не что иное, как два слова: «mis Sion», то есть «основанный Сионским орденом», или орденом Богородицы на горе Сион. Это тайное общество появилось на свет во времена тамплиеров; его великими магистрами («навигаторами») при жизни Соньера были такие известные личности, как Виктор Гюго и Клод Дебюсси. Последний, насколько известно, даже навещал аббата в Ренн-ле-Шато.

Еще раз обратим внимание на вестготскую колонну с перевернутым крестом, называемым «крестом молчания». Если сделать отправной точкой отсчета ворота церкви, то обнаружится весьма любопытная деталь: перевернутый крест расположен симметрично по отношению к исповедальне храма. Быть может, перед нами еще одно указание на то, в каком направлении следует продолжать поиск? Дело в том, что каждое из значимых мест в храме симметрично неким точкам за его пределами, соединив которые можно получить настоящий «храм-перевертыш»... Мы еще вернемся к этому вопросу в ходе нашего расследования.

Поднимаемся еще выше, к вилле «Вифания», окруженной огромным заброшенным садом, над которым возвышается башня Магдала. В течение двадцати лет, вплоть до 31 декабря 1993 года, владельцем этих мест был Анри Бутьон. Недавно он продал имение голландской компании, которая предложила разместить на его территории туристический центр, включающий отель и два ресторана; «Вифания» стала бы местом проведения конференций, экскурсий и выставок. Господин Бутьон — в высшей степени любезный хозяин; искренняя вера в Бога не мешает этому высокообразованному человеку заниматься междисциплинарными исследованиями, изучением пергаментов или приборов радиоэкстрасенсов. Пожалуй, стоит упомянуть и о благоразумии Анри Бутьона, прекратившего работы в вырытой им галерее под башней Магдала: поняв, что при сильном порыве ветра башня может накрениться в сторону Куизы, он оставил это занятие.

Туристу доставит удовольствие вид со смотровой площадки по соседству с Магдалой: перед его глазами предстанет широкая долина, окаймленная горными уступами, спускающимися к Па де ла Рок, к той самой котловине, в которой, согласно некоторым историкам, находился когда-то город Реде. От древней столицы вестготов, в V веке насчитывающей тридцать тысяч человек, осталась деревушка, число жителей которой не дотягивает и до семидесяти... Так проходит мирская слава.

Однако вернемся в наше время, чтобы отправиться на поиски исторических свидетельств того, что же являл собой Ренн-ле-Шато в предшествующие века и тысячелетия.

Судя по ископаемым, найденным в недрах юго-восточного плато, простирающегося от Ренна вплоть до

Бюгараш, на месте Ренн-ле-Шато в незапамятные времена бушевало море. Из геологических данных мы узнаем, что синклиналь (складка пластов горных пород, обращенная выпуклостью вниз) не поладила с антиклинальной частью: это противостояние привело тектоническим нарушениям и катаклизмам, затянувшимся на тысячелетия. В результате этих изменений там, где сейчас шумит город Нарбонна, возник горный массив Клап. Море понемногу отступало, и острова, освобождаясь от воды, превращались в вершины горной цепи Корбьер.

Наконец синклиналь и антиклиналь заключили перемирие: началось время заселения Верхнего Разе, о чем свидетельствуют доисторические захоронения, открытые господином Фаже у подножья скалистого мыса, на котором обосновался Ренн-ле-Шато. Аббаты Мазьер и Демонт предположили, что найденные останки можно отнести к двум эпохам: солютрейской и робенгаузенской. В 1908 году Тиссейром был обнаружен оссуарий размером в несколько сотен метров.

Открытие подобных захоронений лишь подтверждает догадки историков: до нашей эры в этих местах жили иберы, некогда занимавшие обширную территорию от средиземноморских островов вплоть до Ирландии. Впоследствии иберы заселили земли, ныне принадлежащие Испании и южной Франции; вслед за ними появились кельтские племена: вольки тектосаги. Не обошли вниманием этот край и народы, промышлявшие торговлей: финикийцы, карфагеняне, греки. Римская империя, распространившая свое влияние на Галлию, основала здесь город *Narbo Martius*, ставший столицей Нарбоннской Галлии. Следов, свидетельствующих о романизации Галлии, в регионе Ренн-ле-Шато предостаточно: римский

мост в Ренн-ле-Бен (к сожалению, разрушенный наводнением 1992 года), мост между Ренн-ле-Бен и Бюгараш, латинские надписи, монеты, амфоры, урны... и даже высеченная на камне голова Богини Начал. Этот камень и поныне можно увидеть в Ренн-ле-Бен, если внимательно приглядеться к кладке одной из стен дома священника. На месте римских фортификаций были воздвигнуты замки и укрепления Серре, Арк, Бланшфор, Ла-Вьяласс и Роко Негро. Следует отметить, что римляне строили крепости, подступы к которым были надежно защищены самой природой. Так, ими было возведено оборонительное укрепление на вершине горы Безю, названное Альбедум: его выстроили на месте храма, посвященного божеству Беленосу. Позднее там расположилась община тамплиеров Безю. Местность этого края защищала оборонявшихся ничуть не хуже, чем их военное искусство.

Однако грядут времена упадка Римской империи: покинув берега Данубия (Дуная), в Рим вторгаются племена варваров. Читатель, привыкший к современному значению слова «варвар», будет несколько удивлен, когда узнает, что вестготы, разграбившие Рим в 410 году, представляли собой организованное общество, превратившееся из союза племен в королевство. Войска вестготов-федератов были серьезной военной силой, с которой стоило считаться, но вряд ли их можно назвать безжалостными завоевателями. Дорожа своей независимостью, они, тем не менее, всегда искали *modus vivendi* (способ сосуществования) с завоеванными народами.

Вестготы исповедовали арианство, признанное ересью в ходе Никейского собора 325 года. Мы еще вернемся к этому довольно странному пассажиру в истории.

Захватив Рим в 410 году, вестготы разграбили Вечный город. Заметим, что за три с половиной века до этого события римляне разрушили Иерусалим и его храм, что немаловажно для дальнейшего расследования дела Ренн-ле-Шато.

В 413 году, преодолев горную цепь Корбьер, вестготы появились в Южной Галлии и поселились в регионе нынешнего Ренна. В последующие месяцы по обе стороны Пиренеев раскинулось королевство вестготов, северной столицей которого стала Тулуза. Однако в 507 году земли к северу от Пиренеев пришлось отдать франкскому королю Хлодвигу. Еще долгое время вестготы занимали Верхний Разе: сеньориальные браки породили на свет потомство, соединившее в себе признаки двух этнических групп.

В рамках повествования о «вестготском периоде» Ренн-ле-Шато мы не можем пройти мимо этимологии имени «Реде». Одни из исследователей считают, что название могло появиться от латинского «reda» («повозка», «телега»), во множественном числе имеющего форму «redae». Действительно, вестготы пользовались телегами с большими деревянными колесами; в таком случае Реде может означать «Город повозок». Существует и другая, менее распространенная точка зрения: в топониме отражено имя языческого божества Реда, повелителя бурь и молний.

На этом мы завершим рассказ о вестготском владычестве: теперь нам известно, почему Ренн-ле-Шато считается краем, таящим в своих недрах священные сокровища Иерусалимского храма.

Издавна все школьники Франции и Наварры затверживают историю о том, как «длинноволосые короли»,

Меровинги, превратились в «ленивых королей», погружившись в апатичное бездействие, которое впоследствии стоило им отказа от власти. 23 декабря 679 года в лесу неподалеку от Стене, в Лотарингии, был убит знаменитый св. Дагоберт. И вновь история возвращает нас в маленькую деревушку Ренн-ле-Шато: согласно утверждениям некоторых историков, Дагоберт II был женат на графине Гизеле из Реде, дочери короля вестготов Беры, но при этом вассала франкских королей. Правда, эти факты не имеют каких-либо объективных доказательств. У супружеской пары родился сын Сигиберт, который впоследствии чудом уцелел в бойне, унесшей жизнь его отца: преданные рыцари спасли юного принца, укрыв его в Верхнем Раде. Сигиберт вырос, обзавелся потомством; скончался продолжатель меровингской династии в Реде, в 758 году. «Плита рыцарей», которую сейчас можно увидеть в музее, изначально покоилась на его могиле, после чего еще долгое время служила алтарем в старинной церкви Ренн-ле-Шато.

Время шло. Вторжение арабов было остановлено. Власть Каролингов ослабевала, что было лишь на руку сеньориальной власти, понемногу добивавшейся независимости.

В 849 году Пипин II, правивший Аквитанией, назначил графом Тулузским Фределона. Новый правитель тотчас расширил свои владения, присоединив к ним Руэрг. На смену каролингской династии, прекратившей свое существование в 987 году, пришли Капетинги, однако им не удалось объединить провинции под своей властью, в чем преуспел когда-то Карл Великий. Тем временем графство Тулузское перешло в руки графов Раймундов де Сен-Жиллей. Благодаря их усилиям с XI по XII век граф-

ство Тулузское разрастается: в него входят земли Верхнего Лангедока (Тулуза, Ажене, Марш, Керси, Руэрг), области Нижнего Лангедока (Каркассон, Безье, Нарбонна... и Ренн!), Монпелье, Авиньон, маркграфство Прованс и часть будущего Дофине.

Наступает время расцвета Тулузского графства: плодородные земли дают богатый урожай, процветают ремесла, завязываются торговые отношения с Испанией, а также с мусульманскими народами ближневосточных стран.

Не менее благоприятное время наступает и для общественной жизни, о чем свидетельствует распространение «*paratge*», своеобразного равенства сеньоров и вилланов, мужчин и женщин. Последнее сильно отличает графство Тулузское от других областей: в то же время в некоторых странах еще не могут решить вопрос, есть ли у женщины душа! Культ служения Прекрасной даме становится основной темой куртуазной поэзии.

Порой можно услышать мнение, что окситанская куртуазная поэзия берет начало при дворе мавританских королей. Что ж, вполне возможно, что трубадуры могли почерпнуть у мавров некие правила своего искусства, нюансы, позволявшие им свободно выражать свои чувства. Однако «мавританское искусство» не сумело бы завоевать сердца и души края Ок, если бы для этого не была подготовлена благодатная почва, созданная усилиями графов Тулузских. В XIII веке прочное место в традициях окситанской земли заняли «суды любви», самые известные из них проводились в Пуйверте, в десяти милях от Ренн-ле-Шато. Это было время, когда трубадуры Раймон де Вентадур, Гираут де Борнель или Раймон де Мираваль соревновались в своем искусстве с графом

Тулузским, королем Арагонским и другими знатными сеньорами. Благословенная эпоха, когда великие западные монархи обменивались письмами с окситанскими правителями... В то же самое время короли Парижа, которым не было равных в искусстве соколиной охоты, не умели ни писать, ни читать!

Росткам демократии в графстве Тулузском помогло взойти как благоденствие, царившее в крае, так и идеи, естественным образом вписывающиеся в контекст окситанской культуры. Сеньоры передавали часть своих полномочий выходцам из народа, чьими усилиями создавались органы власти, подобные нынешним муниципальным советам. В Тулузе городом управлял синдик, в постановления которого графы остерегались вмешиваться. Такой уклад, появившийся вскоре и в других городах, помогал завязывать отношения между различными слоями населения.

Распространение «*paratge*» культивировало терпимость и в отношении религиозных и философских убеждений. Евреи, обеспечившие процветание страны, принимали активное участие в создании высших учебных заведений, к числу которых следует отнести университет в Монпелье. В Аквитании и графстве Тулузском нашли приют манихеи; не исчезло бесследно и арианство, бывшее в далеком прошлом религией вестготов; в графстве Фуа можно было встретить последователей присциллианства. Представители этих трех религий, обвиненные Римом в ереси, жили в полном согласии с приверженцами самой распространенной религии, римско-католического христианства. История помнит лишь несколько случаев раздора, вызванных давлением со стороны папы и нетерпимостью некоторых сановников католических орденов.

Однако в той буре, которая могла бы разразиться, большинство священников, представителей светского духовенства, доказали бы, что любовь и братские отношения могут взять верх над фанатичностью.

Процветающее общество и растущий культурный уровень, свободомыслие и терпимость стали прекрасными условиями для появления на свет великой религии - религии катаров. Учение, зародившееся в краю Ок к концу XI века, имеет очевидное сходство с известной древней традицией, идущей от школ мистерий и зороастрийской религии. Безоговорочная вера в учение, основанное на ограничительных догмах, уходит на второй план, уступая дорогу новому ключевому понятию — «Поиск». Подавляя искушения, прилагая все усилия к тому, чтобы в мире царила всеобщая любовь, человек должен отыскать божественные сокровища, потаенные в душе каждого человеческого существа. «Познай самого себя — и ты познаешь тайны Природы и Бога», — начертано на фасаде Дельфийского храма. История народов и религии не раз показывает, что религии «поиска» отличались высокоразвитой культурой и толерантностью, легко находили способы самовыражения, но как только уровень культуры и веротерпимости падал до средней отметки, на сцену вновь возвращались обязательная вера и догматизм.

В течение XII века катаризм получил в графстве Тулузском широкое распространение. Полноправные члены Церкви, называвшие себя «совершенными», отказывались от того, что принято называть земными удовольствиями; они приучали себя к духовным упражнениям, не несущим в себе какой-либо таинственности, но требующим терпения и настойчивых усилий. Живя среди обездоленных людей, катары делили с ними труды, горести

и радости бедной жизни, отказываясь от любых денежных взысканий в пользу своей Церкви. Такие действия привлекали к ним множество верующих; к тому же единственным условием, выдвигаемым катарами, была простая просьба: видеть в своей душе борение плохого и хорошего, а также проявлять себя, если встретится возможность совершить добрый поступок.

В 1200 году папский престол занимает Иннокентий III. Понтифик настоятельно требует от короля Филиппа-Августа разрешения на крестовый поход, который должны возглавить знатные вельможи королевства, — на этот раз военные действия направлены против графства Тулузского, рассадника катарской ереси.

В рамках нашего исследования мы не имеем возможности подробно останавливаться на самой страшной главе окситанской истории. За двадцатилетней войной, встречающей сопротивление на протяжении всех двадцати лет, последовало страшное время: век инквизиции, массового истребления людей, начало которому было положено в Безье... По одному лишь историческому свидетельству можно получить полное представление о глубочайшей духовной нищете зачинщика репрессий: папа давал отпущение грехов всякому, кто приносил достаточно хвороста для костра, на котором казнили еретика...

После завоевания большей части графства и капитуляции графа Раймунда VII замок Монсегюр укрыл в своих стенах две сотни катаров, патриархом которых стал Бертран де Марти. Этот замок пользовался большим авторитетом; верующих, приходящих из разных концов страны ради того, чтобы услышать проповеди катаров, не пугали превратности опасного пути. Некоторые с позволения на то катаров проходили обряд «утешения»,

позволявший посвятить свою жизнь проповедованию вероучения. «Совершенные», пользующиеся поддержкой среди местного населения, относившегося к ним с симпатией, покинули «Гору», чтобы проповедовать свое учение в других землях. Те из них, кто были схвачены, окончили свой путь на костре. В свою очередь, катары поклялись не предавать свою веру, каким бы пыткам их ни подвергли.

Наконец регентша Бланка Кастильская принимает решение: нужно «отрубить голову дракону», покончить с ересью, символом которой стала крепость катаров. Осада Монсегюра произошла в 1243 году; пяти тысячам, осаждавшим крепость, оказывали сопротивление две сотни вооруженных людей... Действительно, рельеф этой местности делает более выигрышной оборону, нежели наступление. Однако положение осажденных неумолимо ухудшалось.

Небольшое отступление: согласно одной из историй, четверем катарам удалось бежать — вероятно, это произошло в ночь с 14 на 15 марта 1244 года. 16 марта на костре, зажженном в Монсегюре, заживо сгорели двести катаров... Уцелевшие «совершенные» спрятали в безопасном месте некое духовное, эзотерическое сокровище, иными словами, богатство Церкви катаров. Существует мнение, что их таинственное сокровище могло быть спрятано в трех местах: в гротах Юсса (Арьеж), в замке Юссо на реке Од... и в окрестностях Ренн-ле-Шато. Два первых места в этом списке появились в результате упоминания в документах некоего «castrum Sos» (то есть «замок Со», в переводе с вульгарной латыни), в то время как гипотезы о вероятном сокровище катаров в Ренн-ле-Шато основаны на устной традиции.

Итак, мы выяснили, почему некоторые ищут в округе Ренн-ле-Шато сокровища катаров. Однако на вопросе о том, кому же принадлежали сокровища, пока что рано ставить точку.

История гласит, что к концу своего второго регентства Бланке Кастильской пришлось усмирять кровавый бунт «пастушков», охвативший в 1251 году Северную Францию. По словам некоторых авторов, регентша отбыла в Ренн, чтобы спрятать в надежном месте часть королевских сокровищ (возможно даже, что это происходило при содействии ее протеже, знатной семьи рода Ниоров).

Сторонники того, что в окрестностях Ренн-ле-Шато спрятаны королевские сокровища, приводят достаточно спорные доказательства в пользу своей теории. Согласно им, Бланке Кастильской, в 1252 году покинувшей этот мир, не хватило времени на то, чтобы отправить свое сокровище в Париж. Она не смогла известить об этом своего сына, Людовика IX, в тот момент находящегося в Святой земле. Быть может, Людовик все же узнал о тайнике матери, но не имел удовольствия воспользоваться им, поскольку его собственная смерть в результате скоротечной болезни наступила в 1270 году.

Наконец мы приступаем к истории, и поныне вызывающей небывалый разгул страстей, — к рассказу о тамплиерах. Возникнув приблизительно в 1100 году, орден воинов-монахов приобрел славу и небывалый престиж во время крестовых походов. Процветающий в материальном отношении орден обосновался во Франции, попутно основывая на своем пути сотни командорств. Однако два века спустя тамплиеров ждал крах: члены ордена были схвачены по приказу Филиппа Красивого,

обвинившего их в ереси; тамплиерские командорства были ликвидированы. Об этой истории, как, впрочем, и о религиозном вопросе, имеющем к ней отношение, мы расскажем чуть дальше.

Эпопея тамплиеров, вошедшая в историю региона Ренн-ле-Шато, остается одним из самых значительных ее эпизодов. Именно этот исторический фрагмент чаще всего привлекает внимание тех, кто с головой погружается в «дело аббата Соньера».

Первым, кто обнаружил следы тамплиеров в Верхнем Разе, был аббат Рене Мазьер. Этот эрудит высочайшего уровня досконально изучил имеющиеся материалы, в результате чего на свет появился его труд, с выводами которого мы в целом согласны. Добавим лишь, что его точка зрения в недавнем прошлом была оспорена автором, живущим в той же местности, Раймондой Резниковой. Ее эрудированность и добросовестное отношение к материалу не вызывают сомнений, однако, на наш взгляд, делать всеобъемлющий вывод на основании всего лишь одного документа чересчур рискованно...

Итак, обратимся к сведениям, почерпнутым в книге аббата, озаглавленной «Тамплиеры Безю». В ней собраны устные предания о тамплиерах, бытовавшие в деревнях Сен-Мартен-Лис, Брезилу, Ле-Безю, Сен-Жюст, Кампань, Кийан и в некоторых других местах. Помимо этого, аббат находил нужную ему информацию в архивах департаментов Од, Арьеж, Перпиньян, Восточные Пиренеи и в Каталонском принципате. Аббат не упустил из виду исследования, проведенные в этой области другими людьми: работы Фратаччи, начальника департаментского отдела регистрации, исследования бывшего депутата Герара и инженера Кро, труды Фалеза, бывшего сенатора

и историка, занимавшегося орденом тамплиеров, изыска́ния маркизы де ла Каз... Это затянувшееся перечисление материалов и исследователей нужно нам лишь для того, чтобы показать разницу между работой, проведенной аббатом Мазьером, и трудами его оппонента. Раймонда Резникова обнаружила средневековый документ, упоминающий о том, что в Безю находилось командорство госпитальеров... Факт несколько спорный, но небезосновательный, поскольку после уничтожения ордена тамплиеров довольно часто их замки и поместья занимали госпитальеры. Однако вернемся к работе аббата Мазьера.

Командорство тамплиеров находилось в Кампань-сюр-Од, там и поныне остались следы их пребывания: врата тамплиеров, часовня и донжон. Память о них жива и в Безю, где можно увидеть руины тамплиерского замка и крест с расширяющимися концами, символ веры храмовников. Судя по документам, тамплиеры Безю находились в подчинении у командорства Мас-Деу, около Перпиньяна. Командорство тамплиеров располагалось и в Руссильоне, в те времена принадлежавшем Арагонскому королевству: в день 13 октября 1307 года, когда по приказу Филиппа Красивого началась волна арестов тамплиеров, многим братьям этого округа удалось спастись. В 1317 году владения храмовников перешли к госпитальерам. Аббат Мазьер приводит и другие места, служившие убежищем ордену «бедных рыцарей христовых». В частности, в этом списке фигурирует Реда: по сведениям аббата, храмовникам любезно предоставил приют Пьер де Вуазен. Известно также, что в окрестностях Ренна есть поле, которое крестьяне не обрабатывают: по их словам, когда-то на этом месте было кладбище тамплиеров.

Чтобы показать, насколько легенда соотносится с древней действительностью, аббат Мазьер шутливо приглашает своих читателей «в ночь с 12 на 13 октября подняться на гору Безю и притаиться в древних руинах. В свете луны им будет виден высокий утес, в глубине которого притаилась община Баруто. Там находится таинственный колодец, где вот уже 650 лет покоится маленький серебряный колокол тамплиеров. Его звон всегда раздается в одну и ту же ночь: с 12 на 13 октября. В ту же минуту длинная вереница белых теней, выходящих с заброшенного кладбища, устремляется к руинам. Это тени умерших тамплиеров, которые ищут церковь, древнюю маленькую церковь, чтобы отслужить в ней заупокойную мессу. Разумеется, это всего лишь легенда, однако она прекрасно показывает нам, насколько живы еще в народной памяти воспоминания о тамплиерах».

С. П. Саймон («Золото ордена тамплиеров») предложил свое прочтение истории: избранный в 1305 году папа Климент V был сыном внучатого племянника самого Бертрана де Бланшфора, великого магистра тамплиеров. О секрете Ренна, считает он, знали и паж, и сеньор Ренна, но тайна по-прежнему оставалась тайной для духовенства и короля Франции. Однако многие из историков утверждают, что Бертран де Бланшфор, сановник ордена, не был уроженцем Разе и не состоял в родстве с сеньорами Ренна. Аргумент Саймона практически несостоятелен... Он отстаивает право на жизнь своей «сенсационной» теории, но не может привести доказательства или серьезного аргумента, заслуживающего доверия. Чуть дальше мы обратимся к гипотезе, которую он защитил с блеском: оказывается, секрет Ренна появился еще до эпохи тамплиеров... и даже до эпохи вестготов!

Основной вопрос, волнующий Раймонду Резникову, можно сформулировать следующим образом: могло ли случиться так, что тамплиеры сумели спрятать в окрестностях Ренна некие документы, подтверждавшие их веротступничество? Отречение, о котором знали немного, но основное: «Иисус был всего лишь незначительным пророком...» Доводы С. П. Саймона во многом расходятся с ее аргументацией. Мы обратимся к этой теме в другой главе.

Крестовый поход 1209 года и волна арестов в 1307 году покончили с опасными «ересями» катаров и тамплиеров. Великий магистр ордена храмовников Жак де Моле погиб на костре 11 марта 1314 года; перед смертью он успел «назначить папе Клименту и королю Филиппу встречу на суде божьем», что произошло год спустя, как и предсказывал Жак де Моле. Далее последовала эпоха «проклятых королей», о которой талантливо поведал писатель Морис Дрюон.

Вернемся в Верхний Разе. С этого момента из нашего повествования исчезает Реде или Реда, отныне мы будем называть Ренн-ле-Шато его нынешним именем.

В 1340 году в Безю появляются чиновники королевского сенешальства. Цель их прибытия — задержать двух рыцарей, Гильома Катала и Пьера де Палайана, подозреваемых в незаконной чеканке золотых монет. Обвинение, вероятно, исходило от самого папы Бенедикта XII, который был... дядей вышеозначенного Пьера де Палайана. Но откуда мошенники, чеканившие монету для собственных нужд, брали драгоценный металл?

1361 год ознаменован приходом Энрике, графа Трас-тамарского: брат короля Кастилии покидает свою страну, сопровождаемый безжалостными арагонскими наемни-

ками. Уничтожив нижнюю часть города, Энрике осажда-ет верхний замок Ренн-ле-Шато. Взрыв башни, служа-щей пороховым складом, пробивает брешь в крепостной стене: город открыт для неприятеля. Следом за врагом в разграбленный и разрушенный город проникает эпиде-мия чумы. Таков конец этой эпопеи. Впрочем, загадкам нет конца.

Обратим наш взор к королевскому двору Франции, месту действия следующей истории: на этот раз ее героя-ми станут Людовик XIII и Людовик XIV, а также карди-нал Ришелье, министр Людовика XIII, и сюринтендант финансов Николя Фуке, действовавший во времена Лю-довика XIV. Но главным действующим лицом все же будет не король, и не министр финансов, и даже не карди-нал, а известный художник Никола Пуссен (1594–1665).

Слава и популярность пришли к Пуссену в 1622 году. Особым успехом пользовались картины, написанные им для парижских иезуитов, среди которых выделялись два полотна, посвященные Игнатию де Лойоле и Франциску Ассизскому. В 1624 году Пуссен отправился в Италию, где остался на долгое время: это было время славы художника. Кардиналу Ришелье удалось уговорить ху-дожника вернуться во Францию — что и произошло в 1636 году. При дворе короля Пуссену без промедлений присвоили титул первого живописца, однако вскоре ве-ликий художник вернулся в Италию, где окончил свои дни в довольстве и роскоши, пожиная плоды славы.

По возвращении во Францию живописец создал мно-жество удивительных полотен. Один из его шедевров, «Пастухи Аркадии», находился в Лувре вплоть до восше-ствия на престол Людовика XIV. На этом полотне изо-бражены четверо пастухов, читающих надпись на камне:

«И в Аркадии я». Для фона картины художник выбрал пейзаж, напоминающий окрестности Ренна, однако все его детали расположены строго в обратном порядке. Объективности ради упомянем о мнении одного-двух авторов, утверждающих, что при создании картины Пуссен был вдохновлен пейзажем, увиденным им в Аппенинских горах. Если это действительно так, то можно лишь изумиться столь точному совпадению!

Мы еще вернемся к перипетиям, ожидавшим Пуссена, Людовика XIV, его министра Никола Фуке и брата министра, аббата Фуке. Скажем лишь, что сюринтендант Фуке получил от Пуссена некое секретное послание; вскоре он разбогател, но вслед за этим последовала тюрьма: богатство не принесло министру желанного благополучия.

Такова аргументация искателей сокровищ, о которых якобы знал Николя Пуссен, доверивший свой секрет министру финансов Фуке. Министр не преминул им воспользоваться, однако, скорее всего, то же намерение вскоре появилось и у самого Людовика XIV, упрятавшего министра подальше от сокровища. Единственное открытие, которое сделают в этом случае кладоискатели, — опустошенные залы королевского тайника...

Итак, нас ждет Ренн-ле-Шато. На этот раз мы остаемся в нем до конца главы.

В 1659 году Руссильон вернулся под власть французского короля. Отныне земле Ренна предстояло охранять лишь свои тайны и тайники: заботу о границах взяло на себя государство. Наступила пора мирного спокойствия.

В 1781 году Мари де Негри д'Абль, вдова Франсуа Отпуля, сеньора Ренна и Бланшфора, доживает последние дни. Отношения в семье носят довольно резкий характер: три дочери маркизы (единственный сын Мари де

Негри умер в детстве) не слишком почтительны с матерью. Известно даже, что Мари д'Отпуль-Феллин подавала на нее в суд «за разорение замка Ренна, жилых помещений и наследного имущества своего отца». Можно ли после этого обвинять маркизу в слабых характеристиках? Вряд ли, одна из историй раскрывает нам истинное лицо Мари де Негри д'Абль, вероломно нарушившей древнюю традицию Бланшфоров: передачу из рода в род некоего семейного «секрета». Маркиза открыла его во все не членам семьи, ее доверенным лицом стал духовник, аббат Бигу. После кончины Мари де Негри д'Абль аббат велел высечь на ее надгробном камне странную надпись, которую впоследствии попытался стереть Соньер. Так «секрет Бланшфоров» и, вполне возможно, секрет пап, берущий начало от Климента V, попал в руки священника Разе.

Элизабет, второй дочери Мари де Негри д'Абль, достались в наследство пришедшие в упадок земли... но не знаменитый «семейный секрет». Наследница маркизы приняла титул «Мадмуазель Ренна». 24 февраля 1805 года на арене действий Ренн-ле-Шато появилась еще одна героиня, имя которой дошло до наших дней: Жюли Авиньон, супруга Мишеля Каптье, ставшая служанкой Элизабет.

Дела владелицы Ренна шли не слишком хорошо. Вскоре ее имущество было описано и пошло с молотка. Приобрела его уже знакомая нам семейная пара: Жюли Авиньон и Мишель Каптье. В 1867 году замок и его земли стали собственностью братьев Дальбье, а затем, в 1946 году, их приобрел господин Фатен, участник освободительного движения Франции от гитлеровских войск, бывший одним из вернейших соратников генерала де

Голля. Его сын и наследник — геолог, знаток истории, умелый скульптор по дереву — не в состоянии оплатить расходы по содержанию замка. Однако финансовые затруднения не помешали ему встретить в стенах этого поместья человека, которого в некоторой степени можно назвать наследником Меровингов, Людовика XIV и Шарля де Голля. Мы зовем его Франсуа Миттеран. Не удержимся от соблазна воскликнуть: королей более не коронуют в Реймсе!

Президент Франции посетил Ренн-ле-Шато в мае 1981 года. Однако 96 лет назад, 1 июня 1885 года, другой человек навечно вошел в память Ренна. В тот день священником Ренн-ле-Шато стал Франсуа Беранже Соньер.

Глава II

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ АББАТА СОНЬЕРА: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

Рассказать о жизненном пути аббата представляется не столь легким делом, как это может показаться на первый взгляд. В истории, о которой пойдет речь в этой главе, в известной степени существуют два Соньера: богатый деревенский кюре — и герой невероятной эпопеи, до сих пор вызывающей споры и разногласия.

В том случае, если автор будет придерживаться первой точки зрения, читатель, взявший в руки его книгу, лишь пожмет плечами, хотя, возможно, найдутся и те, кто одобряют такой выбор. В лучшем случае в адрес исследователя будет сказано: «Этот бедолага не видит дальше своего носа!» или «Наконец-то нашелся здравомыслящий писатель, который сумел развеять миф о Соньере». Надо отметить, что столь лестный отзыв заслужили многие авторы.

С другой стороны, взяться за историю жизни легендарной личности значит подвергать себя известной доле риска. Последствиями такого шага будут восторженное: «Эта книга придется вам по вкусу: автор сумел расшифровать указания, открывающие путь к сказочному

сокровищу!» — и безоговорочное, как диагноз врача, мнение читателя: «Еще один ясновидец на нашу голову!»

По правде говоря, второй путь для писателя куда опаснее, чем первый, поскольку поклонники всего необычного не любят задерживать внимание на «всяких мелких подробностях» и легко довольствуются видимыми атрибутами «тайны, покрытой мраком». Лучшего положения дел для автора не придумаешь.

Узнать, где и когда Беранже Соньер появился на свет, не представляет особого труда. Все, что известно о годах его учебы, практически не вызывает разногласий: исследователи говорят о волевом характере молодого семинариста, о его стремлении к неповиновению... Согласие царит в рядах писателей, пока речь идет о первых этапах карьеры Соньера, о его жизни, проведенной вне стен Ренн-ле-Шато. Что же тогда становится точкой отсчета для споров и противоположных мнений?

Первое расхождение во мнениях: история о документе, обнаруженном нотариусом. 24 октября 1885 года аббат отправился на прогулку в компании приятеля из Кийана, который, согласно господину Гингаму («Золото тамплиеров»), рассказал аббату о том, что при переводе одного документа он наткнулся на сообщение о некоем сокровище. Прогулка окончилась для аббата ранением, в то время как нотариусу она стоила жизни. Связан ли этот инцидент с последующим внезапным обогащением Соньера?

Раскопки, произведенные священником в 1887 году, когда он перестраивал храм, не вызывают разногласий в рядах авторов, однако встает щекотливый вопрос: знал ли аббат, что тайник, о существовании которого ему

уже было известно, находится именно здесь, в старой церкви?

Вторым поводом для горячих споров и разногласий становится вопрос о природе сокровищ. Что именно нашел Соньер в осыпающейся церкви? Конечно, известно и о документах, извлеченных из тайника, и о монетах, окрещенных «медалями из Лурда» (найденных аббатом в щебне и мусоре древней церкви!), однако до сих пор ни один исследователь не в состоянии дать безоговорочный ответ на этот вопрос. Даже наличие копий документов, найденных Соньером, еще не является веским доказательством.

Споры о природе сокровищ Соньера не прекращаются и в наши дни, лишь приумножая гипотезы по поводу столь противоречивого дела. Исходя из личных убеждений, некоторые авторы извлекают на свет все новые, зачастую не поддающиеся проверке факты из жизни Соньера. Подобные «открытия» соответствуют лишь конечным выводам этих писателей, но не истине: играя словом «тайна», они никоим образом не приближают читателя к ее разгадке.

Заявление о том, что личное убеждение автора оказывается результатом рефлексии, не вызывает сомнений. Но ведь эта рефлексия — результат воспитания, личной философии, религиозных (или нерелигиозных) предпосылок... Дело аббата Соньера являет собой прекрасно подготовленную почву для роста всевозможных субъективных мнений. Насколько легким в таком случае кажется рассмотрение этого дела со своих позиций, чего придерживаются некоторые из авторов, ставя во главу угла персональное расследование. Все многообразие высказываемых мнений в общих чертах сводится к следующим теориям:

1. Никакого клада на самом деле не было; аббат Соньер был скромным деревенским кюре, а если он и тратил много денег, то лишь потому, что получал множество «безвозмездных» даров.

2. Сокровище аббата появилось на свет благодаря махинациям с деньгами, полученными за мессы; возможно, были и другие аспекты симонии. Поскольку все же имеются некоторые свидетельства в пользу сокровищ, не стоит упускать возможность нахождения клада.

3. Сокровище, найденное Соньером, было «священным», «духовным», «сакральным». Каким именно из трех перечисленных оно было, исследователю станет понятно к концу предпринятого им поиска.

4. Аббат нашел (и выгодно продал) некие документы, содержавшие важные генеалогические сведения или религиозные догмы, утаенные Церковью. В этом случае атмосфера тайны сгущается. Так или иначе, использование этих документов обеспечило Соньеру богатую жизнь.

5. Теории, основанные на пересмотре имеющихся фактов, что дает исследователю возможность двигаться в том или ином направлении. В основном это касается «священных» сокровищ или документов, о которых мы говорили в предыдущем параграфе.

Отдельным пунктом стоит выделить тех, кто ищет ответы в сочинениях самого Соньера. Так, Клэр Корбю-Каптье (дочь наследницы Мари Денарно) и ее муж, Антуан Каптье, явили свету свое якобы практически непроверяемое исследование. Загвоздка лишь в одном: Мари Денарно сожгла почти все записи аббата...

Итак, обозначив проблемы, волнующие исследователей, попытаемся в них разобраться.

Франсуа Беранже Соньер родился 11 апреля 1852 года в Монтазеле: эта деревушка расположена в десяти километрах от Ренна, поэтому Ренн-ле-Шато можно увидеть, не выходя за ее пределы. Порой, когда облака оттеняют высокие горные вершины, окрестности Монтазеля приобретают фантастический оттенок. Родной дом Соньера, расположенный у фонтана в форме дельфинов, построен в 1751 году.

Беранже был старшим в семье из семи детей. Помимо него, священником стал и его брат Альфред. Небогатые родители не раз шли на жертвы ради того, чтобы дети получили надлежащее образование. По традиции, бытовавшей в крестьянских семьях, основное внимание в этом случае уделялось старшему сыну, первенцу.

Сначала Беранже посещал школу Сен-Луи в Лиму: будучи способным ребенком, он получал награды за примерную учебу. Вслед за средним духовным училищем последовало обучение в семинарии Каркассона, после чего, в июне 1879 года, Соньер стал священником. Месяц спустя его назначили викарием в Але-ле-Бен: это был первый значительный пост для человека, который, отрекшись от земных благ, посвятил свою жизнь служению Богу. Три года спустя его ожидало новое назначение: Соньер стал кюре в деревушке Кла. Да, это было значительное повышение по службе... Кла и по сей день насчитывает восемьдесят три жителя; в позапрошлом веке их было в два раза больше. Попасть в деревеньку можно лишь в том случае, если воспользоваться неприглядной дорогой, ведущей из Акса. Извилистая, как серпантин, тропа взбирается на Атриг, возвышающийся над долинами Од и Ребенти, затем сворачивает к югу и тянется над Од на высоте 400 метров. Кла — это задворки мира:

скудная и небогатая событиями жизнь здешних крестьян в основном сосредоточена на животноводстве и разведении высокогорных культур. Несмотря на живописную местность, все говорит здесь о неизбежном скором упадке. Если бы Беранже Соньеру пришлось провести в Кла десять лет жизни, остался бы он священником? Однако это риторический вопрос: через три года аббат Соньер был переведен в другое место. Церковное начальство решило доверить ему место кюре в Ренн-ле-Шато. Скажем без преувеличения, это было решение, которое по прошествии времени привело в движение фабрики по изготовлению чернил, типографии и издательства, заставив их работать на полную мощь. Решение, последствия которого вызовут столь бурный обмен идеями и мыслями!

Беранже Соньер прибыл в Ренн-ле-Шато 1 июня 1885 года. Итак, все герои на сцене, декорации расставлены, время подать сигнал к поднятию занавеса.

Занавес открывается — и первое, что мы видим, — это церковь и дом священника в Ренн-ле-Шато. Сожалеет ли аббат об уходе из Кла? Кто знает... На самом деле поводов для уныния предостаточно: храм находится в плачевном состоянии, близком к обрушению. Впрочем, обрушение старой церкви намечалось еще в 1853 году: по мнению архитектора Каля, ее снос и постройка нового здания обошлись бы деревенской казне в меньшую стоимость, нежели ее реконструкция. Не имея денег ни на снос, ни на обновление, местное правление все же решило привести храм в порядок, заняться его отделкой, однако как только в муниципальном бюджете нашлись для этого средства, по стене храма прошла новая трещина. Когда Соньер вступал в должность, он вряд ли пред-

видел, что любая служба в храме, проведенная в дождливый день, будет проходить под тем же дождем, что и снаружи храма. У прихожан, в отличие от священника, все же была альтернатива: зная о столь «плаксивом» нраве своей церкви, они заранее занимали сухие безопасные места... О доме священника скажем лишь, что он оказался достойным соперником церкви. В результате аббат решает поселиться у односельчанки, Александрины Марро. На оплату жилья идут деньги из личного жалования священника, однако аббат ежемесячно получает приличную сумму в 75 франков: разделение государства и Церкви еще впереди...

Увы, выборы не за горами, и пылкий роялист превращает свою кафедру в избирательную трибуну, что будет стоить ему временного отстранения от должности и перевода в семинарию Нарбонны в качестве преподавателя. Однако некоторое время спустя епископ решает вернуть священника на прежнее место работы.

К слову заметим, что твердая роялистская позиция Соньера в момент выборов играла ему на руку: благодаря ей кюре приобрел симпатии высшего французского общества, в частности графини де Шамбор. Быть может, это как-то связано с внезапным обогащением аббата? Вне всякого сомнения, он получает от высшей знати солидную финансовую поддержку; возможно, от нее же он узнает некие тайны, связанные с династической линией.

Когда обе партии пришли к необходимому политическому компромиссу, аббат вновь вернулся к своей повседневной работе в Ренн-ле-Шато. Будучи уроженцем этих мест, он прекрасно владеет провансальским наречием. Зная, как поддержать свое положение в обществе, он

предупредителен и услужлив: это разумный человек и хороший советчик, что признают даже одержавшие победу на выборах республиканцы. И кроме того... женская половина населения оценивает не только здравый ум и любезность священника: темноволосый, хорошо скроенный аббат, несмотря на грубоватые черты лица, считается красивым мужчиной. Однако владеет ли наш аббат какой-либо информацией, наметил ли он план действий?

В свое время мы обратим внимание на некоторые непроясненные обстоятельства этого дела. Однако стоит ли внести в их список смерть нотариуса из Кийана, о которой упоминает Морис Гингам в «Золоте тамплиеров»¹? Ознакомимся с его версией этой истории.

По словам Гингама, нотариус Кийана попросил аббата, прекрасного латиниста, помочь ему в переводе документов, важных для делопроизводства: они якобы могли подтвердить его права на некоторые земли около Ренна. Нотариус, показавший аббату лишь часть документов, предполагал, что в них говорится о некоем сокровище. Разумеется, аббат поймал юриста на удочку, притворившись, что не верит ни единому его слову. Рассерженный нотариус бросил Соньеру: «Вы напрасно смеетесь! Я уверен, что знаю, где находится место, о котором идет речь. Мы отправимся туда вместе». Это произошло 24 октября 1885 года, в день внеклассных мероприятий: аббат в компании нотариуса повел детей на экскурсию в горы. Школьники, отставшие от взрослых, вскоре услышали крик: окровавленный, но живой аббат звал на помощь — было ясно, что произошло несчастье. Соньер был тяжело ранен, нотариус же скончался, не приходя в сознание.

¹ L'Or des templiers. Paris: Robert Laffont. 1947. P. 137.

Расследование, проведенное жандармерией в спешном порядке, установило, что причиной смерти нотариуса стал несчастный случай; вполне возможно, что позднее следователю стали известны некоторые дополнительные факты. Не желая лицемерить, мы, как и любой детектив, принимаем во внимание все гипотезы *a priori*. Одна из них звучит так: нотариус узнал о тайнике, к которому было сложно подступиться. Он и его напарник добрались до этого труднодоступного места, но не избежали опасности: как нам известно, произошел несчастный случай с разными для каждого последствиями. Эта гипотеза не отбрасывает на аббата ни тени подозрений... Однако становится «предположением номер один» в списке гипотез о сокровищах Соньера.

Когда же аббат затеял реставрацию храма? В 1883 году муниципальный совет вновь постановил, что работы по починке церкви должны быть произведены как можно скорее; однако средств на эту статью расходов не хватало. В начале 1885 года в церкви не велось никаких работ. Аббат принялся за дело лишь в середине 1885 года или же в начале 1886 года: он получил необходимые для этого деньги от графини де Шамбор, скончавшейся вскоре после этого, в 1886 году. Какова была сумма, доверенная Соньеру? Почему графиня решила спонсировать его работы?

На первый вопрос есть два ответа:

1. Это была тысяча франков, если верить официальным счетам Соньера.
2. Это была сумма, необходимая для его дальнейших работ.

Второй вопрос, касающийся частного интереса графини к делам Соньера, тоже не дает определенного ответа.

Некоторые считают, что эта благородная дама преклонного возраста охотно занималась благотворительностью, помогая бедным священникам, заботящимся о восстановлении дома Божьего. Нам нечего возразить на столь «душеспасительное» объяснение, однако напомним, каково было положение графини в высшем обществе: Мария-Тереза Габсбург-Гессенская, вдова Генриха Бурбонского, герцога Бордо, графа де Шамбора, который едва не взшел на французский престол. Королевская династия Габсбургов. Королевский дом Франции...

Но более важным, на наш взгляд, является другой вопрос, о котором часто забывают: почему и при каких обстоятельствах Соньер, тогда еще ничего не знавший и ничего не отыскавший, решил обратиться к столь знатной даме?

В 1887 году аббат задумал заменить старый алтарь: если верить запискам аббата, хранящимся в архиве Каптье-Корбю, алтарь был сделан из простой плиты, установленной на двух опорах-колоннах, одна из которых была резной.

Что известно о жизни Соньера в период его работ в церкви? Священник ведет скромный образ жизни: порой ему не хватает денег даже на оплату завтраков и обедов, которые готовит ему Александрина Марро. Охота на куропаток и ловля форели скрашивают его будни и позволяют держать себя в хорошей форме. Из суммы, подаренной графиней на реставрацию церкви, аббат не потратил на себя ни сантима.

Замена старого алтаря сыграла большую роль в дальнейшей судьбе священника. О том, что произошло при этом, незамедлительно рассказали каменщики Руссе и Бабу, принимавшие участие в реставрации храма. При-

подняв тяжелую алтарную плиту, Соньер и подсобные рабочие обнаружили, что одна из опор алтаря наполнена сухими листьями. Внутри полой опоры хранились три деревянные трубки, запечатанные воском. В них были пергаменты.

Как только об открытии стало известно, аббат вступил в переговоры с мэром: глава деревни желал бы хранить эти документы в архиве муниципалитета, но аббат настаивал на своем: «В таком случае наши пергаменты будут собирать пыль на полках. В городе есть любители древностей, которые захотят купить их за большую цену; я позабочусь об этом». Соньер тронул чувствительную струну в душе мэра, глава муниципалитета дал свое согласие при условии, что деньги, вырученные с продажи документов, пойдут на обновление храма. Возможно, мэр потребовал, чтобы с пергаментов были сняты копии; это дело он также поручил аббату. Изучением пергаментов мы займемся в следующей главе, не упуская из виду и то, что подобное исследование ставит множество спорных вопросов, например: соответствие копий оригиналам или же вопрос по поводу того, со всех ли документов они были сделаны.

Каковы были дальнейшие действия Соньера? История, о которой сейчас пойдет речь, полна неясностей. Пытаясь восстановить предполагаемый ход событий, Жерар де Сед («Проклятое сокровище Ренн-ле-Шато», 1967) опирался в своем расследовании на *vox populi*, но его теорию не подкрепляет ни один убедительный документ. Правда и то, что главные действующие лица этой истории, должно быть, постарались уничтожить любые письменные свидетельства, проливавшие свет на это дело...

Итак, аббат попытался расшифровать документы, точнее, понять тайный смысл, вложенный в текст, на первый взгляд не представляющий трудности для перевода. В начале 1893 года он рассказал о своей находке епископу Каркассона монсьёру Бийару. Прелат был весьма удивлен тем, что Соньер задумал продать документ, столь сильно его заинтриговавший. Аббат признался, что это не входило в его намерения, однако он проводил ночи над текстом, пытаясь уяснить его истинный смысл, в чем, к сожалению, не преуспел. Возможно, интеллектуальный уровень епископа превосходил его семинарские познания; так или иначе, прелат ввел Соньера в довольно необычный для католика круг людей...

Монсьёр посоветовал аббату отправиться в Париж: среди его столичных знакомых были духовные лица, страстно любившие историю и знавшие толк в палеографии. Епископ Бийар снабдил Соньера деньгами (1400 франков), покрывавшими расходы путешествия. Кстати, часть этой суммы причиталась мэру: поскольку Соньер не продал документы, эти деньги были призваны уверить главу муниципалитета, что сделка все же состоялась. Ложь во имя всеобщего блага была прощена епископом заранее.

Жерар де Сед повествует о том, что в Париже Соньер направился к аббату Биелю, настоятелю церкви Сен-Сульпис. Аббат, извещенный епископом Каркассона о миссии Соньера, тщательнейшим образом изучил документ. Восемь дней священник провел в ожидании разгадки. Желая обеспечить гостю из провинции приятный досуг, аббат Биель познакомил его со своим племянником, издателем Ане, а тот в свою очередь ввел Соньера в круг своих друзей и знакомых. Надо отметить, что

столичная среда, в которой очутился Соньер, сильно отличалась от того привычного кружка, в котором коротал время скромный деревенский кюре. Монах Эмиль Оффе, блестяще образованный молодой человек, свободно владел несколькими языками и увлекался Средневековьем, совершенствуя свои знания в области палеографии и криптографии. Уроженка Руэрга Эмма Кальве, одаренная восхитительным сопрано, прошла нелегкий путь от нищеты, которую она познала в детстве, до всеобщего признания. Заняв к тридцати годам видное положение среди див мирового уровня, Эмма Кальве исполняла арии Кармен в присутствии самой английской королевы и играла Маргариту в прославленных театрах Европы. В перерыве между двумя триумфальными турне, в то время когда Соньер ожидал окончания работ над переводом, Эмма Кальве решила сделать остановку в Париже. Их встреча, по мнению некоторых, повлекла за собой неожиданные последствия: между аббатом и певицей вспыхнула страстная любовь. Другое знакомство было менее волнующим, но не менее важным в жизни Соньера: Клод Дебюсси, композитор, написавший музыку к «Пелеасу и Мелисанде», и, предположительно, великий магистр Приората Сиона, общества, якобы появившегося на свет одновременно с орденом тамплиеров.

В это время в Париж был ареной действий целых трех тайных политических обществ. Вопрос этот подробно освещен такими известными авторами, как Жан Робен, Жан-Мишель Тибо или знаменитое британское трио Байджент—Ли—Линкольн, что позволит нам посвятить всего лишь параграф этой неисчерпаемой теме.

Итак, в вышеозначенное время во Франции появились своего рода философские общества, деятельность

которых корнями уходила в политику. Одни из таких группировок ратовали за реставрацию монархического строя, проповедуя религию, выходящую за привычные рамки: Великий Монарх, Апокалипсис. Нет почти никакого сомнения в том, что Папа Римский, находившийся в то время на Святом престоле, не предпринимал никаких попыток приструнить или уничтожить подобные группировки. Другие общества преследовали цели, не связанные с монархическими или религиозными идеями. Стоит упомянуть, что в то же время австрийский император вынашивал мечту о главенстве над европейскими государствами, которого он мог добиться при помощи религии: он был главой Священной Римской империи. Впоследствии мы увидим, что подобные общества и личности вполне могли использовать в своих личных целях те «разоблачающие» сведения, которые таились в документах, найденных Соньером. Всего лишь предположение, скажете вы? Доказательства, которые мы приведем, позволяют дать как отрицательный, так и утвердительный ответ.

Однако вернемся в 1893 год. После того как аббат отчитался перед епископом, прелат отдал ему сумму, предназначенную для мэра, и Соньер возвратился в Ренн-ле-Шато. Он привез из Парижа копии двух полотен мастеров: «Пастухи Аркадии» (Пуссен) и «Искушение святого Антония» (Теньер), а также портрет папы Климента V и свой собственный фотопортрет, сделанный известным столичным фотографом. Правда, насчет фотопортрета в последние дни разгорелся спор: вполне возможно, что на нем изображен не Беранже Соньер, а его брат. Однако исследователи сходятся в том, что с этого момента Соньеру был известен секрет, ставший залогом его богатства.

Можно ли быть уверенным в том, что воспоминания людей, на основе которых Жерар де Сед выстроил предполагаемую цепь парижских событий, донесли до нас самое важное, ничего при этом не прибавив и не упустив?

Вопрос о путешествии Соньера в Париж и по сей день остается нерешенным. Один из современных авторов, ссылаясь на тексты, доступные публике, сумел даже заявить следующее: «Мы не располагаем свидетельствами того, что Соньер совершал свое знаменитое путешествие; более того, мы даже не уверены в том, что кюре показывал пергаменты епископу Бийару — тому нет ни единого доказательства». Таким образом, на наше усмотрение представлены две противоположные гипотезы. Первая: никакого путешествия на самом деле не было; рассказ о нем используется теми, кто стремится придать излишнюю таинственность делу Соньера. Вторая: путешествие, во время которого аббат приобрел столь странные знакомства, все же имело место; отрицают этот факт те, кто стремится всячески принизить значимость дела Соньера.

Вернемся немного назад и посмотрим, могло ли богатство Соньера появиться в силу иных причин, не связанных с епископом Бийаром, таинственными документами или тайными обществами. Действительно, обогащение могло быть вызвано находкой сокровища, спрятанного в церкви, однако в таком случае возникает вопрос: насколько оно было велико? Рассказ звонаря Каптье, поведавшего о том происшествии своей семье, варьируется. Что стоит за этим — вымысел или сознательное искажение фактов? Приведем его слова: «Во время сноса алтаря плита была приподнята. Увидев то, что находилось под ней, аббат Соньер отослал каменщиков, сославшись на то, что пора оставить работу и пойти пообедать. Однако

они успели заметить сосуд, наполненный сверкающими предметами. Один из рабочих поинтересовался у Соньера, что это могло быть; аббат ответил, что это лурдские медали». Медали из Лурда, найденные в вестготской опоре, чудо из чудес, относящееся к Деве Марии, если оно имело место! С другой стороны, если верить господину Декадейя, аббат нашел в церкви не один, а несколько тайников, в которых, однако, были припрятаны незначительные ценности, а не баснословное сокровище.

Не меньшие трудности всплывают при попытке установить хронологию событий. Жерар де Сед утверждает, что аббат нашел клад лишь после возвращения из Парижа. Тайник находился под плитой, расположенной в нижней алтарной части, под «Плитой рыцарей», к которой мы еще вернемся. В вырытой на ее месте метровой яме аббат обнаружил два скелета и котелок, наполненный сверкающими предметами.

Жизнь Беранже Соньера улучшается: отныне он снимает жилье у семьи Денарно. Такие неприметные семьи, живущие в любой французской деревушке, можно описать в нескольких словах: добропорядочность, набожность, труд. Двадцатилетняя Мари Денарно, крепкая выносливая девушка, становится служанкой священника. Отношения между аббатом и служанкой перерастают в нечто большее? В ответ на этот простой вопрос многие лишь пожмут плечами. Со своей стороны заметим, что подобные проблемы не интересуют нас ни в малейшей степени: они не дают ключа к тайне сокровищ. Отметим лишь то, что Мари Денарно будет рядом с Беранже Соньером и в горести, и в богатстве, храня верность аббату до конца своих дней: она унесет его секрет за собой в могилу. Прибавим еще и то, что каждый день и почти каждую

ночь Мари приходила на могилу кюре, что может показаться нам своеобразным ритуалом.

Итак, аббат нашел некие документы и золото. Это золото позволило ему на время забыть о материальных проблемах (за исключением, разумеется, проблемы, заключающейся в перепродаже драгоценностей). Однако вопрос о том, что стало с документами, найденными Соньером, еще предстоит решить. Это станет целью нашего дальнейшего исследования.

Проходит время — и наш священник, преисполненный почтения к усопшим и к их последнему пристанищу на земле, замечен в довольно странном деле. По ночам он проникает на деревенское кладбище и приводит в порядок могилы — правда, способы наведения порядка несколько своеобразны. Речь идет о могильной плите Мари де Негри д'Абль, скончавшейся веком ранее. Мы уже говорили, что маркиза была единственной хранительницей секрета Ренна, ключ от которого она передала своему духовнику, аббату Бигу. Напомним также, что аббат Бигу составил некую эпитафию, начертав ее на гробнице маркизы. Что же сделал Соньер? Переместив плиту в другой конец кладбища, он, захватив необходимые приспособления, старательно зачистил эту надпись. Зачем священник передвинул могильный камень? Сам аббат объяснял это тем, что данная плита, как и некоторые другие, будет строительным материалом для будущего оссуария: на переполненном кладбище более не хватало места для новых захоронений. Однако подобные действия пришлись не по вкусу прихожанам — начались всевозможные толки и пересуды. В конце концов муниципальные власти потребовали от Соньера оставить мертвецов в покое. Те, кто стремился найти ключ к тайне

в таинственной эпитафии, справедливо считали, что мэрия вмешалась в это дело слишком поздно. Тем не менее попытки восстановить надпись привели к положительному результату. Самое известное ее прочтение принадлежит Эжену Стублейну, давшему описание этой плиты в своем произведении «Гравированные камни Лангедока». Мы воспроизведем надпись в следующей главе, однако заметим, что в настоящее время ни один экземпляр «Гравированных камней Лангедока» невозможно достать... что вызывает некоторые сомнения в существовании самой книги или, в крайнем случае, репродукции интересующей нас могильной плиты.

С корзинами за плечами аббат и Мари Денарно бродят в окрестностях деревни, собирая красивые камни для маленького церковного сада. Соньер хочет украсить его, построив из камней миниатюрный грот. Будет ли он напоминать какую-либо из пещер в этой местности или, быть может, Лурдскую пещеру? Или место рождения Сына Божьего? Возможно ли, что это указание на некий географический объект? Все эти предположения, даже предпоследнее, имеют право на существование.

Соньер проводит много времени в поездках: довольно часто он покидает Ренн с тяжелым чемоданом в руках. Никто не знает, какова цель этих путешествий. Его письма адресованы людям, живущим в приграничных городах Испании, Италии, Швейцарии, Германии, Бельгии и Австрии. Он знаком с ювелиром из Мазаме, в Тарне, и ведет деловую переписку с парижским банком «Петижан», представитель которого то и дело появляется в Ренн-ле-Шато. Некоторые из коллег аббата получают от него дорогие подарки: золотую дароносицу, коллекцию монет. Все это позволяет предположить, что

аббат поместил часть своего богатства в банке Франции, а другую часть за границей.

Однако мы вновь прервем рассказ о Соньере, чтобы высказать еще одно предположение о природе сокровищ аббата. Не стоит забывать, что внезапное обогащение иногда было связано с находкой золотых слитков. Такое случилось в этих краях: в XVIII веке на плоскогорье был найден слиток весом в 20 кг, сделанный из переплавленных арабских монет; в 1860 году неподалеку от Шарбоньер нашли слиток в 50 кг, покрытый смолой. Драгоценная находка — массивная золотая статуэтка — была обнаружена во времена Соньера в хижине у ручья Кулер.

Земля Ренна хранит множество легенд о сокровищах. Пожалуй, самая древняя из них повествует о том, как финикийцы подожгли Пиренеи ради того, чтобы превратить их в расплавленное золото, которое затем они увезли на своих кораблях. Известны истории о пещерах, в которых было припрятано золото различного происхождения. Местное предание гласит, что в 1645 году пастушок Пари вернулся домой с «полным беретом» золота. Соплеменники забросали несчастного камнями, поскольку он не захотел указать путь к пещере, где оно хранилось! Существуют свидетельства того, что этот драгоценный металл шел на отделку римских терм Ренна, неподалеку от Ренн-ле-Бен в XVII–XVIII веках находились золотые рудники. Мы могли бы упомянуть еще множество подобных историй, однако остановимся лишь на одной из них.

Она произошла в семидесятых годах двадцатого века. Ювелир департамента Од был знаком с одним золотоискателем, каких в Ренне, надо заметить, предостаточно. Однажды искатель сокровищ сообщил ему, что нашел

большое количество золота. В доказательство своей находки он принес торговцу древнее украшение: браслет Толедской школы (приблизительно XI в.) из чистого золота, вправленного в железную оковку. В этом случае лучше употребить выражение «чистое золото», а не «золото в 18 каратов», то есть на 18/24 состоящее из настоящего золота, а на 6/24 — из серебра и меди, благодаря чему слиток приобретает твердость. Однако к слову заметим, что этот драгоценный металл никогда не бывает полностью «чистым», в нем всегда есть примесь инородных молекул: так, в золоте, добываемом в Сальсинь (департамент Од), содержится мышьяк.

Наш ювелир прекрасно знал об этой особенности, а потому решил проверить металл на присутствие в нем посторонних примесей. По счастливой случайности сын ювелира работал на атомной электростанции, что позволило нашему герою получить доступ к спектрофотометру, прекрасному аппарату, способному обнаружить даже микроскопические примеси и определить их происхождение. Экспертиза показала, что золото было чистым, но в нем содержался кобальт. Эта особенность дала возможность установить, что золото было восточноафриканского происхождения, времен Соломона и царицы Савской! Вот чем оказалось «золото вестготов»...

Однако вернемся к аббату Соньеру. В 1896–1897 годах группа рабочих и инженеров всюду трудится в церкви: они переставляют окна, разрабатывают план прохода, соединяющего ризницу и зал в глубине помещения, и пробивают стену, чтобы встроить лестницу, ведущую к новой кафедре. Пол у входа в церковь делают из черной и белой плитки, образующей шахматный узор.

Интерьер церкви преобразуется: появляются новые скульптуры и картины, обновлены тимпан, витражи и картины, изображающие этапы крестного пути. Вникая во все изменения не хуже дотошного подрядчика, Соньер без колебаний подновляет некоторые полотна. Кропильница оказывается в руках дьявола. В апсиде храма появляются два младенца Иисуса, один в объятиях Марии, другой на руках Иосифа. На многочисленных картинах, запечатлевших крестный путь, можно распознать окрестности Ренн-ле-Шато. Одни находят в храме следы ордена розенкрейцеров, другие видят в расположении алтаря, кропильницы и кафедры намеки на принадлежность Соньера к масонской ложе. Однако мы еще не добрались до самого необычного!

Расстояние длиною в век меняет многое, в том числе и вкусы зрителей: кто-то назовет этот храм оригинальным, кто-то сочтет его безобразным, а кому-то и вовсе не захочется остаться в нем даже на короткое время. «*Terribilis est locus iste*», — гласит надпись, начертанная в церкви. Ужасно это место — или причудливо?

В 1897 году епископ, покровительствующий Соньеру, прибывает в Ренн-ле-Шато, чтобы освятить храм. Долго он в нем не задержится... Однако неужели прелат не знал о том, как продвигались дела его подчиненного?

Дела продвигались следующим образом: аббат скупил все земли, прилегающие к дому священника. Так, в его распоряжении оказалась верхняя часть деревни, расположенная на горном выступе. Сейчас на этом месте находится автостоянка для машин, обслуживающих каменоломню; сложенная из камня, она напоминает огромную головку швейцарского сыра; по склону спускается неровный сад. Местность для застройки была преобразована

в соответствии с проектом восхитительного поместного ансамбля, который планировал построить аббат. По непригодной для этого дороге на вершину мыса, на котором расположен Ренн-ле-Шато, были доставлены 6000 кубических метров земли. Господин Бутьон, владелец поместья, утверждал, что для одной только транспортировки земли и щебня в то время требовалось восемь тысяч повозок, запряженных быками. Между тем это значительный расход, не фигурирующий ни в одном платежном списке аббата.

Над пропастью Соньер воздвиг башню Магдала. На ее верхнем, втором этаже расположена библиотека, которую священник будет пополнять дорогими изданиями духовной и светской литературы. Вилла «Вифания» построена рядом с домом священника: это самый красивый дом в деревне, настоящая усадьба богатого дворянина. По замыслу Соньера между двумя зданиями появились сад и огород, оранжерея и искусственные водоемы. Все владение обнесено высокой неприступной стеной, а от башни Магдала начинается дозорный путь, бросающий вызов как бездне, так и людям, пытающимся ее одолеть.

Что же, поговорим немного о деньгах? Сколько стоило такое поместье, для того времени и места превышавшее все нормы, особенно если учитывать то, что его строителем был обычный священник? В 1967 году Жерар де Сед оценил владения аббата в миллион франков золотом, но в последующем издании своей книги он уменьшил эту цифру. Принимая во внимание издержки, связанные с транспортировкой и погрузочно-разгрузочными работами, стоимость поместья должна была значительно превышать ту сумму, которая была заявлена аббатом в отчете своему начальству.

Владелец «Вифании» часто принимает гостей, потчует их изысканными блюдами и винами. Попытаемся свести знакомство с завсегдатаями виллы... но, увы, мы не сможем описать всех гостей: упоминания о них затерялись во времени. Довольно ощутимая потеря для нашего расследования: таинственные, ныне неизвестные посетители виллы могли бы указать нам, в каком направлении следует двигаться, чтобы раскрыть тайну Соньера. В нашем распоряжении есть лишь несколько человек, о которых мы не замедлим рассказать. Думаем, читатель простит нам небольшой сбой в хронологии, который мы позволим себе сделать в последующем очерке.

Коллегой Соньера был аббат Анри Буде, ведавший делами паствы в деревеньке по соседству, Ренн-ле-Бен. Расстояние между деревнями (пятнадцать километров по основной дороге) можно было сократить, воспользовавшись каменистой тропой, ведущей в Лавальдье. Еще меньше оставалось пройти тому, кто решился бы срезать путь, идя напрямик, через гору. Кюре Буде слыл образованным человеком, сведущим в науках. Авторы, желавшие видеть в Соньере члена какого-либо тайного общества, часто приписывали Буде роль главы подобной организации — или ее надзирателя, внимательно относящегося к мельчайшим проступкам. Тот факт, что оба священника часто встречались, почти не вызывает сомнений. В бытность свою аббат Буде привлек к себе общественное внимание, выпустив в 1886 году книгу «Истинный кельтский язык, или кромлех Ренн-ле-Бен». Основной мыслью этого произведения было то, что все современные языки произошли от английского наречия. Быть может, истинной целью автора была попытка реконструкции кельтского языка? Однако в таком случае

зачем ему понадобилось рассказывать о некоторых исторических и географических фактах, касающихся кромлеха... существующего лишь на карте в приложении к книге? Случилось то, что и должно было случиться: столь причудливое сочетание фактов и точное указание на место несуществующего кромлеха навели на мысль, что в произведении зашифрован путь к тайнику, в котором хранится некое сакральное сокровище. Мы знаем немало специалистов, уверенных в том, что им удалось расшифровать послание аббата Буде. Один из них, следуя своей трактовке, думал отыскать таким образом знаменитый семисвечник — и отдать его Саддаму Хусейну перед войной в заливе, чтобы иракский диктатор вернулся на путь истинный. Честно говоря, от нас ускользнул ход мысли этого автора, точнее, его логика... Приведем другой пример. Согласно некоторым текстам, величина Ковчега Завета равнялась семидесяти пяти локтям — Буде упомянул об этой реликвии на семьдесят пятой странице своего произведения. Итак, Ковчег Завета ждет своего открывателя где-то в «кромлехе», CQFD. Мог ли аббат предвидеть, что нумерация страниц его манускрипта полностью совпадет с нумерацией отпечатанного экземпляра? Вопрос заставит усмехнуться любого автора, знакомого с издательским делом: Буде сам издавал свой труд, а следовательно, мог сам вымерять порядок следования страниц... в таком случае это дает обильную пищу для воображения!

После непродолжительной болезни кюре Буде скончался 30 марта 1915 года в Акса (департамент Од). Ж.-М. Тибо («Золото дьявола») утверждает, что в последние минуты жизни аббата рядом с ним был Соньер.

Среди прочих друзей Соньера стоит упомянуть еще одного священника, аббата Жели. Он был кюре в Кустоссе,

деревне в трех километрах от Ренн-ле-Шато. В 1897 году этот замкнутый человек сумел затмить славу Соньера. Правда, всего на несколько дней — и ценой своей жизни: он был убит в ночь перед праздником Всех Святых. Неизвестный убийца нанес священнику не менее дюжины ударов, в основном пришедшихся на затылочную часть черепа. Сбережения аббата остались нетронутыми, хотя убийца тщательно обыскал все ящики его стола. Племянник аббата Жели, тотчас же обвиненный в убийстве, предоставил серьезное алиби. Идеальное преступление... Поскольку ничего не было похищено, судебные следователи не обнаружили каких-либо мотивов для убийства. Чтобы лучше описать обстановку (но не для того, чтобы предложить читателю надежную информацию), обратимся к версии Ж.-М. Тибо: по его мнению, член Приората Сиона Соньер доверил аббату Жели некие документы, которые впоследствии были украдены «иоаннистами», предполагаемыми противниками Приората Сиона. Буйная фантазия автора, скажете вы? Возможно, некоторые детали вымышлены... Однако нам придется смириться с тем, что с этого момента насильственная смерть в округе Ренн-ле-Шато станет довольно частым явлением.

Другом Соньера был и аббат Куртоли (тот самый, что получил от Соньера драгоценную коллекцию вестготских и меровингских монет). К старости аббат Куртоли стал подозрительным, почти никому не удавалось перешагнуть через порог его жилища. Однако порой священник делился своими воспоминаниями, среди которых было и такое: в ночь на 2 февраля 1915 года был убит аббат Ресканьер, которому епископ поручил расследование тайн Ренн-ле-Шато и Ренн-ле-Бен. Пожалуй, на этом

мы остановимся... довольно воспоминаний о коллегах Соньера — слишком много в них странных скоропостижных смертей!

В таком случае, чтобы сменить тему, может, стоит обратить внимание на министра изящных искусств? Значительный представитель победившей на выборах власти, министр III республики не раз бывал в поместье Соньера, находя в аббате-роялисте интересного собеседника. Неужели дело Соньера привлекло внимание французского правительства, не раз отправлявшего в Ренн-ле-Шато представителя столь высокого ранга? О нет, не дадим воли нашему воображению: господин Дюжарден-Бометц был главным советником Куизы, центрального города округа, в котором находился Ренн-ле-Шато. Действительно, Соньер принимал у себя министра, однако речь в этом случае может идти лишь о добрососедских отношениях.

Посещала ли Ренн-ле-Шато Эмма Кальве, знаменитая певица? В наши дни этот факт поставлен под сомнение, в то время как полвека назад он не вызывал пререканий: все, как один, сочувствовали мадмуазель Мари Денарно — ведь ей приходилось терпеть присутствие в поместье своей соперницы! Известно также, что оперная певица увлекалась эзотерическими идеями и входила во многие тайные общества. Не довольствуясь массовыми учениями, распространяемыми Церковью, Эмма Кальве искала свою религию, преимущественно гностического характера. Утверждать, что Беранже Соньера и Эмму Кальве связывали дружеские (или любовные) отношения, — значит подтвердить идею о том, что аббат принадлежал к некоему тайному (розенкрейцеровскому или масонскому) обществу. Отрицать эти отношения значило

бы поставить под сомнение мысль о принадлежности Соньера к оккультным кругам.

Навещал ли аббата в Ренн-ле-Шато Клод Дебюсси? С этим вопросом стоит обратиться к нынешнему владельцу поместья, Анри Бутьону. Учитывая все оговорки, он утверждал, что во времена Соньера Клод Дебюсси был великим магистром Приората Сиона, заняв место покойного Виктора Гюго. В наши дни этот орден преследует как политические, так и религиозные цели: восстановление монархического режима (а именно восшествие на престол потомка рода Меровингов) и обновление религии (в этом случае имеется в виду «вновь обретенная» вера, которой придерживались тамплиеры после их «ухода в ересь»).

На закуску мы приберегли лакомый кусок: среди гостей Соньера был и настоящий Меровинг, потомок Сигиберта III (630–656) и Рудольфа I Габсбурга, главы рода, правящего в Австрии с 1276 года. Австрийский эрцгерцог Иоганн Габсбург, являвшийся дальним родственником императора, родился в 1852 году во Флоренции. Будучи графом Мерано и бароном Брандхофом, он отказался от своих титулов и прерогатив. До наших дней дошел довольно расплывчатый образ этого экс-эрцгерцога, лишённого австрийского подданства; не менее таинственна и его роль в деле Соньера. Исследователь, строго придерживающийся хронологии, заметил бы, что визит эрцгерцога к Соньеру состоялся уже после злополучной прогулки аббата и нотариуса, но перед тем, как священник обнаружил в церкви тайник с документами. По поводу общих дел, связывавших Соньера и дальнего родственника императора, существуют четыре гипотезы. Первая выдвинута одним из современных авторов —

упомянем о ней, чтобы несколько разрядить атмосферу и улыбнуться: именитый австриец хотел помочь Соньеру основать в Ренн-ле-Шато «дом престарелых» для одиноких священников, лишенных семейной поддержки. Вторая гипотеза: визит эрцгерцога не имеет никакого отношения к делу Соньера. Третье предположение: эрцгерцог и аббат владели одним и тем же секретом. Наконец, четвертая, как вариант третьей гипотезы: эрцгерцог и аббат собирались изготовить документы (настоящие или апокрифические), которые впоследствии «объявились» бы в Ренне.

За исключением первой гипотезы, пленяющей своей наивностью, три другие затрагивают вопрос об отношении к делу Ренн-ле-Шато самого императора Австрии. Известно, что Франц-Иосиф, глава Священной Римской империи, мечтал о том, чтобы распространить свою верховную власть по всей Европе. Спустя одиннадцать сотен лет у «седобородого императора», Карла Великого, появился честолюбивый соперник, претендующий на его трон. Более того, австрийский император претендовал и на некоторые прерогативы самого Папы Римского; разве то, что он являлся главой Священной Римской империи, не давало Францу-Иосифу права возражать против избрания папы?

Однако вернемся к экс-эрцгерцогу, в свое время навестившему Соньера в Ренн-ле-Шато. Получив генеральский чин в возрасте двадцати девяти лет, Иоганн Габсбург был страстным поклонником искусства, а не военного ремесла. Свидетельством тому может быть его балет «Ассасины», поставленный в Вене. После гибели своего кузена Рудольфа эрцгерцог обратился к императору с такими словами: «Я более не желаю быть император-

ским высочеством, то есть марионеткой в руках императора... Почтительно сообщая вашему императорскому величеству, что устав династии Габсбургов более не является моим законом, что более я не принадлежу к членам императорской фамилии, что я отказываюсь от своего положения, от титулов и прерогатив эрцгерцога. Отныне я становлюсь обычным человеком».

Спустя девять месяцев император вынес решение: ознакомившись с письмом эрцгерцога, Франц-Иосиф лишил его австрийского подданства, изгнав из страны. Какова дальнейшая судьба эрцгерцога-изгнанника? Жан Робен считает, что злоключения Иоганна Габсбурга описал Жюль Верн в романе «Кораблекрушение „Джонатана“», рассказав об анархисте Кау-джерере, закончившем свои дни на Огненной Земле. По другой версии, эрцгерцог, достигнув преклонного возраста, скончался в Норвегии. Так или иначе, это произошло после его визита к юре Ренн-ле-Шато.

Сегодня ясно одно: изгнанный правитель, прибывший в Ренн-ле-Шато, не являлся уполномоченным его императорского величества. Дело, которое привело эрцгерцога в заброшенную деревеньку, вряд ли бы пришлось по вкусу Францу-Иосифу. Однако многие авторы, не принимая в расчет натянутые отношения между двумя представителями династии Габсбургов, и поныне готовы объединить священника, императора и эрцгерцога в рамках одного и того же заговора. Вопрос, сформулированный ими как «Могли ли, сведения, предположительно имевшиеся у Соньера, пойти на пользу Священной Римской империи?», должен звучать в другой тональности: «Могли ли эти сведения навредить императору?»

Если принять во внимание, что легитимность Священной Римской империи базировалась на общепринятых христианских догмах, становится ясно, что любой подлинный документ (или гениальный апокриф), ставивший под сомнение истинность этих догм, представлял для нее смертельную опасность. Однако почему в столь политизированном деле вдруг появился забытый богом Ренн-ле-Шато? Напомним, однако, что этот край был древним владением вестготов, исповедовавших «ересь» (арианство) и отрицавших божественность Христа. Позднее на этой земле появились тамплиеры, видевшие в Иисусе «всего лишь незначительного пророка». Таким образом, обнаружение в Ренне документов, подкрепляющих теологические идеи вестготов и тамплиеров, могло показаться вполне правдоподобным. Разумеется, подобные документы Австрия попыталась бы предать забвению, в то время как дальние французские родственники австрийского императора (бывшие, как и он, потомками Меровингов) были бы не прочь предать их огласке. Зачем и почему это было нужно, мы расскажем далее. Заметим лишь, что в той ситуации, что сложилась в Вене к началу XX столетия, Соньера легко можно назвать вестником беды.

В Ренн-ле-Шато приезжали и другие, менее выдающиеся деятели. Чтобы установить их личности, довольно часто приходится основывать свои предположения на слухах, впрочем, порой обоснованных. Ходит мнение, что странный «сеньор Ренн-ле-Шато» принимал у себя сановников ордена розенкрейцеров, а также членов одной из масонских лож, соблюдавших древний шотландский исправленный ритуал. Впрочем, точных, проверенных данных по этому вопросу не существует. По всей види-

мости, аббату Буде было известно о встречах Соньера и руководителей эзотерических обществ (вполне возможно также, что он сам принимал в них участие). Бросив быстрый взгляд на положение Церкви в ту эпоху, мы не станем отрицать того, что Соньер мог входить в тот или иной тайный орден. К аббату приходили странные посетители родом из Германии и Австрии, что может навести на мысль о шпионаже (подобное обвинение появится тогда, когда отношения между нациями станут напряженными, накануне Первой мировой войны).

Несмотря на все изменения в своей жизни, кюре Реннле-Шато не оставляет без внимания свою паству: он помогает обездоленным семьям, его денежную поддержку получают тяжелобольные. Творя добро, он вызывает всеобщую признательность и благорасположение. Чем руководствовался наш аббат: искренними порывами души, желанием щегольнуть своим богатством или тем и другим сразу? Как бы то ни было, во всех делах Соньер сохраняет неизменную приветливость; что бы ему в то время ни приписывали, все сходится в одном: местный кюре — «славный малый».

Однако как сказались подобные изменения в жизни кюре на Мари Денарно? О, она довольно быстро стала знатной дамой Ренна. С тех пор как за их столом обедает сам министр изящных искусств, мадмуазель Мари ни в чем не уступает элегантным парижанкам. Ее часто видят на прогулке рука об руку с господином кюре, в сопровождении верных домашних любимцев — Фауста и Помпоне, собак священника. («Фауст — ну конечно, как не вспомнить договор с Мефистофелем!» — может воскликнуть читатель.) Встречая во время прогулки односельчан, кюре расспрашивает их о сборе урожая, беседует на

разные темы. Мадам Олив, достигшая ныне преклонного возраста, еще помнит о любезном кюре: по ее словам, о богатстве аббата говорили нечасто. Ее подруга Жоржета сохранила память о господине аббате в основном по рассказам своего отца. От нее мы узнали, что Беранже и Мари частенько наведывались на их ферму: там они танцевали под звуки аккордеона, на котором прекрасно играл ее отец! Не мечтала ли мадмуазель Мари Денарно однажды открыть бал в паре с Францем-Иосифом при венском дворе? Дело есть дело, но танец навсегда останется танцем!

Неприятности Соньера с начальством начинаются в 1902 году. Не потому ли, что аббат скупал земли, возводил на них постройки, иными словами, жил на широкую ногу? Маловероятно: монсеньор Бийар, уже давно знавший, что деятельность аббата выходит за рамки дозволенного духовному лицу, не находил повода к критике. Пока монсеньор Бийар был епископом Каркассона, пока на папском престоле восседал Лев XIII, а в Вене правил Франц-Иосиф, «предприятие Соньера» процветало. Однако в 1902 году положение дел изменилось: епископом Каркассона становится монсеньор Босежур. Отныне Соньер лишен прелата-покровителя, познакомившего его с духовенством Сен-Сульпис и, вероятно, посвященного в обстоятельства этого дела. Новый епископ вызывает Соньера к себе, требуя объяснить, каким образом у простого кюре появился столь богатый доход. Священника подозревают в симонии, в незаконном присвоении денежных сумм, вырученных за мессы. Однако создается впечатление, что аббат не слишком обеспокоен подобным обвинением. Если исходить из того, что нам известно о споре обвинителя и обвиняемого, священник будет

защищаться, но сделает это довольно неумело. Однако обратимся к цифрам.

С момента обогащения и до конца жизни аббат потратил около 600 000 франков золотом (около трех миллиардов сантимов по нынешнему курсу 1994 года), однако истинная цифра будет получена, если мы увеличим эту сумму в два раза. Возможно ли, чтобы за двадцать один год работы в Ренн-ле-Шато аббат прочел 600 000 месс (из расчета, что месса стоила один франк)? Ко всему этому надо принять во внимание колоссальные усилия, вызванные такой работой, а также затраты на транспорт и на непредвиденные расходы в таком предприятии. Ведь речь идет о миллионе уговоров, к коим пришлось бы прибегнуть священнику, чтобы обеспечить себе 800 000 заказов на служение месс, с которых он мог бы выручить 600 000 франков чистой прибыли... Нет, нужно признать, что способы обогащения Соньера были иными. Так же, как и то, что у этого дела была еще одна сторона, в какой-то мере объясняющая, чем был вызван внезапный гнев иерарха Церкви.

В учебниках истории рассказ о смерти папы Льва XIII и появлении на папском престоле Пия X строится по одной схеме: в 1903 году, после кончины понтифика, священная коллегия собиралась избрать папой кардинала Рамполлу, руководителя внешнеполитического ведомства, — в таком случае политика Ватикана не претерпела бы существенных перемен. Какова была политика Льва XIII? Спокойный здравомыслящий понтифик умел найти общий язык с представителями обществ, исповедовавших идеи, отличные от христианских догматов, в частности, с розенкрейцерами, мартинистами и иоаннистами. Иными словами, покойный Папа Римский

предоставил свободу тем мистическим, эзотерическим и политическим группировкам, которые не вмешивались в дела Христианской церкви. Как поступал Лев XIII с теми священниками, которые, как и Соньер, принадлежали к оккультным кругам? Мы можем с уверенностью сказать, что он не применял к ним каких-либо карательных мер. Если бы управление перешло в руки кардинала Рамполлы, такое положение дел, вероятно, длилось бы еще долго.

Однако кто сумел воспротивиться избранию папы, кто смог выступить против выбора, сделанного кардиналами по велению Святого Духа? Человек, обладавший могуществом и признанным на то правом: глава Священной Римской империи!

Со времен Средневековья ни один германский император Священной Римской империи не воспользовался правом, неотъемлемым от его функции: правом запрета, касающегося избрания папы. Однако наследные императоры Священной Римской империи никогда не забывали об этой удивительной привилегии. В глазах простых христиан вето давно устарело и потеряло силу, однако стареющий австрийский император все же воспользовался своим правом. Так кардинал Рамполла не получил папской тиары, после чего потерял свое влияние в высших церковных кругах. Римским Папой стал Пий X.

Новый папа оставил заметный след в истории Церкви. С его приходом заканчивается любой диалог с теми, кто не придерживается ортодоксальной католической веры. Пий X ввел в обиход Тридентскую мессу, составленную в XVI веке и совершавшуюся в Католической церкви вплоть до богослужебных реформ II Ватиканского собора. Отметим, что нововведения этого собора (а именно отказ от Тридентской мессы) вызвали открытую

неприязнь лефевристов (последователей архиепископа Лефевра), ратовавших за сохранение латыни в качестве богослужебного языка. Таким образом, Пий X и монсеньор Лефевр строго придерживались церковных догматов, в то время как Лев XIII и участники II Ватиканского собора походили друг на друга в толерантности. Однако пусть читатель решает сам, чья партия в этом случае достойна одобрения, а чья заслуживает порицания.

То, что предпринял Пий X, можно назвать жестокой охотой на ведьм. Отныне Рим становится смертельным врагом тайных орденов. Для философских и эзотерических обществ начинается тяжелая пора: некоторые из их членов умирают, другие покидают общества и хранят в тайне свою былую принадлежность к ним. Священников, входящих в то или иное общество (например, в орден розенкрейцеров), ожидает незавидная участь. Кроме того, отметим, что вето, которым воспользовался Франц-Иосиф при избрании кардинала Рамполлы, косвенным образом может указать нам, каково было его отношение к политике, проводимой Львом XIII.

Однако вернемся к кюре Ренн-ле-Шато. Вслед за новым папой монсеньор Босежур устраивает «охоту на ведьм местного масштаба». Он решает сослать аббата на несколько недель в монастырь, однако кюре Кустоссы сообщает ему, что Соньер отказался «покинуть приход, где его удерживают личные интересы». Множество раз епископ настаивает на том, чтобы аббат прибыл в Каркассон, но тщетно: частые недомогания, каждый раз документально подтвержденные доктором Роше из Куизы, не позволяют аббату совершать длительные поездки. Наконец, после года этой игры в прятки, аббат решает отправиться в путь.

Итак, заполучив к себе Соньера, прелат потребовал отчет об источнике его доходов. Аббат сослался на неких дарителей, величайших грешников, которых он наставил на путь истинный: назвать их имена ему не позволяет тайна исповеди. Таким заявлением Соньер лишь затянул партию, предложенную ему епископом: монсеньор Босежур тут же отыгрался, потребовав от аббата отчет не о доходах, а о расходах! Ответным ходом Соньера было предоставление епископу вымышленной бухгалтерии, в которой отсутствовали какие-либо реальные документы, а сумма расходов не превышала 193 000 франков. Епископ обвинил аббата в симонии: партия была окончена 5 декабря 1911 года, когда прелат добился, чтобы его слишком удачливого коллегу временно лишили права выполнять обязанности священнослужителя. Победа за епископом? Ничуть, Соньер возобновляет игру: через два года его защитник, каноник Юге, доказывает, что в мотивировочных статьях судебного постановления полно противоречий. Приговор отменен. Монсеньор Босежур готовит ответный ход, не имея, однако, на руках новых обвинений. Тем не менее 11 апреля 1915 года Соньер вновь отстранен от своих обязанностей без права на апелляцию. В дело вмешалась Римская курия... Лев XIII скончался. Завершен ли спор между двумя противниками? Выиграл ли партию епископ? Отнюдь нет, поскольку Соньер играл не по правилам.

Бесспорно, аббат Марти, назначенный Босежуром на место кюре в Ренн-ле-Шато, приступил к своим обязанностям (кто бы решился воспрепятствовать этому?). Однако как только новый служитель Церкви пожелал расположиться в доме священника, он встретил мягкий отказ: увы, в соответствии с законом о разделении госу-

дарства и Церкви, принятым в 1905 году, церковные помещения переходят во владение деревенских властей, дом священника уже сдан. И не кому-нибудь, а глубокоуважаемому Соньеру, который не жаждет пересдавать своему преемнику нанятое помещение. Но «арендовать церковь» отстраненный от службы аббат не имеет права... что не мешает ему найти выход из положения. Итак, нового кюре, не нашедшего приюта в деревне, ожидает довольно тяжкое испытание: ранним воскресным утром он плетется в Ренн-ле-Шато, чтобы провести богослужение. Бог знает, какие выражения вырывались из аббата Марти, когда он ни свет ни заря штурмовал гору, на которой расположилась деревенька: крутая каменистая тропа не располагала к латинским экзерцициям... Но еще большее разочарование ожидало аббата в церкви: она была пуста. Прихожане слушали мессу в другом храме — в часовне, построенной Соньером на территории своего имения, — и вел ее не кто иной, как ее основатель, Беранже Соньер!

Годы с 1911 по 1916 проходят для аббата под знаком финансовых затруднений. Денежный поток, происхождение которого так и осталось неизвестным, понемногу идет на убыль, а война ставит точку на таинственных поездках Соньера за границу. Неужели блистательная карьера «сеньора Ренн-ле-Шато» закончилась тем же, с чего и началась: с должности нищего деревенского кюре? Ничуть не бывало, в 1916 году священник вновь богатеет. Правда, мы должны заметить, что дальнейшая информация о нем вновь приобретет оттенок условности, поскольку у нас нет ни единого документа, подтверждающего ее достоверность. Соньер разрабатывает планы новых построек. Война все еще продолжается, но

кое-что все же существенно меняется: в мир иной уходит непримиримый Пий X, на смену которому приходит Бенедикт XV. Имеет ли это отношение к «делу Соньера»? Утверждать подобное было бы неправомерно, однако заметим, что новый епископ Каркассона начинает преследовать Соньера в 1906–1907 годах, то есть три года спустя после избрания Пия X, в то время как мытарства Соньера заканчиваются через два года после избрания Бенедикта XV. Тем не менее кюре все еще отстранен от своих обязанностей.

Каковы были новые планы аббата (разумеется, если таковые действительно существовали)? Он намеревался построить дорогу, ведущую из Ренн-ле-Шато в Куизу, и возвести вокруг деревни крепостные стены. Проекты, не получившие дальнейшего развития? Не совсем так. Далее Соньер приходит к мысли о башне высотой в 70 метров. 5 января 1917 года он составляет смету, предусматривающую расходы в восемь миллионов (то есть три миллиарда сантимов в пересчете на деньги образца 1993 года). По мысли Жерара де Седа, с высоты этой башни аббат собирался излагать «новые религиозные идеи, по-немногу созревающие в его голове». Можем поспорить, что эти идеи уже давным-давно созрели: оставалось лишь выразить их.

Представился ли опальному священнику шанс начать новую карьеру? Быть может, он воображал себя новоявленным Арием — властителем дум вестготов — в обличье ересиарха, способного завоевывать души? Ему уже шестьдесят пять лет, он по-прежнему силен и вынослив, у него превосходное здоровье. Но шестьдесят пять лет — это тот возраст, когда становятся папой или президентом Республики. Возможно, мы разберемся в политических и

религиозных устремлениях, которых придерживался наш герой. Какая пышная развязка последует за разоблачением его тайны! По всей вероятности, от секрета Соньера будет исходить приятный аромат ереси, которая всегда была чревата последствиями для Рима, стремившегося умерить ее поток. В основном все ереси ставили под угрозу догмат о божественности Иисуса Христа, что влекло за собой жесткий ответ Церкви: репрессии, потоки крови.

Однако война идет полным ходом — и имя новоявленного ересиарха, Беранже Соньера, перестает мелькать на первых полосах газет. Молчание вокруг «тайны Соньера» создало проблему: его не стали сжигать живьем, как какого-нибудь катара или великого магистра. Такие способы действий в то время были немного... модернизированы.

В костре более нет нужды: герои этой невероятной истории в спешном порядке покидают край Разе (точнее, планету Земля): несчастный случай во время охоты уносит жизнь нотариуса, жестоко убит кюре Жели, причину смерти аббата Ресканьера и аббата Буде видят в болезнях, которые при ближайшем рассмотрении покажутся сомнительными. Но это неполный список...

17 января 1917 года Беранже Соньер, прогуливаясь неподалеку от своей башни Магдала, вдруг почувствовал сильное недомогание «от прилива крови к голове», если верить молве. Доктор Куррен, вызванный из Каркассона, нашел, что состояние его пациента достаточно тяжелое. Стоит упомянуть о двух в высшей степени нелепых предположениях, сделанных по поводу смерти Соньера: «Вероятно, аббата не могли исцелить» (Жерар де Сед, «Проклятое сокровище Ренн-ле-Шато») и «Аббат Соньер

умер от туберкулеза» (Анри Бутьон, фильм «Ренн-ле-Шато: великая загадка»). Вслед за доктором в деревню спешно прибыл исповедник, аббат Ривьер из Эсперазы, с которым аббат Соньер сохранил дружеские отношения, несмотря на свои неприятности с Римом.

Они остались наедине. Вскоре духовник вышел из комнаты, очевидно потрясенный до глубины души тем, что поведал ему Соньер. Аббату понадобился целый год, чтобы выйти из депрессии, начавшейся в тот день, когда он исповедовал умирающего Соньера, однако проходит время — и к Ривьеру возвращается его былое душевное равновесие.

После апоплексического удара, произошедшего 17 января, Беранже Соньер оставался в живых еще пять дней. 22 января он отдал душу... Богу — или дьяволу? Спустя два дня после смерти Соньера его навестил странный визитер: это вновь был аббат Ривьер. Кюре Эсперазы пришел отпустить грехи собрату и причастить его после смерти... чего он не сделал в свой прошлый визит.

Этот последний эпизод в жизни священника вызывает, по меньшей мере, два вопроса. Первый: что побудило аббата Ривьера отказать умирающему «в ключах от рая» — в последнем причастии? На него без колебаний ответит любой человек, мало-мальски знакомый с христианскими обычаями и уставом; мы еще вернемся к нему. Второй: почему Ривьер прибегнул к столь редкой процедуре, к таинству после смерти? Обычно его применяли, если встрече грешника со Всевышним могли помешать непредвиденные причины: в таком случае можно было допустить, что грешник обратился бы к помощи священника и покаялся. Однако что мы видим в этом случае? Сначала Ривьер отказал Соньеру в последнем

причастии. Переменил ли он решение по собственной инициативе, поскольку такая мера была слишком тяжелой для того, кто ее принял? Или, быть может, в его действия вмешалось вышестоящее начальство? Если это так, то почему? На эти вопросы мы тоже постараемся ответить.

Жители деревни проводили экстравагантного пастора в его последний путь, отдавая почести его телу, покоившемуся в имении, рядом с башней. Несмотря ни на что, он ушел из жизни христианином, освобожденным от наказания. В недели, последовавшие после смерти аббата, большая часть его библиотеки была расхищена, многие вещи из дома священника бесследно исчезли.

Что же случилось с Мари Денарно? Ожидала ли ее печальная участь служанки, выброшенной на улицу наследниками Соньера? Кто в таком случае являлся наследником кюре — семья покойного или Римско-католическая церковь? Однако все движимое и недвижимое имущество аббата не досталось ни тем и ни другим: оно было записано на имя той, чья жизнь была проведена в бескорыстном служении аббату. Мари Денарно не должна была отчитываться перед кем-либо: поместье по праву принадлежало ей.

Она жила в уединении. Друзья аббата по большей части забыли о Мари Денарно, а односельчане скорее были вокруг нее, нежели рядом с ней. День за днем и даже по ночам она приходила на кладбище к человеку, который сделал ее жизнь похожей на чудо. Впоследствии к бывшей знатной даме Ренна пришла бедность: она продавала книги из библиотеки, обменивала имущество на пропитание. Нет, Мари Денарно не владела сокровищами и ничего не знала о таинственном секрете аббата: то и

другое позволило бы ей жить безбедно. Когда подошла старость, Мари решила уступить имение Ноэлю Корбю взамен пожизненной ренты.

«Ах, если бы я могла рассказать то, о чем знаю!» — «Друг мой, вы ходите по золоту, даже не догадываясь об этом!» — порой восклицала Мари Денарно. Уступив 26 июля 1946 года свое имение на условиях пожизненной ренты, Мари более не боялась бедности. Множество лет она прожила в доме священника, после чего семья Корбю приютила ее на вилле «Вифания». Дружба между Ноэлем Корбю и бывшей служанкой Соньера к тому времени окрепла настолько, что Мари даже пообещала владельцу имения: «Перед смертью я открою вам секрет, который превратит вас в могущественного человека». Заметим, однако, что в ее речи промелькнуло слово «могущественный», но не «богатый».

В день, последовавший за смертью Соньера, Мари сожгла все его бумаги, тем самым не оставив ни единого следа, способного привести к разгадке тайны. Она хранила ее на протяжении тридцати шести лет. Однако доверила ли она этот секрет своему наследнику?

Мари Денарно не смогла этого сделать (по крайней мере, таково общее мнение): 29 января 1953 года она скончалась от инсульта в возрасте восьмидесяти пяти лет... надо сказать, что в этом деле редко кто доживал до столь почтенного возраста.

20 мая 1968 года неподалеку от Каркассона, на трассе R16, разбился Ноэль Корбю. Годом ранее нашел свою смерть Факар-аль-Ислам, эрудит, увлеченный делом Ренна: по всей видимости, его выбросили из поезда, идущего из Женевы в Париж. Через месяц после смерти Корбю викарий Каркассона монсеньор Бойер, занимавшийся

делом Ренн-ле-Шато, чудом спасся, попав в автокатастрофу, но получил тяжелые увечья.

Конечно, можно привести контрдоводы. Ничего в образе действий Ноэля Корбю не указывало на то, что ему был известен секрет аббата; к тому же со смерти Мари Денарно к тому времени прошло пятнадцать лет. Происшествие с монсеньором Бойером? Не будем наивны: о тайне Ренн-ле-Шато прекрасно известно в высших эшелонах церковной власти — однако мог ли знать ее главный викарий Каркассона? Ничто не противоречит тому, что ряд автокатастроф, одна из которых унесла жизнь Корбю, а вторая чуть не сгубила викария, можно отнести к разряду несчастных случаев. Однако остается дело Факар-аль-Ислама...

В 1960–1980-е годы еще был жив священник, которого считали сведущим в деле Ренн-ле-Шато, но он, тем не менее, ловко избегал этой темы, обычно ссылаясь на общеизвестные факты. Обычно... Аббат Мазьер умер так же, как и Мари Денарно. Быть может, это был последний «священник Разе», который что-либо знал об этой странной запутанной истории. Не ушла в небытие ли вместе с ним вековая тайна Бланшфоров? Или неизвестные подробности фантазмагорического дела Соньера, хранившего некий секрет?

Знаменитый секрет Соньера... неужели он навеки потерян?

Глава III

ЦЕРКОВЬ

Знаки, следы, указания

Тема, затронутая в этой главе, обсуждалась настолько часто, что очередной рассказ о знаках, указывающих на след сокровищ, покажется, по меньшей мере, плагиатом. Однако мы вынуждены повториться. В конце концов, существуют пергаменты с их странным, удивительным содержанием, которое, если верить расшифровке, таит в себе некие указания. Существует история о том, как, получив некое послание от знаменитого художника, изобразившего в «Пастухах Аркадии» окрестности Ренна, королевский сюринтендант стал сказочно богат. Его ждала печальная участь: королевского министра посадили в тюрьму, в то время как его король окружил себя сказочной пышностью. Наконец, сохранилась церковь, построенная в позапрошлом веке внезапно разбогатевшим кюре. По мнению специалистов, в ее интерьере можно найти девяносто отклонений от церковной нормы. Около двадцати авторов считают, что они нашли в храме некие знаки, которые могут указать на место, где зарыто баснословное сокровище или хранится ключ к тайне аббата. Некоторые из них расшифровали все... и не нашли ничего. Но они твердо уверены в том, что открытие не за горами!

Итак, «знаки» существуют. Чтобы понять их тайный смысл, нам придется вновь посетить церковь — правда, не ради того, чтобы искать милосердия Божьего.

Еще на пути к храму мы вспоминаем о первом «знаке»: церковь посвящена Св. Магдалине. Однако стоит ли из-за этого, оставив все дела, бросаться с киркой и лопатой к источнику Магдалины в надежде на то, что в «имени» храма зашифровано указание географического объекта? Это будет пустой тратой времени. Историческая справка, приведенная нами, уменьшит значимость этого «знака»: церковь Св. Магдалины существует с 1231 года. В Реде было два храма, один из которых был посвящен Св. Петру, а другой — Марии Магдалине.

Слева, перед портиком храма, находится самая обычная статуя Девы, напоминающая Богоматерь Лурдскую. Наш взгляд останавливается на надписи, начертанной на основании: «Покайтесь, покайтесь!» Эти слова приписывали Деве Марии, явившейся в 1846 году в Ла-Салетте. Некоторые из серьезных исследователей утверждают даже, что Богоматерь, установленная Соньером на «вестготской» колонне, похожа на некую мадмуазель де ла Мерлиер, родственницу уже известной нам Эммы Кальве. Что побудило Соньера к такому «святотатству»: скептическое отношение к «явлениям» Девы Марии? Отрицание любых догм?

Тем же внимательным взглядом окинем основание этой статуи: перед нами колонна времен вестготов (или Каролингов), внутри которой Соньер нашел пергаменты. Разумеется, на колонне начертан крест — и этот крест перевернут: †.

Маловероятно, чтобы подобный знак мог появиться из-за рассеянности каменщиков, случайно перевернувших

опору во время ее установки. В таком случае придется предположить, что священник не заметил, что при входе в его церковь красуется перевернутый крест. Однако нельзя ли считать этот крест знаком, свидетельствующим о неких колдовских ритуалах? Дело в том, что в некоторых обрядах деревенских колдуний можно найти следы религиозных ритуалов, производимых в обратной последовательности. Однако такая трактовка чрезмерно упрощает вопрос... На опоре есть еще одна, на первый взгляд безобидная, надпись: «Миссия 1891». О какой миссии идет речь? Мы уже упоминали, что это слово обретает иной смысл, если разбить его надвое: «*mis Sion*», то есть «основанный Приоратом Сиона». Итак, сведущий в этом вопросе исследователь с легкостью обнаружит на опоре Девы три указания: «поддельная» Дева, перевернутый крест, Приорат Сиона — знаки, свидетельствующие об отступничестве от христианства и принадлежности к оккультному ордену. Мы ограничимся лишь осторожным замечанием: все это выглядит так, словно создатели этого маленького шедевра бросили тем самым вызов Ватикану — знаки, обнаруженные в храме, понятны верхушке Католической церкви, однако простой христианин не видит в них никакого смысла.

Мы находимся у входа в храм. Две надписи на перекрытии предупреждают входящего: «*Terribilis est locus iste*» и «*Domus mea domum orationis vocatur*». «Сие ужасно место»... заложен ли в этом изречении философский смысл — или же таится намек на некое тайное место? Вторая цитата взята из канонического Евангелия: «дом Мой домом молитвы наречется для всех народов» — эти слова произнес Иисус, изгнавший торговцев из храма. Однако стоит вспомнить и то, что сказал Иисус далее:

«...а вы сделали его вертепом разбойников». Во французском варианте этой цитаты слово «вертеп», обозначенное лексемой «cavegne», может иметь еще одно значение: пещера, подземелье, в то время как «разбойник» («voleur») может означать и вора... Тогда, быть может, «место сие ужасно» из-за «воров»? Грабителей в этой истории предостаточно: это и вестготы, похитившие священные сокровища при взятии Рима, и сами римляне, разграбившие храм Соломона при взятии Иерусалима. Следовательно, тайна Ренн-ле-Шато — это похищенные священные сокровища... Что ж, загадка разгадана с первой попытки? Увы: простота подобного предположения несколько смущает исследователя.

Помимо надписей, на перекрытии можно увидеть два герба: один — епископа Каркассона, монсеньора Бийара, другой — папы Льва XIII. Второй из них, высеченный на замке свода, снабжен девизом: «Lumen in coelo» («Свет небесный»). О чем идет речь? Скорее всего, ответ следует искать в довольно сомнительном произведении «Предсказание о римских папах». Принято считать, что «Предсказание...» было написано приблизительно в 1140 году св. Малахией, примасом Ирландии и другом св. Бернарда. Рукопись представляет собой список пап, которые в дальнейшем появятся на Святом престоле: к каждому из будущих избранников Малахия прилагает краткое витиеватое определение-характеристику. Предсказания Малахии довольно точны: определения, данные им понтификам, прекрасно соотносятся с теми или иными их качествами (однако заметим, что на Григории XIV, избранного в 1590 году, в системе предсказаний происходит сбой). Итак, поместив два герба над входом в храм, Соньер воздал дань уважения своему епископу и папе:

что ж, это честная борьба! Однако мы можем заметить, что священник тем самым проявил вкус к оккультизму, поскольку «Предсказание о римских папах» не содержит в себе ни догматов римской веры, ни чего-либо похожего на то.

Наконец, мы обращаем внимание на надпись, имеющую двоякое прочтение. Центральная статуя снабжена девизом, высеченным над крестом с расширяющимися концами: «Сим знамением ты его победишь». В цитате допущена ошибка: «*In hoc signo vinces*» означает «Сим победиши» («Сим знамением победишь»), однако в ее французском эквиваленте, найденном в церкви, появляется артикль «le». Такой «извод» надписи подталкивает либо к поиску сокровищ, либо к философскому рассуждению, либо к вопросам, касающимся религии.

Разумеется, на первом месте оказывается поиск сокровищ: об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что предметами первой необходимости в деревушке Ренн-ле-Шато стали масштабные карты, линейки и карандаши. А поскольку «его» (то есть сокровище) победить можно лишь «крестным знамением», кладоискатели спешно осваивают чертежное дело: вычерчивают на карте местности уйму всевозможных крестов, отыскивая тем самым место, которое окажется в центре такого креста или в одной из его перекладин, и отправляются на поиски сокровищ. Что лишь на руку торговцам картами и продавцам спортивной обуви.

Однако прежде чем кидаться на поиски, стоило бы немного поразмышлять над значением этой фразы. Если местоимение «le» означает беса, поддерживающего кропильницу, то в данном выражении нет ничего сверхъестественного: действительно, могущество, порожденное

крестом, то есть верой в Бога, дает человеку возможность противостоять дьяволу. Подобная фраза не вызвала бы нареканий в какой-либо другой церкви, поэтому не стоит возбуждать дело против Соньера из-за каждой надписи, найденной в храме.

Наконец, если мы оставим в стороне философские размышления и вспомним историю, то «*In hoc signo vinces*» напомнит нам об одном военном эпизоде, произошедшем во времена Константина Великого. Константин I готовился дать сражение Максенцию, и исход схватки решал, кому из них будет суждено главенствовать над Римской империей. Победил Константин. Перед боем ему и его армии было знамение: в небе появился крест с надписью «Сим победиши».

В следующей главе мы расскажем и о другой, не менее важной битве Константина Великого. Разбив войска Максенция при помощи «крестного знаменья», император решил навести порядок как в организации Христианской церкви, так и в ее догматах. В 325 году он созвал знаменитый Никейский собор, на котором были обвинены в ереси около 84% епископов. Их интересы отстаивал священнослужитель Арий, так же, как и они, отрицающий первый догмат веры, предложенный в Никее.

Вестготы оставались преданными последователями христианской веры... или были обращены в ересь Арием. Эти две формулировки в принципе обозначают одно и то же, поэтому каждый волен выбрать высказывание, более ему подходящее.

Итак, можно ли считать слова Константина Великого (этого акушера христианства с акушерскими щипцами для неохристианизма), помещенные в храме, своеобразным официальным уведомлением Соньера: «Я знаю о

вероломстве, сопровождавшем разработку римско-католических догматов; я не их принимаю?» Дерзкая гипотеза, скажете вы? Однако если вспомнить, что у храма нас встречает перевернутый крест, то такая постановка вопроса не кажется такой уж абсурдной.

Взглянем на дьявола, поджидающего нас на портике храма. Многие уверены, что это Асмодей, хромой бес, которому было поручено охранять сокровища царя Соломона. Как не усмотреть в этом намек на сокровища храма Иерусалимского, стражем которых стал уродливый бес на портике? Однако действительно ли это Асмодей? Дьявол держит кропильницу: нельзя ли усмотреть в этом еретический намек? Согласно христианской теологии, мир — это арена действия двух первопричин, двух начал: добра (духа) и зла (материи). Подобное мировоззрение было свойственно также манихейству, богомилству и религии катаров. В ходе развития теологических идей можно усмотреть две тенденции: тяготение как к радикальному дуализму, так и к дуализму умеренному. В первом случае добро и зло становились непримиримыми противниками. Во втором случае зло могло стать ступенькой к добру; без противостояния в человеке двух начал невозможно было бы его становление, созревание его свободной воли. Для умеренных дуалистов дьявол был частью божественного замысла, противостояние двух начал к концу человеческой жизни должно было завершиться его поражением. Так нельзя ли увидеть в соединении дьявола и кропильницы намек на катаризм?

В этой невероятной шахматной партии дьявол обрел достойного противника — Иисуса Христа. Дьявол с кропильницей, устроившийся на портике, устремил взгляд к купели, возле которой установлены статуи Христа и

Иоанна Крестителя, совершающего обряд крещения Иисуса. Из века в век длится поединок между двумя сыновьями Бога: не будь этой игры — не существовало бы и «шахматной доски», мироздания... Подобная двойственность лишь усиливает впечатление, произведенное странным сочетанием дьявола и кропильницы в стенах дома Божьего.

Наш взгляд бесцельно бродит по стенам храма — и останавливается на большой фреске, расположенной над исповедальней: Иисус утешает страждущих. Любопытная особенность: земля под его ногами усеяна розами; эти же цветы внимательный посетитель обнаружит и в тимпане церкви. На первый взгляд намек достаточно ясен: это знак принадлежности Соньера и его знакомых к ордену розенкрейцеров... или же попытка замести следы?

В церкви насчитывают семьдесят глифоз с выбитыми на них буквами M. S. Потрясающая находка: это же инициалы Св. Магдалины, покровительницы храма! Однако поспешим разочаровать читателя: «M. S.» может означать все, что угодно, но не «Магдалину, Святую». Дело в том, что на глифе святого инициал «S» не мог иметь подобного значения. Вернемся к тому, о чем мы уже упоминали в ходе нашего расследования: к Нотр-Дам на горе Сион. Действительно ли жизнь Приората Сиона («Mis Sion»), подающего о себе весть даже в наше время, ни разу не прерывалась со времен своего основания? Семь веков непрерывного существования ордена, зародившегося в эпоху тамплиеров, — или же возрождение из пепла во времена Соньера?

Подойдя к алтарю, мы очутимся лицом к лицу с восхитительными статуями Иосифа и Марии, установленными, как и множество других скульптур в храме, по

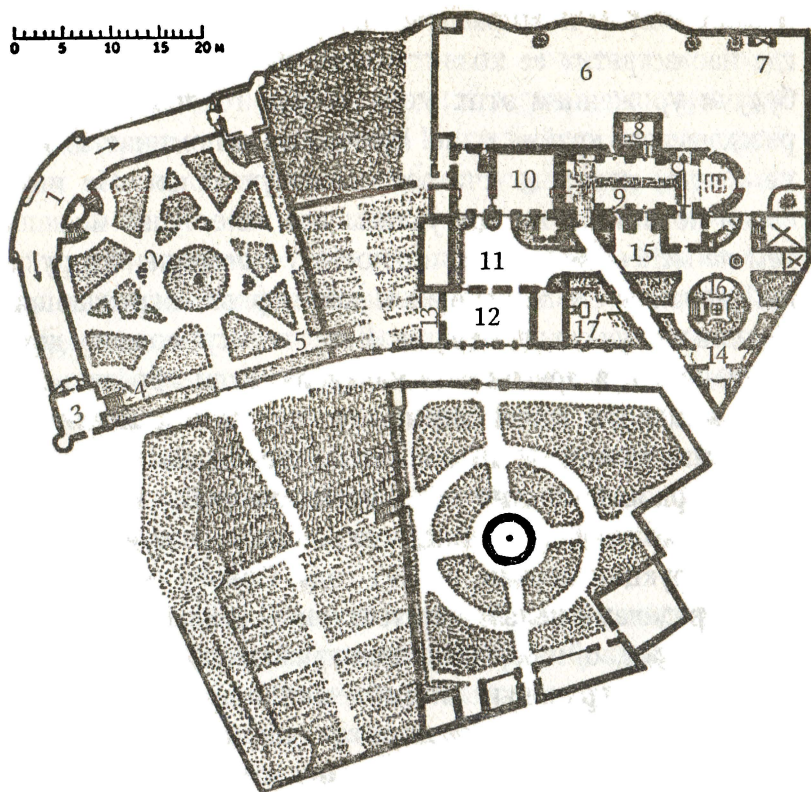
инициативе самого священника. Иосиф держит на руках своего приемного сына, вверенного ему Святым Духом. Мария не отстает от Иосифа: в ее объятиях мы тоже видим божественное дитя! В одной церкви, у алтаря, друг против друга, — два младенца Иисуса... есть от чего прийти в замешательство! Подобное упущение заставляет поднять вопрос о том, насколько тщательно выбирал Соньер столь многозначительные символы. Мы не станем ссылаться на философский дуализм катаров: им было бы трудно признать в Люцифере сына Божьего, доверенного Марии и Иосифу. В таком случае перед нами два спасителя, два младенца Иисуса? Когда мы вновь вернемся к этому вопросу, мы узнаем, что в одном из этих младенцев признавали брата Христа, чуть ли не его близнеца... появившегося на свет приблизительно за 1800 лет до Иисуса.

Однако до сего момента мы не обращали внимания на те знаки, которые, как принято говорить, указывают путь к сокровищам. Анализируя изменения, внесенные священником в интерьер храма, мы старались понять самого Соньера. Что нам удалось открыть? То, что наш аббат, вероятно, был членом некоего оккультного ордена. Вряд ли обычный кюре, строго придерживающийся католических догм, поместил бы перевернутый крест у входа в храм Божий или сделал бы дьявола помощником самого Бога... Священник, поклонявшийся двум младенцам Иисусам, скорее всего, был не в ладах с ортодоксальной христианской верой.

Стоит ли понапрасну клеветать на безупречного священника? На кюре, виноватого лишь в незаконных махинациях с мессами? На ни в чем не повинного строителя обычного храма... простите, двух храмов!

Для дальнейшего разъяснения лучше всего ненадолго покинуть храм и отправиться в лавочку «Дом искусств», где нас встретит ее хозяин, господин Ален Фераль. Не будучи уроженцем этих мест, о себе господин Фераль рассказывает крайне мало. Иногда он вспоминает о Жане Кокто, которого считает своим учителем. Не имея своей позиции в интересующем нас деле, Ален Фераль, тем не менее, не остался полностью в стороне: его руками сделан восхитительный макет церкви, окружающих ее улиц и двух садов, один из которых расположен у дома священника, а другой — у кальвера. Если обратиться к этой модели, а затем сверить ее показания с истинным положением вещей, то окажется, что рядом с деревенской церковью можно обнаружить второй, симметричный ей храм. Дело в том, что за шесть лет до начала реконструкции церкви, в 1891 году, Соньер расположил за ее пределами целый архитектурный ансамбль, настоящий «храм-двойник». Однако элементы этого целого соотносятся с церковным ансамблем по принципу зеркального отражения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Для этого следует взять за ось симметрии линию, параллельную храму и проходящую в метре от него: этот метровый сдвиг будет соответствовать толщине воображаемой стены, отделяющей церковь от ее наружного «двойника». В таком случае окажется, что исповедальня расположена симметрично опоре, на которой установлена статуя Девы. Эта колонна когда-то была перевернута, о чем свидетельствует уже описанный нами крест. Центральная дорога в саду параллельна нефу храма. Кальвер, установленный аббатом, идеально симметричен алтарю. Заметим, что в этом месте, у кальвера, когда-то располагалась плита, обнаруженная Соньером в церкви. Долгое

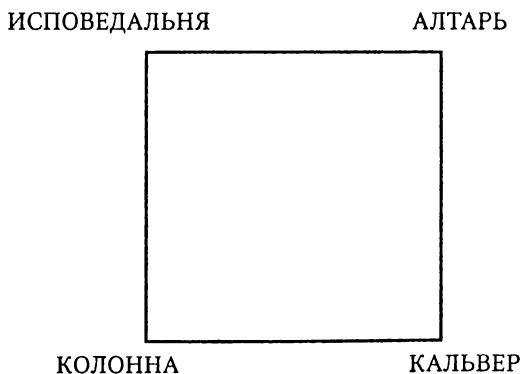
План Алена Фераля

- 1 — Бельведер; 2 — парк; 3 — башня Магдала;
 4 — лестница и проход; 5 — проход; 6 — кладбище; 7 — оссуарий;
 8 — колокольня; 9 — церковь; 10 — дом священника;
 11 — сад при дворе; 12 — вилла Вифания; 13 — веранда; 14 — грот;
 15 — сад при кальвере; 16 — кальвер; 17 — сад у колонны.

время она служила подножием алтаря, пока в ходе работ аббат не велел переместить ее. Перевернув плиту и установив ее у кальвера, Соньер вернул ей ее истинное положение: ее гравированная сторона стала видна (речь идет о «Плите рыцарей», которая впоследствии стала достоянием музея). Относительно новой ризницы можно сказать, что она симметрична колокольне, но осью симметрии в этом случае становится ее восточная стена.

Исповедальня, алтарь, колонна со статуей Девы и кальвер образуют идеальный квадрат.

Каждый из этих элементов занимает то же положение, что и ладья в шахматах.

Симметрично друг другу расположены и кресты: один находится *под* алтарным сводом, другой можно обнаружить *на* фундаменте кальвера.

Можно было бы привести еще немало примеров симметрии, однако мы обратимся к двум интересующим нас точкам, в которых, как кажется, можно увидеть определенный символический смысл.

Снаружи, между колонной (симметричной исповедальне) и кальвером (симметричным алтарю) Соньер расположил бесполезную на первый взгляд дверь: она наглухо закрыта, у нее нет ни замков, ни петель. Можно ли в таком случае предположить, что в настоящей церкви путь из исповедальни к алтарю невозможен? Другими словами, что Господь Бог не внемлет кающемуся человеку?

В имении Соньера есть и другие симметричные элементы. Согласно плану господина Фераля, сад священника был квадратной формы (за исключением одного закругленного угла); в углах этого квадрата были расположены две башни — Магдала и симметричная ей оранжерея (башня из стекла, укрепленная простой металлической арматурой).

Итак, во время нашего очередного визита в церковь мы в еще большей степени уверились в вероотступничестве Соньера. На это указывают и невидимая церковь, симметричная храму Святой Магдалины, и непреодолимый барьер между покаянием и прощением Господа... Завзятые спорщики могут упрямо стоять на своем, однако их спору не будет конца, если они вздумают утверждать, что Соньер был прилежным богобоязненным кюре, свято верующим в религиозные догмы! Тем не менее

господин Фераль убежден в том, что Соньер никогда не порывал с «иным христианством», более того, он не отрекался ни от веры, ни от своего звания. Насколько мы помним, Беранже Соньер упорно боролся за право быть священником, всеми силами пытаясь избежать запрета на отправление обязанностей священника, который ему грозил. Однако что за «иное христианство» имел в виду Ален Фераль?

Занимаясь реставрацией своего места службы, Соньер изменил или вовсе заменил витражи. Так, он велел отпилить мешавший брус с таким расчетом, чтобы солнечные лучи, проходя сквозь витраж без помех, могли освещать алтарь. Фактически, начиная со дня весеннего равноденствия, священник, находившийся рядом с алтарем, не видел солнца уже с половины одиннадцатого утра. Что открылось взгляду, когда Соньер расширил витраж?

Витраж, установленный Соньером, посвящен одной из христианских тем: воскрешению Лазаря. Правда, заметим, что тема эта не только христианская: во всех религиях таинств и гностических учениях найдется упоминание о неизбежной смерти «человека старого» и рождении «человека нового», который будет допущен в Царствие Небесное. Роль символа этого изменения довольно часто играла Пасха. Однако стоит упомянуть, что в различных верованиях ее дата варьируется. Немного обобщая, можно сказать, что существуют два типа верований: религии, основанные на лунном символизме, и религии солярные. В первом случае дата Пасхи будет подвижной; во втором случае она совпадет с днем весеннего равноденствия. Согласно этой классификации, христианство представляет смешанный тип: в нем есть как лунный символизм (религия Старого Завета), так и

солярный (разве не является Сын Божий солярным героем?).

Известно, что в эпоху предполагаемого рождения Христа существовала философская школа: ессеи — таинственное, эзотерическое и элитистское общество. Был ли Иисус принят в секту ессеев, познал ли он их учение? На этот вопрос пока что нет единого ответа. Во всяком случае, у ессеев был великий духовный наставник, «Учитель праведности», передавший свое послание миру за пятьдесят или восемьдесят лет до нашей эры. Религия ессеев жила на «поиске» более существенном, нежели поиск «избранного народа» или же тот, к которому впоследствии пришло христианство.

Дата Пасхи ессеев была скользящей, в соответствии с пятнадцатым днем нисана, месяца цветов. Принимая во внимание сдвиги, из века в век увеличивавшие разницу между календарным годом и солнечным, мы можем смело предположить, что весенний праздник ессеев и дата весеннего равноденствия совпадали. Напомним, что в один из годов XVII века папе Григорию XIII пришлось вычеркнуть из календаря десять дней, для того чтобы уравнять григорианское и юлианское летоисчисления. Однако подобная мера не была принята в отношении еврейского календаря. Поэтому, если мы соотнесем «15 нисана» с днем весеннего равноденствия, мы должны учитывать и недельное отклонение.

Что же происходило в Ренн-ле-Шато в ту неделю, которая предшествовала равноденствию? С 11 по 17 марта, в момент истинного полдня (11.58–12.02, принимая во внимание сдвиг между солнечным и общепринятым временем), солнечные лучи, проходя сквозь витраж, расширенный Соньером, проецировали его на алтарный

камень. Таким образом, в определенное время суток на алтаре появлялось изображение голубых яблок, присутствовавших в витражной картине. Это восхитительное зрелище удалось снять Алену Фералю.

Мы еще вернемся к голубым яблокам, поскольку они упоминаются в одном из расшифрованных пергаментов. Однако какое тайное значение вложено в цвет, столь неподходящий для яблок? Фераль не дает нам ответа на этот вопрос. Остается лишь выдвинуть несколько гипотез. Возможно, что в витраже фигурируют яблоки грехопадения; им придан небесно-голубой цвет, для того чтобы передать идею искупления грехов. С другой стороны, в изображении голубых плодов может таиться намек на царскую, «голубую» кровь. Вопрос пока что остается открытым.

Однако господин Фераль может прояснить другой факт: в «пятнадцатом дне нисана» он видит разгадку того, какой веры придерживался Соньер. «Иное христианство», по словам Фералья, — это христианство, возвращенное к своим источникам, к традициям ессеев и даже митраистов.

От себя добавим, что Митра считался солнечным божеством. У нас еще будет возможность оценить его значимость в этом деле. Отметим и то, что катары праздновали свой праздник весны в день равноденствия. Культ Митры, учение ессеев и религия катаров походят друг на друга тем, что их можно считать «солярными религиями», даже несмотря на то, что катары и ессеи, эти спиритуалисты высокого уровня, вовсе не поклонялись солнцу...

Не прибегая к эрудиции Алена Фералья, можно предположить, что строители этой церкви, датируемой XI веком, стремились создать солнечное «оконно-алтарное»

устройство, действующее в равноденствие, основываясь при этом на юлианском летоисчислении, то есть на календаре с недельным отклонением от нынешнего времени.

Вплоть до этого момента наши изыскания были направлены на то, чтобы понять самого священника, его философские или религиозные приоритеты. Однако для большинства исследователей Соньер более интересен тем, что он зашифровал в своей церкви множество посланий, указывающих дорогу к сокровищу. Поэтому мы вновь возвращаемся в храм — на этот раз для того, чтобы сосредоточить наше внимание на таинственных «дорожных указателях».

Все кладоискатели сходятся в одном: аббат обнаружил сказочное сокровище, некие ценности светского или духовного характера. Потратив на свои нужды лишь незначительную часть найденного, он не прикоснулся к тому, что являлось сокровищем сакральным, — следовательно, у нас и поныне есть шанс его отыскать. Великодушный кюре постарался превратить свою церковь в настоящий ребус, разгадка которого приведет сообразительного искателя к баснословному богатству. Рвение и усилия исследователей зависят от степени сложности, приписываемой ими ребусу аббата: одному из них будет достаточно наведаться в предполагаемые места тайника, другой примется за угломерные вычисления, третий начнет описывать круги вокруг креста и так далее. Систем расшифровок множество — столько же, сколько и самих пользователей!

Однако среди кладоискателей нет единого мнения насчет природы сокровищ. Лидируют в списке предполагаемых сокровищ Соньера реликвии храма Иерусалимского: это, вне всякого сомнения, Семисвечник и Ковчег

Завета. Впрочем, одно из библейских сказаний разрушает эту гипотезу: согласно Второй книге Маккавейской, Иеремия спрятал ковчег, скинию и кадильный жертвенник в горе, «с которой Моисей, взойдя, видел наследие Божие». Недавние исследования (Дж. Нанкок. «В поисках Ковчега Завета») говорят, что эта реликвия, вероятно, исчезла в 598 году до н. э., до вторжения в Иудею Навуходоносора и вавилонского пленения; скорее всего, ее могли перевезти в Эфиопию. По мнению некоторых специалистов, об этом чуде было известно и тамплиерам: из уст одного докладчика я, к своему большому изумлению, узнал, что храмовники, оказывается, не только нашли Ковчег Завета, но и четыре раза его перепрятывали!

Сторонники «светского сокровища», то есть чистого золота, упорно придерживаются другого мнения: согласно их исследованиям, в давние времена царица Савская направила к Соломону обоз, полный золота. Мы ни на секунду не усомнимся в этом, поскольку подобное золото действительно найдено неподалеку Ренн-ле-Шато.

Семисвечник, Ковчег Завета, золото. Мы не покинем храм до тех пор, пока не убедимся в том, что в нем действительно есть указания на тайник! И вновь мы обращаемся к бесстрашному Асмодею: этот посланец ада сидит на невидимом пьедестале — быть может, в этом скрыт намек на скалу под названием «Кресло дьявола»? Пятью пальцами бес опирается о свое колено. Эксперты по части загадок Ренн-ле-Шато лишь улыбнутся: подсказка спрятана в созвучии французского слова «колено» («genou») и имени Св. Жну. 17 января, праздник Св. Жну, — долгожданный день для торговцев зимним снаряжением: в Ренн-ле-Шато стекается множество кладоискателей, уверенных в том, что Семисвечник и Ковчег

Завета дадут о себе знать именно 17 января. Что, впрочем, не мешает им заниматься поисками во все оставшиеся дни года.

Щедрый на выдумки и указания Асмодей двумя пальцами очерчивает круг — в здешних краях есть Круглый источник. Грудь дьявола мало соответствует и физическим параметрам, и нормам искусства — однако в окрестностях есть место, названное «Дьяволова Грудь». Одно из ребер этого живописного хранителя кажется плоским — неподалеку от Ренн-ле-Шато раскинулось плоскогорье Пла де ла Кост. Да, этот милый дьявол, по всей видимости, озабочен не столько охраной сокровищ, сколько здоровьем тех, кто их ищет: он вынуждает их совершить сразу три «оздоровительные» прогулки в любое время — или же принять участие в крупномасштабном марафоне 17 января! Помимо всего прочего, на кропильнице выведены две буквы: Б. С. Беранже Соньер? Или же указание на слияние двух местных рек — Бланки и Сальсы?

В ходе времени появляются новые поисковые методы, в то время как старые способы понемногу совершенствуются. Однако вновь и вновь искатели сокровищ берутся за инструменты: проводят триангуляцию местности, чертят линии и ищут точки пересечений, обобщая их в получившиеся фигуры. Не спорим, это может быть увлекательнейшим занятием, способным разогнать сон и скуку в долгие зимние вечера, но к чему такое страстное увлечение? Подобно ищейке, мы выискиваем следы сокровищ, но кто бы просветил нас, в чем оно заключается! Посредниками, готовыми нас просветить, наш добрый приятель аббат почему-то выбрал людей, сведущих в кабалистике.

Фраза «Сим знаменiem ты его победишь», возможно, не имеет отношения к истории, связанной с императором Константином. Приглядимся к ней более внимательно: «In hoc signo vinces» в основном переводится «Сим знаменiem победишь», но в предложение добавлен артикль «le». Вместе с артиклем во французском варианте этой цитаты можно насчитать двадцать две буквы. Мы уже знаем, что над портиком находится надпись «Terribilis est locus iste» — опять двадцать две буквы. Напомним о надписи, уничтоженной священником. Его предшественник, аббат Бигу, выгравировал на могильном камне маркизы де Бланшфор эпитафию, которая впоследствии, до того как ее соскоблил Соньер, была открыта специалистами. «Reddis regis cellis arctis»... Эпитафия, вызвавшая множество толкований, вновь насчитывает двадцать две буквы. Заметим, что подобная особенность есть и у древнееврейского алфавита, что часто заставляет удвоить пыл искателей сокровищ храма Иерусалимского.

Есть еще множество деталей, о которых мы не упомянули: они, безусловно, усложнят головоломку, предложенную Соньером, однако не изменяют ее сути. Итак, какие выводы можно сделать на данном этапе нашего исследования церкви?

Нам удалось установить следующее: по непонятной для нас причине Соньер захотел обнародовать свое почтительное отношение к Ватикану. Также он дал понять, что в деле замешано сокровище храма Иерусалимского, и сумел заставить кладоискателей провести поиски на местности. «Еретическая» надпись была расшифрована при помощи достаточно простого анализа. Расшифровкой каббалистических намеков занялись специалисты в

области Каббалы и нумерологии. Однако все выглядит так, словно аббат стремился внушить всем и каждому, что сокровища существуют и их необходимо найти, словно все это было сделано исключительно ради толпы кладоискателей или горсти прозорливых и хитрых эзотериков.

На этом мы завершим визит в церковь: дадим себе время разобраться в наших первых впечатлениях. Однако мы останемся в Ренн-ле-Шато до тех пор, пока не найдем в храме большую часть из девяноста аномалий, о которых говорил искусствовед Жан-Клод Дани.

На большом полотне поверх исповедальни Иисус утешает скорбящих и страждущих. Впрочем, пейзаж на картине ничем не напоминает Святую землю: Сын Божий обращается со словами утешения и поддержки к пастве... в самом сердце Верхнего Разе. Иисус идет по цветущему лугу в местности, хорошо знакомой каждому жителю Ренн-ле-Шато. С одной стороны открывается вид на руины замка Бланшфоров, а также на скалы «Бродяги» неподалеку от Пла де ла Рок, о которых мы уже упоминали. С другой стороны виднеется скала, напоминающая Де в Сербайру, и развалины, воскрешающие в памяти Кустосу. В холме, оказавшемся на переднем плане, видно углубление в форме дырявого кошелька. Итак, в картине зашифрован ключ к сокровищам: Соньер отсылает нас к гроту с драгоценностями, расположенному в цветущей, скалистой и заросшей кустарником местности. Есть еще один аргумент, основанный на игре слов: возможно, грот с сокровищами нужно искать во владениях семейства де Флери.

Обновляя интерьер храма, Соньер порой и сам брался за кисть. Так, его рукой был сделан набросок картины: Мария Магдалина, молящаяся в гроте. Руки коленопре-

клоненной девы сложены так, что переплетенные пальцы принимают форму странной решетки. Если обратить внимание на то, что изображено за пределами грота, то можно заметить, что в его проеме виднеется скала, напоминающая утес Бланшфор. Надпись, сделанная на латыни, содержит сразу четыре ошибки: надстрочные знаки над тремя «е» и точка над «i». Таким образом, оказываются выделенными четыре слога: Je, De, Ne, Ni. «Je» может служить указанием на местный рудник, в котором добывали гагат («jais»). «De», как полагают, заключает в себе намек на скалу неподалеку от Ренн-ле-Шато, имеющую форму огромной игральной кости («дй»). «Ne» может означать скалу в форме головы с большим носом («nez»), которую можно увидеть в окрестностях Пейроля (кстати, эта же скала изображена на картине, расположенной поверх исповедальни). И наконец, под «Ni» подразумевают «Nid d'aigle» («Орлиное гнездо»), название, применимое и к пику Карду, и к горному массиву Бюгараш. Однако у нас нет достаточных аргументов в пользу подобных толкований.

Еще одно возможное указание — статуя Св. Антония Отшельника. В 356 году этот святой окончил свой путь в ущельях Галамуса, в пятидесяти километрах от Ренна, уйдя из жизни в возрасте ста пяти лет. На ум приходит и «Грот отшельника», еще одна достопримечательность неподалеку от Ренн-ле-Шато. Наблюдение, значимое для нашего расследования: лучи солнца, проходя сквозь витраж на противоположной стороне церкви, достигают статуи святого 17 января, в день Св. Жну, уже упомянутого нами.

Внимательное рассмотрение крестного пути может выявить некоторые подробности, о которых мы не найдем ни малейшего упоминания в Евангелии. Например:

На первой картине Пилат сидит на невидимом для нас троне; один из его прислужников показывает пальцем на тяжелый красный занавес. Рядом с невидимым тронном, у ног негра, расположился золотой крылатый грифон. За спиной центуриона, толкающего Христа, можно увидеть очертания форта. Во всем этом можно усмотреть отсылку к Роко Негро (Черной Скале), к «Креслу дьявола» и к некоему укреплению, которое будет еле заметно с того места, куда приведут эти указания. Все три условия соответствуют месту, уже нами описанному: Круглому источнику.

На третьей картине опустившийся на колени Иисус передвигает огромный камень. Для того, кто стремится найти здесь и далее указания на сокровище, будет очевидно, что в том месте, о котором мы уже сказали, будет препятствие, скорее всего, глыба, которую придется передвинуть.

На пятой картине Симон несет крест, облегчая тем самым страдания Христа. Два центуриона несут каждый по одной сандалиии, перетянутой шнурками. Ценой невероятного мозгового штурма Франк Мари догадался, что разгадка кроется в игре слов: зашнурованные сандалиии приобрели в его толковании значение «две извилистые дороги»...

Таким образом, почти на всех картинах, изображающих этапы крестного пути, есть место инородным элементам, не входящим в библейский рассказ. Некоторые из них, как кажется, имеют отношение к местным реалиям; другие наводят на мысль о каких-то подземных проходах, водопадах и даже ущельях... При виде второй картины у кого-то мелькнет мысль о схожести изображенного пейзажа с Пик де Лавальдьё; на восьмой виднеется мельница, когда-то находившаяся у ручья Кулер; третья

возвращает нас к источнику Магдалины, неподалеку от слияния Бланки и Сальсы. От картины к картине меняется оттенок местности; второстепенные персонажи держатся кто прямо, кто криво... Неужели аббат оставил нам столько топографических указаний? Пожалуй, этим мы ограничимся.

Итак, мы рассмотрели немногие из тех знаков, которые можно обнаружить в храме: описывать каждую деталь значило бы увеличить объем книги на сотню страниц. К тому же у любителей «дела Ренн-ле-Шато» всегда есть возможность обратиться к исследованиям специалистов, посвятивших себя этой теме. Однако читатель может поверить нам на слово: те детали, о которых мы не упомянули, лишь подтверждают общее впечатление от храма... Мы же, отказываясь от подробного их перечня, преследуем одну цель: оставить время и место для размышлений. Итак, каково наше заключение?

Не может быть и речи о том, что «храм Соньера» подобен множеству других святилищ: в нем можно обнаружить не один десяток странных деталей, умышленно привнесенных в его интерьер Соньером. Возможно также, что подобные изменения были внесены той группой людей, к которым принадлежал священник. Отрицать наличие аномалий могут либо люди, находящиеся во власти предвзятого мнения (в таком случае хотелось бы узнать, каково оно), либо попросту люди неосведомленные. По завершении осмотра необычных деталей напрашивается очень простой вопрос: что было истинной целью аббата, для чего он создавал столь загадочный храм, наполненный многочисленными «знаками»? Или же никакой особенной цели и не было? Последнее маловероятно.

Исследователи, убежденные в том, что клад Соньера все еще хранится в одном или нескольких тайниках, мечтают о том, чтобы аббат оставил им хоть какой-либо знак, годный на то, чтобы сделать фантастическое открытие. Мы в свою очередь призовем на помощь снокойное здравомыслие и попытаемся проникнуть в психологию человека, оставившего после себя «храм-загадку».

Итак, напомним о двух гипотезах. Первая из них основана на том, что сокровище существует, и аббат знает, где оно ждет своего первооткрывателя. Вторая опровергает существование сокровища или же отрицает то, что аббат знал о нем (что в общем-то на данном этапе исследования одно и то же).

Обратимся к первому предположению, к которому следует добавить еще один тезис: сокровище аббата имеет исключительно материальный характер. В таком случае наш первый вопрос будет сформулирован следующим образом: возможно ли, что обладатель невероятного богатства приложил все усилия к тому, чтобы его тайник обнаружил какой-нибудь пройдоха-кладоискатель? Ведь во времена реконструкции своего храма Соньер вступил в возраст зрелости, впереди у него было двадцать, а то и тридцать лет жизни. Неужели аббат мечтал о том, чтобы в один прекрасный день ватага сообразительных молодчиков, прибывших в Ренн-ле-Шато, увела у него из-под носа его же богатство? Подобная гипотеза, разделяемая многими людьми, кажется нам немного чудаковатой. Конечно, аббат мог печься о том, чтобы сокровище не пропало после его смерти (или после смерти его подруги Мари). Однако насколько проще было бы воспользоваться одним из надежных, проверенных временем способов: завещанием или хотя бы письмом, которое вскры-

вают лишь после смерти отправителя... Есть ли более худший способ сохранить свое богатство, нежели тот, которым решил воспользоваться аббат? Поставить вопрос — значит ответить на него. Если допустить, что указания Соньера направлены на то, чтобы раскрыть его секрет, то можно заметить, что век спустя задумка аббата потерпела крах: ключ к тайне так и не найден. Тот способ, что избрал аббат, может привести лишь к провалу: это поиск наудачу. Мыслимо ли такое?

Однако, возразят нам, такой довод убедителен, если речь идет о золоте, то есть о сокровище «светского» характера... А что если аббат утаил некое «сакральное» сокровище? Например, реликвии храма Иерусалимского, Семисвечник, Ковчег Завета или еще какие-либо сакральные предметы? Вдруг эти авторитетные святейшие реликвии находятся в Ренн-ле-Шато, в двух шагах от нас?

Если бы католический священник XIX века нашел подобные реликвии, он, скорее всего, обнаружил бы такую находку. Хотя кто знает... возможно, он рассудил иначе: считая, что он не вправе влиять на ход истории, аббат не рискнул рассказать миру о своем грандиозном открытии. Однако возможна и другая версия. Священник решил пойти на такой шаг: разве не потратил он недели и месяцы на то, чтобы задумать и воплотить с известной долей риска свою головоломку? Возможно, дело обстояло следующим образом: преданный и послушный кюре сообщил о находке своему епископу. Были ли в том деле посредники? Прибыв в Ватикан, он попросил аудиенции у папы. А может, его целью было вернуть священное сокровище «избранному народу», поэтому более охотно его выслушал не папа, а главный

раввин Франции. Священник вступил в ряды эзотерического общества, значащего для него больше, чем Римско-католическая церковь, и обратился к его великому магистру. Однако в таком случае шансы нынешних кладоискателей уменьшаются: вряд ли Соньер стал бы делиться сакральным секретом с той же легкостью, с какой он указал бы на сокровище светского характера.

Но если предположить, что наша догадка верна, то немедленно возникает вопрос: зачем аббату была нужна такая инсценировка, такое обилие «говорящих» деталей? Беспричинный поступок? Желание подразнить толпу одураченных простаков? Все это, как нам кажется, маловероятно. На самом деле волнующий нас вопрос звучит иначе: что именно могли извлечь из подобных действий Соньер и его возможные друзья? Ответов и предположений на подобный вопрос, разумеется, множество, но нам следует выбрать лишь одно, по возможности адекватное логике изобретателей этих тайн.

Прежде всего, нам кажется, что Соньер сознательно стремился свести все предположения относительно его богатства к одному: находке сокровищ. Вплоть до 1970 года у гипотезы в поддержку сокровищ был лишь один сильный противник: обвинение аббата в симонии и в махинациях с суммами, полученными за мессы. Практически ни один автор не выдвинул в качестве возможного объяснения гипотезу о том, что Соньер знал и использовал по назначению некий секрет, связанный с генеалогией знатных родов или ставящий под угрозу религиозные устои.

Предъявив компетентным наблюдателям церковь со всеми ее особенностями, Соньер тем самым подтвердил, что он обладает секретом духовного плана; то же самое

можно сказать и об ордене, к которому, возможно, принадлежал священник. Однако не будем забывать, что подобные секреты могли вызвать сильный политический резонанс. Опыт показывает, что Ренн превратился в центр экстраординарных мистико-политических действий, нашедших выход в «еретической» христианской литературе, а также в попытке реставрации монархии, подкрепленной меровингской генеалогией. Что если Соньер и его друзья решили сделать первые шаги в направлении того, что мы наблюдаем сегодня?

Разумеется, европейская политика не стоит на месте. Призрак реставрации монархического строя уже давно отеснен на периферию политических устремлений Республики, однако что мы наблюдаем и по сей день? Мы стали свидетелями настойчивых действий некоторых группировок, решивших сделать Ренн-ле-Шато «местом священного культа». Пользуясь сомнительной историей бывших сеньоров Ренна, а также антирелигиозными предпосылками, они задались целью восстановить монархический строй во главе с потомком Меровингов. Далее мы увидим, какие аргументы они для этого использовали, после чего их конечная цель станет очевидной.

Однако пора отвлечься от храма. Мы переходим к рассмотрению таинственных документов, к знаменитым пергаментам, найденным аббатом во время работ в церкви. Читатель не раз мог ознакомиться с их содержанием благодаря многочисленным работам исследователей, увлеченных «делом Ренн-ле-Шато». Мы не упустим возможности предложить свою версию, но поступим вопреки знаменитому правилу детективного романа: мы проведем расследование с конца, начав его с вопроса, от которого либо отмахиваются, либо не знают, что на него

ответить: можно ли быть уверенным в подлинности этих документов?

В 1967 году копии пергаментов предъявил читающей публике Жерар де Сед, опубликовав их в работе «Проклятое золото Ренн-ле-Шато». Он поведал нам, что документы он получил после многочисленных уловок и уверток со стороны информатора, который уверил его в том, что пергаменты содержат сведения о самом странном деле в истории. Возможно, мы не ошибемся, если скажем, что был прекрасный ход, чтобы заманить Жерара де Седа в ловушку. «Он» (имя информатора нам неизвестно) прекрасно понимал, что Жерар де Сед посвятит этому книгу: в конце концов, «он» доверил документы не кому-нибудь, а журналисту и писателю!

Новоиспеченный обладатель секретных документов передал два из них эксперту, господину Дебану, дипломированному выпускнику Национальной школы Хартий. Специалист дал свое заключение: документы не очень древние; их автор сведущ в палеографии и средневековой эпиграфике; в этом случае вряд ли стоит говорить о злостной подделке; различные ошибки и аномалии, встречающиеся в документе, сделаны, скорее всего, специально, чтобы привлечь внимание специалистов.

Таким образом, неизвестные доселе документы, предположительно найденные Соньером, были опубликованы в 1967 году. Однако упомянем о странном совпадении в этом деле: в книге «Ренн-ле-Шато: критический очерк», написанной Франком Мари, автор воспроизвел документ, почти полностью совпадающий с одним из пергаментов Жерара де Седа. Господин Мари нашел его в личном архиве аббата Мазьера (надо сказать, что исследование Мари вышло еще при жизни этого достойного

служителя Церкви). Автор прекрасно знал, насколько обманчивым может быть документ, содержащий сведения о сокровищах, поэтому выдвинул две гипотезы. Первая: история, изложенная в документах, достоверна; цель авторов пергаментов — дать указания, помогающие ускорить поиски. Вторая: история выдумана; авторы заставили окружающих поддерживать идеи, служащие их личным замыслам и устремлениям. Помимо этого, есть еще одна гипотеза: розыгрыш. Однако череда вызывающих подозрение смертей, внезапно разбогатевший аббат, странный интерес к этому делу со стороны монархистов и религиозных деятелей... Многовато необычных фактов для обычной мистификации.

Остаются нерешенными два щекотливых вопроса: кто же все-таки был информатором Жерара де Седа перед выходом в свет «Проклятого золота Ренн-ле-Шато»? Кто являлся фальсификатором, составившим эти пергаменты или изменившим существующий текст? Жерар де Сед мог бы ответить на первый вопрос, но он не сделал этого. Впрочем, с известной долей вероятности мы можем сделать это за него: в том деле участвовал Приорат Сиона и, в частности, его великий магистр, господин Пьер Плантар де Сен-Клер вкупе со своим непосредственным окружением.

В ответ на второй вопрос Жерар де Сед предположил, что автором пергаментов мог быть аббат Бигу, исповедник маркизы Мари де Негри д'Абль. Если это действительно так, то пергаменты следует пристально изучить, предварительно проверив, не являются ли они мистификацией: в них вполне могут оказаться следы, способные привести нас к тайне Бланшфоров. Дополнительное указание, приходящее на ум в этом случае: Соньер попытался

уничтожить эпитафию, начертанную — предположительно — Бигу на могиле маркизы; тем самым Соньер подтвердил *a contrario* важность этой информации.

Ознакомимся с текстами пергаментов, известных под именем «Малый манускрипт» и «Большой манускрипт». В нашем распоряжении имеются две редакции: одну предложил Жерар де Сед, получивший ее от лиц, чьих имен он не разглашает; вторая принадлежит Франку Мари, обнаружившему документ в архивах аббата Мазьера. Мы обратимся ко второй версии, поскольку она немного отличается от первой: в ней обнаружены инициалы P. S. При первом прочтении может показаться, что речь идет о Приорате Сиона, однако данная подпись может иметь различное толкование.

МАЛЫЙ МАНУСКРИПТ

ET FACTUM EST CUM IN

2abbdtozescun dōp rktm d
 bikererzccc tēz aīz bīrvūiautē mīlītkīz cōe
 pēkuntvellēkēspīkzētfīrcāntēsmāntbūs + mān dū
 cābāntquīdā māutē m dē fā kīzāēīz dī
 cēbāntē! cēēquīdā fāciunt dēscīpūlītīz ab
 bātīz + quōd nō mīlīcēt kēspōī + ēnīz autē mīnīz
 sēt x tīz dēōz nūm quōd mōc
 lēcīz tīz quōd fēcīt dā ut d quōd n d o
 c sūrvūtīp d cēt quīcūm tōēkzī + īnt hōīyītīn dā m m
 dēīētrānēz p rōzītīnīz kēdīz
 mān dūcāutē tēc dītē quī bīēz
 cūm cīz n tūx hō quībūz n o
 nīkēzāz t mā n dūcāz rēzīmōz dēīz sēcēz d tībūz

Документ из частной коллекции аббата Мазьера,
опубликованный в произведении Франка Мари
«Ренн-ле-Шато: критический очерк»

 ËTF&CTVMESTCUMIN
 SABBATOSECUNDOPRIMO &
 BIREPERASCETES&IBIPULIAUTEMILLITRISCOE
 PERUNTVELLERESPICABETFRICANTESMANTBUS + MANDU
 CABANTQUI&M&UTE&MDEF&RIS&EIS&T
 C&BANTE&C&E&V&I&F&ACIUN&T&T&S&C&I&P&U&I&T&V&I&S&A&B
 B&A&T&I&S + QUODNONLICETRESPONDEN&AV&G&E&M&I&N&S
 ÆT&X&T&A&E&Q&I&N&U&M&Q&U&A&M&O&C
 I&E&C&I&S&T&I&S&Q&U&O&D&F&E&C&I&T&A&V&T&Q&U&A&N&D&O
 E&S&U&R&U&T&I&P&E&E&T&Q&U&I&C&U&M&C&O&E&K&A&S + IN&T&R&O&I&B&I&T&I&N&D&A&M&U&O
 A&F&I&E&T&R&A&N&E&P&R&O&P&O&S&I&T&I&O&N&I&S R&E&D&I&S
 M&A&N&D&U&C&A&U&I&T&E&D&E&I&T&E&T&Q&U&I B&I&E&P
 C&U&M&E&R&A&N&T&I&X&E&O&Q&U&I&B&U&S&N&O
 N&I&S&E&B&E&T&M&A&N&D&U&C&A&R&E&S&I&N&O&N S&O&L&I&S&I&N&C&E&R&A&O&T&I&B&U&S

Документ, помещенный Жераром де Седом в книге
 «Проклятое золото Ренн-ле-Шато». Знак P. S. в этой
 редакции отсутствует. Примечательно то, что в редакции
 Франка Мари инициалы P. S. кажутся более яркими
 по сравнению со всем текстом, оттого возникает ощущение,
 что подпись добавлена позднее

Обратимся к «Малому манускрипту». В верхней части
 страницы виднеется таинственная идеограмма, но тай-
 ное станет явным в том случае, если ее перевернуть: это
 альфа и омега, символ, используемый в христианстве.
 Однако напомним, что в нашей истории были и необъяс-
 нимые случаи инверсии: невидимый храм, симметрич-
 ный церкви Соньера. Нельзя ли усмотреть в этом некую
 аналогию?

В тексте документа выделены три буквы «OST», неиз-
 известный автор немного уменьшил их по сравнению с ос-
 новным рядом. Само слово «ost» («войско») могло быть
 средневековым термином, означавшим вооруженный
 отряд, но сам термин появился в результате искажения

латинского «hostis», имевшего другое значение: противник, враг.

В тексте можно найти и увеличенные буквы. Не стоит ломать голову над тем, каково их предназначение, поскольку в целом они образуют довольно ясное предложение, дословно звучащее следующим образом: «Дагоберта II и Сиона есть этот дар (сокровище) и он есть смерть». В предложении отсутствуют какие-либо знаки препинания, поэтому расчлнить фразу можно двояко. А поскольку в ней нет и диакритических знаков, артикль «la» перед словом «смерть» можно перевести наречием места, «la» («там»). В таком случае предложение приобретает двойной смысл:

1. «Дагоберту II и Сиону принадлежит этот дар, и он почил в мире».
2. «Дагоберту II и Сиону принадлежит этот дар, и он почил *там*, в мире».

Для любого верующего смерть является даром, поскольку она открывает врата к вечному блаженству; однако мы не думаем, что автор криптограммы потратил столь много усилий, чтобы зашифровать банальную истину. Вторая гипотеза либо водит нас за нос, будучи чистой мистификацией, либо погружает нас в таинственный мир Меровингов и Бланшфоров, владевших неким секретом.

Кого имел в виду аноним, употребив местоимение «он»: Дагоберта II или «дар», сокровище? И где находится этот «он»?

Франк Мари заметил, что в тексте есть греческие буквы, а также греческие кресты с равными концами. Проведя триангуляцию, прочертив линии и спроектировав полученный чертеж на местность, он открыл, что автор

манускрипта таким образом зашифровал точные координаты пяти географических точек: Ренн-ле-Шато; Ренн-ле-Бен; местность, расположенную в десяти километрах от Лавальдье; карстовый провал Лагасту; ферму Гавинье. Однако доказательная база Франка Мари довольно слаба. К тому же любому, кто пожелал бы увидеть в этих топографических указаниях намеков на местоположение сокровищ, противоречит мнение самого Франка Мари: «...немыслимо сделать сокровище доступным для большого количества людей... история ложна, скорее всего, она была вымышлена... перед нами то, что обычно называют дезинформацией».

Завершая наш краткий обзор «Малого манускрипта», мы решили предложить читателю весь текст памятника. Быть может, ему удастся извлечь что-либо новое из этого перевода латинского текста, снабженного греческими буквами и зашифрованным дополнительным смыслом. Документ представляет собой отрывок из Евангелия от Луки, притчу о пшеничных колосьях, собранных в день субботнего отдыха.

«В субботу, первую по втором дне Пасхи, случилось Ему проходить засеянными полями, и ученики Его срывали колосья и ели, растирая руками. Некоторые же из фарисеев сказали им: зачем вы делаете то, чего не должно делать в субботы? Иисус сказал им в ответ: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий, взял хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме одних священников, и ел, и дал бывшим с ним? И сказал им: Сын Человеческий есть господин и субботы».

В «Большом манускрипте» содержится библейский рассказ, взятый из Евангелия от Иоанна (12.1–11). Чита-

телю, пожелавшему ознакомиться с ним, мы предлагаем обратиться к первоисточнику. Как и в версии Франка Мари, в редакции Жерара де Седа есть неразборчивые знаки, нарочитые ошибки и лишние буквы. Франк Мари, отнесшийся к делу со всей серьезностью, проявил невиданную настойчивость и упорство, подбирая подходящий ключ к данному шифру. Представлять здесь его метод значило бы заниматься плагиатом, поэтому мы лишь выразим ему свое восхищение и ознакомимся с плодами его сложной работы. Зашифрованное послание, по его мнению, звучит так: «Пастух, не искушение. Пусть Пуссен и Теньер хранят ключ. Рах. DLLLXXXI. Крестом и сим конем Господа я завершаю этого дьявола-охранника. В полдень. Голубые яблоки».

Поскольку в полученном тексте упомянуты живописцы, о которых мы уже говорили, можно допустить, что речь, вполне возможно, идет о сокровищах. Однако текст по-прежнему неясен, а следовательно, нуждается в дальнейшей расшифровке. Напомним, что эксперт, изучавший этот документ по просьбе Жерара де Седа, утверждал, что «Большой» и «Малый» манускрипты принадлежат одному и тому же автору. Возможно, им был аббат Бигу. Однако в XX веке этот почтенный духовник неожиданно стал предметом горячих споров. Его авторское право оспорил некий шансонье: он во всеуслышание заявил, что загадочный документ был составлен не почившим в бозе монахом, а им самим по просьбе respectableного роялиста, обладавшего знатным титулом. Имя этого шансонье — Франциск Бланш, а имя и титул его respectableного заказчика — маркиз де Шеризе. Впрочем, впоследствии эта «информация» была опровергнута кем следует.

БОЛЬШОЙ МАНУСКРИПТ

IESVSEVRGOANTCESKATVESPASCSEHAEVENJTTBETHQANTAMOURAT
 JYKAO TIAZA VVSOKTYVVS QVEMMSVSTYAVITVYESVSEFECEKVN
 LAVIEMOTTCAENAPOTBETEOMARTHAHMINISTRABATLHSSARVSO
 YEROVNXVSEKATTEATSCOUMIENTATLUSCVJOMARTALERGOACH CEP
 TTKTBRACVNNGENTTJNARATPFTJITCQPREITOVSTETVNEXTTPE
 dPESTEKVAETEXTEJHSTTCAUPIRTS NSVJSPEPDCSCTPTETDOMBESTO
 YLFTIAESTEEKXVNGEINTTODAEKEDIKALTEKGOVRNVMEKDGTSCTPVH
 TSETVXTVDAXOCANJORTISQVITKATCVHOMHADTTVHVSQTVAREHOCVNV
 HENVTVMNONXVENYTTGRECEENPATSDENAAKVSETDAATVMEGTE
 GENTES? AXITNVFCMHOCNONQVSTADEGAEINTSPERRKTINEEAT
 AdCVTMSedqVhQFVKELRTETIOCVIOSHCAHENSACAQVACOVITTEBA
 MONTYKROTKAHETEATXITJRGOTCSHVJSTINEPTLLAMVNITXIEPMS
 EPVIGTVKAEQSAESKVNETILQVDPYAVPSEKESENHTMSOMPERHA
 BEMTTSNOHLTSCVMFCMAVTECOMONSESCOMPERHABENSCJOGNO
 VILTEROTZYKBAOVQITAEXTMVDACSTQVATLOITCESTKETVENE
 AKVNTNONNPROTEPRTESUMETANTVMQSEDVILVZA RVMPVTDER
 CHQVEMKVSCTAOVITAMORRTVTSCTOGTAVKEKVNTAHVTECP
 RVNTXTPREJSSACEKCDOTVMVMTETLZCARVOMTNAERFCTKRENTQ
 LVITAMVLVTTPROPCTCKTLXVMABTBGNTCXVGTAEZTSNEICRCA
 dEBANTINTESVM

N
 NO P IS

IESV. MAGEIA. VVLNENVM + SPES. VNA. PACITENTIVM.
 PER. MAGDALANX. LACRYMAS + PECCATA. NOSTRA. ATLAS.

Версия, опубликованная Жераром де Седом
 в «Проклятом золоте Ренн-ле-Шато»

Однако существует еще один документ, в котором, полагают, можно найти указание на место, где находится тайник. Его автор не вызывает споров и пререканий: триста десять интересующих нас страниц принадлежат руке аббата Анри Буде, кюре из Ренн-ле-Бен. Сочинение аббата по праву может считаться книгой с эпизодами, мало связанными с основным сюжетом. Это произведение, озаглавленное «Истинный кельтский язык, или кромлех Ренн-ле-Бен»¹, возведено некоторыми исследователями в ранг библии... разумеется, зашифрованной, таящей в себе ключ к сокровищам. Мы знакомы, по меньшей мере, с дюжиной авторов, якобы нашедших место, где лежат сокровища, при помощи этой книги. Нас смущает лишь одно обстоятельство: почему-то до сих пор никто из них эти сокровища не выкопал... Но это пустяки, всего лишь незначительное недопонимание текста: завтра же ими будет найдено новое звено в цепи измышлений. Таким образом, произведение аббата таит в себе ту же проблему, что и послание, помещенное в церкви Соньера.

Итак, обратимся к кромлеху Ренн-ле-Бен. Да, пожалуй, аббат выбрал довольно странный объект для своего исследования: на самом деле ни в Ренн-ле-Бен, ни где-либо поблизости не существует никакого кромлеха. Однако не будем обескуражены столь ничтожной мелочью: лучше предоставим аббату возможность доказать нам, что языки, появившиеся, согласно Библии, в результате строительства Вавилонской башни, произошли от английского наречия, который один сохранил свой первоначальный вид. Разумеется, расшифровка этой книги

¹ Мы сохранили орфографию автора в словах «менгир» (menig), «омела» (guy) и «кромлех» (cromleck).

приведет нас к сокровищу, как утверждают толкователи аббата (правда, ничего подобного не утверждает сам автор «кромлеха»).

Если книга аббата Буде попадет в руки любителя, делающего лишь первые шаги в изучении «дела Реннле-Шато», тот безжалостно причислит автора к когорте литературных безумцев или крайне неуравновешенных оригиналов. Однако те, кто уже проникся идеей сокровищ Ренна, отнесутся к ней с подобающим вниманием.

Аббат Буде намерен доказать нам, что английский язык является праязыком, или, если воспользоваться его же выражением, «истинным кельтским языком». В доказательство своей теории аббат приводит фонетические соответствия между некоторыми французскими, английскими, окситанскими лексемами... Каждый, кто решил бы проделать подобное, скажем, с немецким языком, пришел бы к похожему результату, однако попутно оценил бы грандиозность работы, произведенной аббатом. Анри Буде намного облегчил бы себе задачу, если бы воспользовался латынью в качестве отправной точки сравнения.

Чтобы подкрепить свою теорию фактами, аббат излагает (на свой лад, разумеется) некоторые эпизоды, взятые из мировой истории, попутно приглашая навестить его любимый Верхний Разе. Оглавление этой книги раскроет ее содержание гораздо лучше, нежели наш пространственный рассказ. Знакомясь с ним, не забудем, что каждая глава служит доказательством лингвистических теорий аббата.

Глава первая. Кельтский язык: краткий рассказ о первых поселениях в Галлии. — Кельтский язык: тектосаги и

наречие «ок». — Лангедокский диалект и истинный кельтский язык.

Глава вторая. Древнееврейский язык: имена, данные Богом. — Первые люди: от Адама до Ноя. — Ной и его сыновья. — Авраам и патриархи. — Моисей и исход евреев: странствование в пустыне. — Избавитель Иисус. — Давид и Голиаф.

Глава третья. Пунический язык: африканцы, пунийцы, нумидийцы и мавры. — Военачальники Карфагена. — Нумидийские короли. — Кабийский язык.

Глава четвертая. Семья Иафета: потомки Гомера, Тубол и иберы, наречие басков. — Кантабры и иберы. — Гасконь, Окситания, Аквитания и их племена, Ош, Бордо.

Глава пятая. Кельтский язык: племена Арморики. — Редоны, памятники кельтской культуры. — Друиды, карнуты.

Глава шестая. Вольки тектосаги и Лангедок. — Вольки тектосаги и Арморика. — Белги. — Гаронна. — Тулуза. — Жиронда.

Глава седьмая. Кромлех Ренн-ле-Бенн: описание Друнеметона, кромлеха редонов в южной части Галлии. — Менгиры, дольмены, скалы-«бродяги» и качающиеся скалы. — Сакральное предназначение кромлеха, менгира, дольмена и скал-«бродяг». — Человеческие жертвоприношения в Галлии. — Второе назначение менгира. — Искусство войны у друидов. — Минеральные, термальные источники Ренн-ле-Бен. — Холодные железистые источники кромлеха. — Водоем в Нотр-Дам-де-Марсель, соленая река, ископаемые, священная омела.

Глава восьмая. Поселение кельтов в Ренн-ле-Бен: кельтские жители, дорога для телег. — Еда и питье кельтов. —

Охота на кабанов. — Римляне и королевский термаль-
ный источник. — Крест на кромлехе редонов.

Довольно разностороннее, если не сказать эклектич-
ное, исследование. Завершает книгу карта кромлеха, под-
писанная Эдмоном Буде: это, если верить знающим
людям, старший брат аббата. Северной границей пред-
полагаемого кромлеха (формой напоминающего прямо-
угольник) можно считать дорогу из Куизы в Арк; южной
границей будет местечко Ла-Феррьер; таким образом,
его протяженность составляет пять-шесть километров с
севера на юг и три километра с запада на восток. Карта,
составленная братом аббата, содержит в себе гораздо
больше сведений и подробностей, нежели масштабные
карты этого края. Однако, несмотря на обилие деталей, в
ней все же не хватает некоторых географических объек-
тов, в то время как другие указаны неточно. Снова указа-
ния на путь к «золотому источнику Соньера»? Конечно,
ничто не мешает обвинить составителя карты в недобро-
совестности, но в таком случае покажется странным то,
что аббат настойчиво приглашает посетить эти края и
при этом дает их неверное описание... Предположим, что
некое таинственное место все же существует. В таком
случае, согласно зашифрованным указаниям аббата, до
него можно добраться лишь в определенное время года;
оно находится на большой высоте, там, где берет начало
источник, питающий местные поля; вход в грот можно
будет отыскать, пробравшись через сифон. Того, кто су-
меет преодолеть эти препятствия не сломав ног, встре-
тит зрелище настолько ужасающее, что из грота отваж-
ный искатель вернется седым. В конце этого пути его
ожидает удача, однако он должен будет молчать о своем

открытии. Или же выражаться притчами. Как аббат Буде, например.

Не вдаваясь в утомительные и порой сомнительные подробности, заметим, что система аббата Буде основана на простых и точных геометрических построениях: зашифрованные детали призваны помочь выявить линии, которые, в свою очередь, пересекаются в точках, соответствующих неким значимым объектам на местности. Правда, с вычислениями аббата Буде не всегда была согласна природа-мать, но это не помешало священнику внести коррективы... отнюдь не в показания карты — в сам ландшафт! В наши дни найдено множество доказательств того, что в одном месте аббат установил крест, в другом передвинул каменную глыбу, в третьем... распилил менгир. Все это происходило при участии неизвестных помощников, не принадлежавших к его пастве.

Произведение аббата Буде настолько необычно, что порой побуждает исследователя искать ответ в орфографических ошибках, умышленно допущенных этим ученым. Что подтолкнуло эрудированного священника изменять правописание некоторых слов? Так, более всего не повезло менгиру. Аббат умудрился не только распилить один из них, но и уничтожить одну из букв в его написании: «menirs». Зачем? Не был ли призван «укороченный» на одну букву менгир каким-либо образом указывать дорогу к сокровищам?

Об истинных целях аббата могли знать лишь его близкие друзья. Действительно, что он намеревался сказать? Священник, нашедший и проложивший путь к столь невероятному секрету, мог испытывать непреодолимую потребность рассказать о своем открытии... или же попросту водить читателя за нос. Таким образом, мы

вновь приходим к вопросу, уже прозвучавшему при осмотре храма Ренн-ле-Шато: вправе ли мы заключить, что книга аббата Буде, как и «храм-указатель» Соньера, — всего лишь фикция, вымысел, мистификация? Мы, конечно, можем вновь пересмотреть извечные аргументы в пользу этого дела, однако заметим, что странная книга Буде все же достигла определенного результата: несмотря на то что поиски не увенчались успехом, Верхний Разе стал землей обетованной для политико-мистических и эзотерических группировок, а также для всевозможных мечтателей и фантазеров. Увлечение тайной обрело размах и привлекло к этому делу исследователей-непрофессионалов. Так не достиг ли своей цели аббат Буде? Быть может, найдется исследователь, который опровергнет гипотезу о мистификации тем, что сумеет, наконец, найти что-либо. Однако расшифровка документа пока что не приносит конкретных результатов; будем надеяться на то, что, возможно, в будущем кто-нибудь, в конце концов, поймет, что же хотел донести до нас аббат Буде.

«Осквернять подобными подозрениями церковь, полную тайн, и книгу, скрывающую в себе ключ? Ставить под сомнение произведения двух духовных лиц? Черт, черт и еще раз черт, так вот с чьей колокольни слышен погребальный звон по нашим надеждам!» — могут воскликнуть некоторые читатели. Не стоит гневить ангелов столь усердным воззванием к нечистому: на самом деле мы еще не рассмотрели знаки, помещенные на уже знакомой нам надгробной плите. Действительно, разве не странно, что Соньер, столь охотно раздающий указания на то, где спрятаны сокровища, все же поостерегся обнародовать одно из них? Напротив, он сделал все возможное, чтобы

его уничтожить (правда, как выяснилось, не преуспел в этом): разумеется, речь идет, о могильной плите «знатной дамы Мари де Негри д'Абль».

Отношения между старшей в роду Бланшфоров и ее тремя дочерьми были отнюдь не дружественными: одна из них общалась с матерью не иначе как в присутствии судебных исполнителей. Мари д'Отпуль-Феллин, озабоченная упадком родового владения, обратилась в органы юстиции ради того, чтобы заставить старую маркизу поддерживать имение в нормальном состоянии. Известно, что Бланшфоры пронесли сквозь века некий секрет, передававшийся от предков к потомкам, обязанным следить за тем, чтобы его знание не было утеряно. Единственный наследник мужского пола, сын маркизы де Негри д'Абль, умер в раннем возрасте; дочери знатной дамы не испытывали никакого доверия к матери... Смерть маркизы была быстрой, поэтому вполне возможно, что маркиза доверилась своему духовнику, аббату Бигу, не на исповеди. При условии, конечно, что вся история с секретом не является плодом воображения.

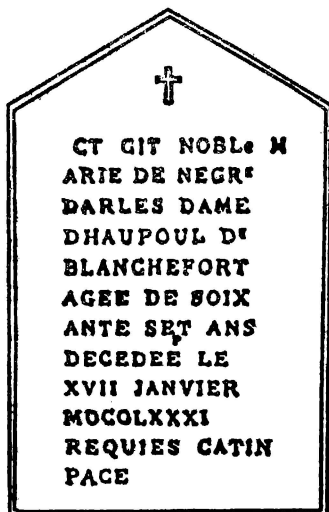
Итак, маркиза покинула этот мир. Принято считать, что аббат Бигу велел поместить на ее могильной плите эпитафию, состоящую из нескольких довольно странных надписей. Прошел век. Можно ли предположить, что эта надпись была найдена и расшифрована до Соньера? Быть может, те, кто понял ее тайный смысл, впоследствии стали партнерами аббата — или же ключ к тайне был у священника?

Соньер приложил все усилия к тому, чтобы соскрести надпись с плиты. Сделано это было под предлогом сооружения из плит (в том числе и могильного камня Бланшфоров) оссуария для покоящихся на кладбище

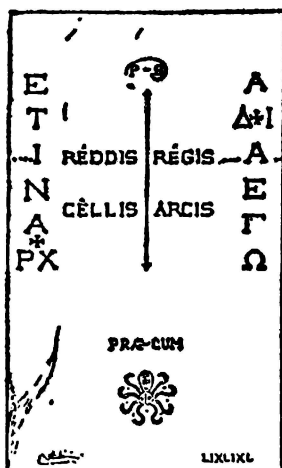
Ренн-ле-Шато: таким образом освобождалось место для новых могил. Специалист, ищущий следы сокровищ, не оставит историю с плитой без внимания. Возможно, аббата Бигу можно обвинить в том же, в чем и Соньера: они беспечно «сорили» знанием, которое следовало бы упрятать подальше от глаз людских. Но не противоречим ли мы самим себе, нашей основной идее, касающейся знаков и указаний? Что общего может быть между хитрым и солидным кюре Соньером и маркизой, передавшей не по назначению столь важный секрет возрастом в двадцать поколений? Какова в этом роль аббата Бигу? Был ли он попросту душеприказчиком маркизы — или же инициатором механизма махинаций? Аббат Бигу жил в непростое время; быть может, он не мог передать секрет каким-либо иным способом. Однако признаем, что между действиями Бигу и причинами, которые *a priori* должны были вдохновить его на это, существует некое противоречие.

Надпись на плите, вне всякого сомнения, необычна. Нет ли в том вины каменотеса, которому была поручена эта работа? В подобном случае он рисковал быстро растерять свою клиентуру. Объясним почему.

В слове «NOBLE» (первая строчка) буква «е» по сравнению с другими знаками уменьшена. Инициал Мари «М» почему-то вынесен за поля, хотя логичнее было бы переместить его в следующий ряд. Некоторые отмечают, что возможна ошибка и в части фамилии (конец второй строчки): мы видим написание «NEGRE», однако во времена маркизы было принято писать «Néгри». В третьей строке появляется «DARLES» вместо «d'Ables». В четвертой строке нас поджидают две аномалии или даже три. Вместо «d'Haupoul» или возможного варианта

Надгробная плита маркизы (опубликовано Жераром де Седом
в книге «Проклятое золото Ренн-ле-Шато»)

Вторая надгробная плита, содержащая
возможное послание, которое хотел уничтожить Соньер
(опубликовано Жераром де Седом)

«d'Hautroul» появляется «DHAUPOUL» с отсутствующим апострофом. Что касается пропущенной «t» в «d'Hautroul», это можно не считать ошибкой: орфография фамилии в ходе веков менялась. В конце строчки виднеется еще одна уменьшенная «e» в частице «De». Пятая строчка полностью занята фамилией «BLANCHEFORT». На этот счет нам сказать нечего (разве только то, что фамилия занимает на плите самое видное место). В шестой строчке появляется цезура после «X» в слове «SOIXANTE» (возможно, каменотесу попросту не хватило места). В седьмой строчке — странный минускул «p» в слове «SEPT». Восьмая строчка обращает на себя внимание датой: «17 января» — дата, довольно часто мелькающая в нашем деле. Дай бог, чтобы слово «CATIN» (шлюха), появившееся в одиннадцатой строчке, вышло произвольно, без злого умысла аббата или каменотеса... Пусть маркиза покоится с миром. Последняя погрешность, неожиданно превращающая почтенную маркизу в девицу легкого поведения, как забавляет, так и ставит в затруднительное положение.

Разгадать тайну плиты пробовали множество раз. Франк Мари, применивший тысячу способов для ее расшифровки, на основании анализа минускула и других аномалий предположил, что в надписи кроется анаграмма «Mortérée». Опираясь в своем исследовании на работы господина Пума, опубликованные в «Le Charivari», он разработал сложнейшую систему, в основе которой лежит разбивка на части предполагаемого ключа и особый способ подсчета букв. Несмотря на то что подобный труд криптолога вызывает значительный интерес, его предположения все же сложно принять безоговорочно. Все тонкости своей работы господин Мари описал в книге

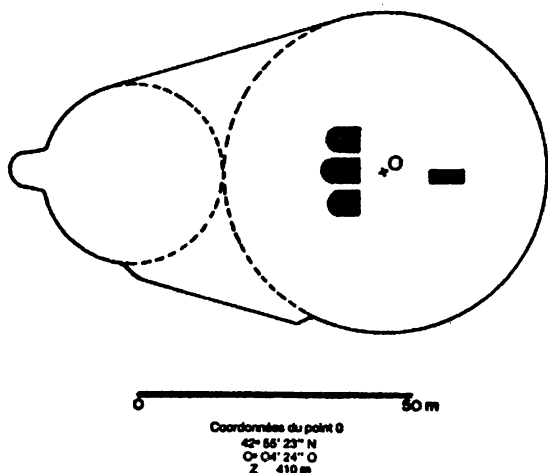
«Ренн-ле-Шато: критический очерк», поэтому мы приведем лишь основные результаты его расшифровки. Он предположил, что в эпитафии зашифровано следующее: «Здесь, в Ренне, покоится Овен тамплиеров». Уточним, что указание на «Овна тамплиеров» появилось благодаря слову «arie» (производному от латинского «aries», «овца»). Тамплиеры питали особую любовь к ягнтям (будущим овцам); в окружении ягнят часто изображали Иоанна Крестителя. Помимо этого, «arie» может означать и кропильницу. Что же касается «catin», образованного от латинского «catinus», перевести его следует как «алтарь, стол для церемоний».

На плите, расположенной около надгробного камня маркизы, выбиты инициалы P. S. (Приорат Сиона?) и «Prae sum», что в Средние века могло означать «Молись за него» или «Я помолюсь за тебя».

Итак, нам остается лишь объяснить латинские слова, поставленные в тот или иной падеж: REDDIS, REGIS, CELLIS, ARCIS. Полученное «предложение» выглядит следующим образом: «Реде, короля (королевский), в подземелье, в крепости». Предпоследнее слово может также означать «в храме». Указание на королевское золото, спрятанное в подземельях (или в храме) крепости Ренна?

Рамки нашего исследования не позволяют рассказать нам еще о десятке гравированных камней, найденных в округе Ренн-ле-Шато (попутно заметим, что надписи на некоторых из них были сделаны нашим старым знакомым, аббатом Буде). Начав рассказ об этих достопримечательностях, мы, разумеется, не обойдем стороной тему сокровищ: в знаках на камнях можно усмотреть намеки на королевские сокровища, на тайник тамплиеров и на

реликвии Иерусалимского храма. К счастью, одна плита не имеет к аббату Буде никакого отношения: это уже упоминавшаяся нами «Плита рыцарей», найденная Соньером в старом храме, где она долгое время служила алтарем. На ней можно разглядеть ребенка на рыцарском коне. Скорее всего, нам припишут дурные манеры, если мы не найдем в столь лаконичном сюжете намек на спасение сына Дагоберта и Гизелы из Реде. Дагоберт II (св. Дагоберт) был убит 23 декабря 679 года неподалеку от Стене (ныне местечко в департаменте Маас, в Бельгии). Его сын, якобы чудом избежавший смерти, стал продолжателем рода Меровингов, о котором столь часто упоминается в «деле Ренн-ле-Шато». От Меровингов, само собой, тянется нить к сокровищам. Для тех, кто видит в «деле Ренн-ле-Шато» исключительно «меровингский секрет», эта аллюзия первостепенной важности.

Мавзолей Реде. Реконструкция г-н Сипра, сделанная на основе данных аэрофотосъемки (взято из книги Жана-Алена Сипра «Город повозок»)

Последний знак, на котором мы остановим внимание, более не имеет никакого отношения к хитрым замыслам священников. Более никаких церквей с их девяноста аномалиями, никаких плит с надписями, требующими расшифровки, никаких произведений, предлагающих пересмотреть все наши лингвистические концепции и отправиться на поиск сокровищ, которые якобы сделают из нас миллиардеров! Поощрим свои волосы, которые, по предсказанию аббата Буде, могут посесть от какого-то ужасающего зрелища.

Пора обрести твердую почву под ногами. Что мы и делаем... отправляясь в путешествие по воздуху в сопровождении военного инженера в отставке, приветливого, здравомыслящего человека. Наконец-то мы почувствовали себя в безопасности: наш спутник, Жан-Ален Сипра, не собирается представлять нам очередную разгадку надписей или указывать на погрешности в храме. Он берет нас в полет для того, чтобы подсказать, в каком направлении можно вести подземные исследования окрестностей Ренна. Теория, изложенная им, проста и понятна.

Питая глубокий интерес к прошлому стран и народов, Жан-Ален Сипра решил отделить правду от вымысла в истории вестготского Реде, согласно некоторым авторам, четвертого по значимости европейского города или же будущего оплота вестготов, согласно другим. К сожалению, надежные документы, повествующие об истории этого края в интересующий его период, крайне малочисленны. Помимо этого, Жана-Алена Сипра интересуют различные персонажи той эпохи, их жизнь и деяния. Так, он полагает, что сын Дагоберта и Гизелы из Реде вряд ли мог находиться подле отца в день покушения, унесшего жизнь Дагоберта: как могло произойти подобное, если

его матери никогда не существовало? Если бы удалось организовать дебаты между Жаном-Аленом Сипра и Луи Вазаром, талантливым автором книги «Краткий курс истории Франции: правители и короли Франции» и ревностным сторонником неомеровингов... каким бы захватывающим был диалог!

Вернемся к нашим баранам, точнее, к нашим развалинам. В поисках возможных следов древнего города Реде господин Сипра тщательно исследовал местность, сосредоточив поиски на ограниченном пространстве в форме треугольника. Северная вершина этого «треугольника» — деревня Ренн-ле-Шато. Восточная вершина — крутой утес Бальс, неприступный барьер, созданный природой и не нуждающийся в дополнительных защитных укреплениях. На этом мысу господин Сипра заметил множество углублений, внимательное изучение которых позволило ему исключить версию о том, что речь идет о кавернах естественного происхождения. По его мнению, такое углубление могло быть результатом горизонтального бурения. Глубина ям, находившихся десятью метрами ниже склона вершины, варьируется от 2,5 до 4 метров. Каверны расположены в ограниченной тридцатиметровой зоне утеса, субстрат которого, по-видимому, однороден. Скорее всего, утес впоследствии обрушится в зону, где находятся обнаруженные углубления. Все вышеизложенное говорит в пользу того, что все эти ямы были сделаны руками человека. Наконец, западная вершина «треугольника» — останки проселочной дороги, ведущей в Эсперазу. Можно лишь удивляться тому, насколько причудливо ее проложили: витки и повороты дороги кажутся нам бессмысленными (ведь она не огибает естественные препятствия). Действительно, замечено, что в

основном проселочные дороги повторяют очертания ландшафта, «приноравливаясь» к рельефу той или иной местности, однако этот случай — исключение из правил. Столь причудливое расположение древней дороги может говорить о том, что в прошлом она могла тянуться вдоль укреплений. Автор предполагает, что существовали и другие оборонительные рубежи, созданные самой природой; они могут дополнить тот возможный ансамбль, который восстановил исследователь.

Сохранились ли какие-либо останки укреплений? Лишь малая часть: большая осыпь непосредственно под деревней, а также заросшие или ушедшие в землю части стен. В другом месте можно обнаружить еще одну осыпь: возможно, это останки башни. Однако действительно ли это вестготские укрепления?

Жан-Ален Сипра выказал удивительную находчивость, решив воспользоваться фотографиями этой местности, сделанными при помощи аэрофотосъемки в 1986 году. В тот год неподалеку от Ренн-ле-Шато (спуск с холма в направлении Лавальдьё) не была засеяна обширная территория. Поскольку поля не успели зарости люцерной, почва была практически обнажена. Любой специалист прекрасно знает, что в таких условиях остатки растительности идут на перегной, а грунт приобретает иной оттенок, что позволяет увидеть очертания построек, покрытых тонким слоем земли. Так было и в этом случае. Жан-Ален Сипра решил, что он нашел неопровержимые доказательства того, что на этом месте когда-то располагался классический вестготский мавзолей. Каждый, кто изучит эти фотографии, охотно согласится с его доводами: Редэ мог быть вестготским городом первой значимости.

Однако Жану-Алену Сипра не удалось добиться того, чтобы был произведен хотя бы начальный этап раскопок, который мог бы подтвердить его теорию. Вполне возможно, что, предприняв серьезные работы в этой местности, ученые открыли бы мавзолей, построенный полторы тысячи лет назад. Почему на предложение Сипра ответили отказом? Нерадивость чиновников? Желание утаить секрет? Умышленное сопротивление лиц, прекрасно знающих о существовании мавзолея, но решивших оставить все в тайне до скончания лет? В окрестностях Ренн-ле-Шато проводилось множество раскопок, довольно часто поиск велся в таких местах, где не было ни намека на возможность открытия, но в данном случае перед нашими глазами достоверное свидетельство, подлинный ориентир для поисков! Некоторые спорят с доводами Сипра, некоторые попросту придираются к мелочам; однако вместо того чтобы громоздить горы контрдоводов, не проще ли было бы взглянуть на следы мавзолея собственными глазами?

Какой предварительный вывод можно сделать к концу этой главы, посвященной различного рода указаниям?

Традиция, превратившая край Ренн-ле-Шато в некий остров сокровищ, охватывает множество столетий. В этих местах неожиданно разбогател незаметный священник. Он построил своеобразный «храм-ребус», служащий для того, чтобы отправлять в соседние окрестности толпы людей, жаждущих отыскать сокровище. По соседству с «храмом-ребусом» этот же священник создал тайный «храм-перевертыш», красноречиво намекающий на вероотступничество его создателя. Эта догадка не раз подтверждается и в самом не слишком «ортодоксальном» храме. Другой священник, аббат Буде, написал книгу,

желая навязать идею о том, что существует некий секрет, связанный, очевидно, с сокровищами.

Анализируя причины и следствия этого дела, можно предположить, что Соньер и Буде занимались распространением дезинформации ради того, чтобы отвлечь искателей от настоящего объекта поисков. Так, оба священника изображали из себя хранителей некоего секрета, относящегося и к политике, и к религии одновременно.

«Дело Ренн-ле-Шато», как и многие моменты в его долгой истории, неизбежно окутано «туманом ересей». В этом краю когда-то процветало арианство, исповедуемое вестготами; впоследствии в Верхнем Разе появились тамплиеры, чья вера к концу их длительной эпопеи заметно отличалась от христианских догм, принятых Римско-католической церковью.

«Ересь». Из века в век, от самых истоков христианства, «еретиков», отказавшихся от общепринятой догмы, волновал один и тот же вопрос: какова природа человеческая. Можно придерживаться разных точек зрения по поводу того, что есть ересь. Кто-то всеми силами отстаивает неприкосновенность догматов и с высоты этого неколебимого пьедестала пытается понять, в чем ересь расходится с нормой: это довольно безопасный метод изучения. Но можно обратиться к истокам, к тому моменту, когда ересь отделилась от основного учения и стала отдельной его ветвью. Такая позиция куда более сложная, но при этом более объективная.

Глава IV

ИИСУС

Написать эту главу было невероятно трудно. Почему? Потому, что речь идет о сложной проблеме, предусматривающей признание или отрицание догматов, соотношение между религиозными и политическими событиями. Поэтому мы не претендуем на то, чтобы высказаться окончательно и бесповоротно по сути вопроса; мы просто попытаемся понять как и почему главный из догматов христианства — божественная сущность Христа — стал предметом ожесточенных баталий и одновременно источником выгод.

Нам бы хотелось изложить сюжет максимально объективно. Написав «Господь Наш Иисус Христос», мы погрешили бы против этого условия. Точно так же мы будем не правы, если *a priori* отвергнем догмат о божественности Христа. Еще до того, как приступить к изучению нашей проблемы, позволим себе напомнить о точках соприкосновения между христианами разного исповедания — католиками, православными, протестантами, арианами, гностиками, манихеями, катарами... и те и другие дали миру великих святых, истинных мучеников и людей, прославившихся высокой нравственностью. Но, с другой

стороны, не стоит отрицать и то, что на протяжении многих столетий во имя догматической теологии, превозносившей Христа, было совершено немало преступлений. Впрочем, как и во имя и всех остальных догматов, — в этом отношении ни одна религия не стала исключением.

Прежде чем узнать, как был оспорен догмат о единственности Христа-Сына, Отца и Св. Духа, посмотрим, как его провозгласили. Это произошло в городе Никея в 325 году н. э.

Константин I Великий (ок. 280–337) разбил своего соперника Максенция под стенами Рима, в 312 году. Эта победа принесла ему всю полноту власти над Римской империей. Новый император был сыном Констанция Хлора, от которого, по всей вероятности, и унаследовал ярко выраженные амбиции и четкое понимание того, что нужно сделать для укрепления собственной власти: объединить политическую и военную силу с религиозной легитимностью. Итак, что собой представлял религиозный климат в Риме IV века? Политеизм постепенно исчезал: еврейская религия не имела успеха в Риме; «элитарные» религии вроде орфизма приняло меньшинство; пантеистические религии, например религия друидов, подвергались в Римской империи преследованиям. Фактически подавляющее большинство жителей империи склонялось к одной из двух религий: митраизму, возникшему в Персии и Индии двадцатью веками ранее (но только в II веке н. э. митраизм пустил корни в Риме), и христианству, распространившемуся по римской территории несколькими десятилетиями позднее.

В отличие от христианства митраизм был «религией мистерий». Служители Митры сначала проходили курс эзотерического обучения, а затем приносили клятву: «Во

имя Господа... я клянусь хранить тайну мистерий, которая была мне открыта...» Непременным условием считалось участие в инициационных церемониях, заимствованные в египетской или зороастрийской традициях, и т. д. Римские императоры: Траян, Септимий Север, Нерон, Коммод, Аврелиан и Адриан поддерживали митраизм; некоторые из них даже участвовали в мистериях Митры.

В Риме насчитывалось около сотни храмов Митры, и в далеких провинциях, особенно в Галлии, население также активно исповедовало митраизм.

В рамках этой великой религии, насчитывающей двадцать веков истории, служители культа стояли особняком от верующих и должны были досконально соблюдать традиции митраизма. Но, как это ни парадоксально, именно высокие нравственные устои служителей Митры привели к упадку, а затем и запрещению митраизма по всей империи. Как именно? Дело в том, что, перед тем как принять императорский венец, Константин просил, чтобы его посветили в мистерии; но служители Митры отказали ему из-за «неискупимой природы его преступлений».

Тогда будущий император обратился к христианам: ведь христианские таинства и крещение позволяли забыть о прошлых ошибках и через покаяние открывали грешнику путь к спасению.

Что собой представляло христианство в то время? В отличие от великих инициационных церквей той эпохи, у христиан никогда не было школы мистерий, где посвящаемый преодолевал долгий путь к знанию — но знание это носило не догматический характер, а коренилось в области, которую современный психоанализ назвал бы глубинным подсознанием. Проще говоря, вера и покорность одержали победу над медитацией, аскезой

и другими практиками, открывающими доступ к высшему знанию. Однако Иисус совершенно недвусмысленно «иерархизировал» свое учение, что прекрасно поняли первые его последователи. Но в конце концов победило христианство Св. Петра, превратившему, религию Иисуса в учение, единое для всех: он закрепил за верующими одни и те же законы и обязал их выполнять одни и те же обязанности, покончив, такими образом, с элитой, которая могла бы во всем стать достойной Христа и его заветов. Разумеется, каждый волен верить, что дело обстояло именно так.

Мы увидим, что христианский гностицизм избрал иную дорогу. Но он веками подвергался гонениям, снова и снова выходя из подполья.

С того момента, как поиски истинного знания были заброшены, все, что гласила вера, становилось догматом. Очень быстро возникли понятия исключительности правды и спасения и необходимости посредничества священников между Господом и остальной массой верующих: фундаментальное отличие догматической религии от религии, утверждавшей, что спасение достигается личными усилиями, и никакое посредничество ничего не сможет изменить или исправить. Служители Митры прекрасно понимали, что не имеют права простить грехи Константину; христианские же священники были уверены, что таковое право у них есть.

Римский догматизм зиждился вовсе не на одних канонических Евангелиях. И в наши дни каждый, кто возьмет труд сравнить евангельское учение и современные постулаты веры, предлагаемые Римской церковью, неизбежно столкнется с сюрпризами и несовпадениями. Кроме того, знатоки античных языков и истории первых веков нашей

эры установили, что в Евангелиях наличествует, по меньшей мере, три текстовых уровня: обработки, искажения... каждый из нас может выбрать тот вариант, который считает правдоподобным. Встречаются и противоречия: но иначе и не могло быть в ту эпоху, когда христианство, исповедывавшееся в самых разных странах, представляло собой различные течения. Епископ Лионский Иринеи методично работал над гармонизацией различных концепций христианского вероучения; Константин же окончательно сформулировал основные принципы христианства.

До эпохи Константина встречались тезисы, которые нам могут показаться, по меньшей мере, странными. Например, что Св. Дух вошел в Богородицу через ухо и вышел через влагалище, зачав таким образом Христа; что Богу угодно, чтобы погибало как можно больше народу, поскольку так к нему возвращаются пребывавшие в изгнании души. Надо ли говорить, что в Евангелиях нет и следа подобных фантазий. В любом случае важно было сделать христианство более единообразным. Позже мы вернемся к вопросу о стойкой традиции, касающейся жизни, смерти и воскресения Сына Божьего.

Однако один постулат никогда открыто не провозглашался в первые века христианства. По правде сказать, он глубоко удивил бы как толпы новообращенных христиан, так и, несомненно, современников Иисуса, а возможно, возмутил бы и самого Христа: ведь для всех них мессия, искупитель оставался на уровне — хоть и престижном — Сына Божьего. Даже если Отец и вознес его высоко, сын от этого не становился Богом. Об этом говорится в Евангелиях, пусть и подвергшихся серьезной обработке: Иисус временами сомневался, что сможет противостоять искушениям дьявола, испытывал страх перед

казнью (Отче, да минует меня чаша сия). Мессия (посланник), Христос (помазанник), да; но воплощение Господа... это было самым настоящим кощунством!

Один лишь человек осмелился зайти так далеко: им был император Константин. Забудем на секунду о великом императоре и обратимся к первым текстам, в которых, утверждалось обратное: разве в синоптических Евангелиях, и прежде всего Евангелии от Иоанна, упоминается о божественной сущности Иисуса? Впрочем, четыре евангелиста, ныне признанные официальной Церковью, и те, кто перерабатывал их сочинения, не всегда придерживались одного и того же мнения.

Так, Матфей предлагает родословную Иисуса, включающую себя сорок пять поколений — от Авраама до Иосифа. Затем он объявляет, что Иисус не был сыном Иосифа, делая, по сути, бессмысленным весь вышеприведенный перечень. Выходит, нам нужно выбирать между двумя вариантами. С одной стороны, Матфей (1, 18–25) повествует нам о беспорочном зачатии Марии и рождении Иисуса согласно общепринятой ныне традиции. С другой — тот же самый евангелист сообщает (1, 1) о происхождении Иисуса от Давида и Авраама. Исходя из логики, доступной даже десятилетнему ребенку, следует признать, что Иисус не мог быть «сыном Давидовым, сыном Аврамовым», раз Св. Дух прервал законный процесс передачи царской крови. Либо одно, либо другое — третьего, в данном случае, не дано. Впрочем, некоторые основания позволяют предположить, что имела место вставка в текст, слегка изменившая смысл вмешательства Св. Духа.

Лука, судя по всему, был более осмотрительным. Конечно, с одной стороны, у него ангел посещает Марию, с другой, он упоминает, что про Иисуса все равно «гово-

рили, что он сын Иосифа». И Лука доходит до времен Адама. Таким образом, разрыв между человеческим и божественным в большей мере относится ко временам Адама, а не Иисуса.

Марк вообще обходит данный вопрос молчанием и начинает свой рассказ с Иоанна Крестителя в пустыне.

Конечно, Св. Иоанн с силой и вдохновением, значительно превышающими остальных синоптических евангелистов, открывает повествование словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). И Иоанн уподобляет Слово Иисусу Христу. Единственная сложность заключается в том, что Евангелие от Иоанна стало известно спустя столетие после жизни Христа, в течение двух веков к нему с недоверием относились многие экзегеты. К надежным источникам его стали причислять только после Никейского собора. И как ни парадоксально, именно Евангелие от Иоанна позднее стало Священной книгой катаров!

Итак, Константин задумал навести порядок в Церкви, для этого он созвал церковный собор. Проект амбициозный: в Римской империи насчитывалось свыше двух тысяч епископов, многие из которых сами возвели себя в это достоинство и, случалось, отказывались признавать своих собратьев. Согласно официальному подсчету, в Церкви сменилось тридцать три папы, не считая двух-трех антипап, — но все они были просто епископами Рима. Итак, Константин созывал в Никее первый христианский собор!

Император начал готовиться к собору немного спустя после победы над Максенцием. И нельзя сказать, что двенадцать лет для таких приготовлений — слишком большой срок. Константин разослал гонцов во все провинции: он убеждал, угрожал, уговаривал и, в конце концов,

смог собрать две тысячи сорок восемь епископов в Никее. Председательствовал ли папа-епископ Рима Сильвестр I на соборе? Нет: человек преклонного возраста и часто болевший, Сильвестр — хоть и прожил еще десять лет — уклонился от приглашения и прислал вместо себя двух священников, Вито и Винцентия, которые — из скромности или мудрости — воздержались от активного участия в заседаниях.

И вот, Константин собрал две тысячи сорок восемь епископов. Все они приняли участие в первом рабочем заседании. Император не стал ходить вокруг да около: главной темой обсуждения стал догмат о единосущности Отца, Сына и Св. Духа, провозглашение Иисуса Сыном. И, как следствие, Богом. Роковое утверждение. Большинство христиан поклонялось Богу непорочному, абсолютному, трансцендентному, который сотворил мир, но был не способен воплотиться в человеческом облике. Христианские гностики придерживались такого же мнения, как и мусульмане позднее. С другой стороны, приписывать Христу, то есть «помазаннику Божьему» (пусть это помазание и было осуществлено третьим лицом), претензию самому стать Господом — не значило ли это обвинять его в мистическом безумии, кощунственном стремлении — в общем, нанести ему святотатственное оскорбление?

Свыше тысячи семьсот епископов и слышать об этом не хотели и поручили самому знаменитому епископу христианского мира, Арию, епископу Александрийскому, высказать на соборе их мнение. Что оставалось Константину? Он не мог закрыть двери собора перед прославленным знатоком богословских вопросов. Но он поступил иначе: он выгнал большинство своих «идеологических»

противников. Арий надеялся, что почтение перед Господом, уважение к Иисусу, здравый смысл, наконец, возьмут вверх. Увы, он жестоко просчитался... Догмат о божественной сущности Христа был одобрен оставшимися участниками собора. Сколько же их было, этих епископов? Евсевий, Афанасий, Созомен, Сократ Схоластик, Иосиф Египтянин и Исмаил ибн Али предлагают цифры от «более двухсот пятидесяти» до трехсот восемнадцати. Можно было бы даже написать: вот счастливое время, когда 84,47% епископов могли открыто противостоять императору и отказаться принять догмат, который, по их мнению, был, по меньшей мере, смешон. И вот так Иисус был «избран Богом» в 325 году, всего 15,53% епископов, прибывших на церковный собор!

Вполне понятно, что Арий и большинство епископов были объявлены еретиками, лишены сана и подверглись преследованиям по всей империи. Однако дело их не было забыто: некоторые варварские народы, жившие за границей империи, остались верны первоначальному христианству. Особенно среди них выделяются вестготы, которые отвергли императорский диктат и сохранили преданность своей вере. История причисляет их к «арианам». Да, они ими действительно были; но прежде всего они были христианами, хоть и не обожествляли Иисуса.

Вспомним, что вестготам с 413 году принадлежала территория Септимании... в том числе и Реде. А также вестготы, будучи арианами, умели писать: иногда Реде считают последним тайником, где вестготы сокрыли свои — предполагаемые — сочинения и клады.

Итак, мы рассмотрели традицию, путившую глубокие корни по всей Римской империи. Эта традиция оказала сильнейшее воздействие на чувства и подсознательную

интуицию, присущие человеку. Теперь перейдем к основному вопросу.

Деву Марию посещает посланник небес и объявляет ей, что она избрана для важнейшей миссии: ей предстоит родить дитя, которое она понесет от Св. Духа. Этот ребенок, мальчик, родился вдали от людей, в убогом месте. О его появлении на свет незамедлительно узнали волхвы, которые пришли к младенцу и преподнесли ему символические дары. В период его детства были знамения, указывающие на предназначение мальчика. Позднее, он окружил себя учениками, придавал большое значение крещению, ввел таинство, согласно которому каждый, кто вкусил его плоти и крови, обретает вечное блаженство. Наконец, посланник Божий умер и вознесся на небо в сиянии и славе. Он вернется в конце времен, чтобы судить мертвых и живых.

Конечно, речь идет об истории... Митры, появившемся в Персии, за 1800 лет до рождения Иисуса. Митра являлся солнечным божеством в те времена, когда свет считался атрибутом божественности по определению. А Иисус? Он родился глубокой ночью, на зимнее солнцестояние; умер же и воскрес в воскресенье после полнолуния, за которым следует весеннее равноденствие. Нет сомнений, мы имеем дело с солнечной (древняя традиция) и иудейской (религия Ветхого Завета) символикой.

Что же получается? Христианский апологет Тертуллиан (ок. 155–220) предположил объяснение, основывавшееся на принципах аналогии: заранее предвидя приход Христа в мир, Сатана захотел воздвигнуть на его пути препятствие, создав на него карикатуру. Для этого он отрядил на землю своего помощника, Митру. Это одна гочка зрения. Возможно, последователи Митры

расценивали некоторых авторов или толкователей Евангелий как беззастенчивых плагиаторов — так, наверное, представляется нам в XX веке. Кажется все же, что Тертуллиан напрасно смеялся и истина — на стороне Митры. Но не следует ограничиваться этими поверхностными суждениями. Почему кодификаторы христианства в какой-то мере «позаимствовали» традицию Митры? Потому, что для эпохи античности вообще была привычна мысль, что Господь пошлет в мир земной чистое и могущественное существо — одного из своих сыновей, чтобы указать людям путь к спасению. Юнг или современный психолог Пьер Дако нам сказали бы, что человек находится под влиянием архетипа и не может противостоять потребности выразить это глубинное ощущение в категориях разума. Приверженцы пантеистических религий утверждают, что всякое создание — суть «инкарнация» Бога. Монотеисты, наоборот, стремятся индивидуализировать это божественное воплощение. Откуда и возникают Митра, Осирис, Заратустра, Иисус, Вишну... и еще около сорока сыновей Божьих, которых можно насчитать за всю историю мировых религий.

Почему же Иисус, Сын Божий, получил такое признание у людей с 325 года до наших дней? Потому, что он является последним по времени воплощением Господним? Или потому, что Церковь нашла способ навязать всему христианскому миру догмат о единосущности? На самом деле, если толкователи Евангелий и после них Константин смогли сделать этот догмат господствующим, то потому, что он был им нужен. Ведь этот догмат позволял новой религии покончить с религией Поиска, благодаря которому каждый человек сам, независимо от других, способен найти в себе зерно божественной

сущности. Кроме того, догмат позволял представить таинство самопожертвования как ключ к спасению. Быть может, то была небольшая уступка?

Итак, какие выводы можно сделать после того, как мы рассказали о событиях, произошедших на Никейском церковном соборе, истории митраизма и всем, что показывает навязанный характер современного официального догматизма? Без сомнения, мыслей много. Отсюда вопрос: кто из христиан, поклонявшихся абсолютно Богу, оказался более верным Христу? Приверженцы изначального христианства, считавшие, что Христос — посланник Божий, мессия? Или сторонники догмата, заимствованного из других традиций и навязанного императором, которых хотел подчинить себе церковные власти?

Те же, кого объявили «еретиками», на самом деле испытывали глубокое почтение к изначальному христианству. Еретиками же они были... с точки зрения Константина, а вовсе не потому, что не любили и не почитали Христа. Вспомним об этом, когда вернемся к вопросу об Ренн-ле-Шато!

Кстати, по поводу того же Ренн-ле-Шато: конечно, в наши дни мало кто знает о Митре и событиях, произошедших на Никейском соборе, но за упоминание о них человек уже не рискует угодить на костер. Во времена же Соньера, за исключением нескольких эрудитов, никто и слыхом не слыхивал о Митре или Константине — ну разве что епископ округа. «Тот, кому полагается» следил за тем, чтобы сохранялся закон молчания. «Тот, кому полагается» и поныне следит за этим, но ему пришлось поступиться частью своих прерогатив; но он все равно остается достаточно влиятельной персоной.

Так что, Митра — враг номер один Никейского христианства? Или все же Константин — заклятый враг «приемлемого» христианства?

Вспомним религиозное выражение, уходящее корнями во времена до нашей эры, когда в человеке только зарождалась искра сознания. Это выражение вновь и вновь проявлялось в самых разных формах. Античные школы мистерий, «инициационные» религии, христианский гностицизм, манихейство, катаризм, современные инициационные ордены, церковнослужители всех конфессий провозглашали и провозглашают одну и ту же мысль. Методы медитации — софрология или йога — преследуют ту же цель. Интеллект играет здесь роль несоизмеримо меньшую, чем ощущение сердцем того, что выходит за пределы интеллекта. Не будем искать примера в далеких временах. Дадим слово психологу Пьеру Дако, которого нам уже приходилось цитировать («Удивительные пути новой психологии»):

«Человеческая жизнь тонет в миллионе одних и тех же вопросов: вопросов о жизни, смерти, судьбе, потустороннем мире. Эти вопросы кочуют из века в век, порождая то тоску, то надежду... Все они сводятся к нескольким, а затем и к одному единственному и простому — если его сжать и сократить — вопросу: „Что я делаю в этом мире?“ Все вопросы на земле — всего лишь суть разные выражения, частицы, отражения одного и то же. Что касается ответа, то он может быть только универсальным. Но каков этот ответ? Можно ли его найти? И сформулировать? Нет, конечно. Он архетипичен. Малейшее слово или простейшая фраза, в которую попытаются облечь этот ответ, тут же сделает его бессмысленным. Но мы задаем вопрос потому, что потенциально у нас есть на

него ответ. Но мы задаем вопрос вовсе не потому, что на него можно найти ответ».

На протяжении многих столетий в истории были люди, которые сознательно отказывались от интеллектуализации, поскольку чувствовали, что она увеличивает разрыв между ними и истинной религией, верой. Такие люди предавались духовным занятиям: медитации, созерцанию, поиску самого себя и неистребимой архетипичной истины. Они понимали, что в какой-то момент интеллектуал в человеке должен сделать шаг назад, очистив свое сознание, добраться до архетипичной истины или, по крайней мере, до ее первых интуитивных проявлений. Познание самого себя можно называть по-разному: нирваной, блаженством, гностицизмом, преображением. Но это просто слова: «Познай себя, и ты узнаешь все тайны природы и богов» (надпись на фронтисписе храма в Дельфах). «Иисус сказал: „Пусть тот, кто ищет, не прекращает свой поиск, пока не найдет. И когда он найдет, то будет преображен и изумлен. И воцарится он над всеми“» (Евангелие от Фомы, которое Рим объявил апокрифом).

Грубо схематизируя, можно было бы сказать следующее: история религии показывает, что с самых древних времен существовало различие между гнозисом — в самом широком понимании этого слова, — побуждающим человека к духовному Поиску ради того, чтобы узреть Свет, который каждый несет в себе, и, с другой стороны, религиями, требующими от людей слепой веры, подчинения догматам, разрешения другим вести себя по стезе спасения.

«Ищи до завершения твоего поиска... или покорись, уповая на заступничество посредников».

Среди первых проявлений архетипа есть один, который возводит все живое к самому началу — Богу в трех ипостасях: недвижимому центру вне времени, истоку времени, Созидателю. В связи с этим некоторые эзотерики вспоминают вечного Бога-Отца. Бог-Мать созидает время, удаляясь от Отца, раздираемый Бог-Сын криком своим — Словом — порождает духовные миры. Примеры этой трехчастной концепции можно найти во все эпохи и во всех цивилизациях. Например, Брахма, Шива, Вишну, Сат, Иит, Ананда, Амиабха, Авалокитешвара, Манджушри, Амон-ра, диада Исида и Осирис, Гор. Отец, сын, «Святой» Дух (в гностицизме). Отец, Сын, Святой Дух (в никейском христианстве). Это тройное понятие Единого встречает неприятие у адептов простого и жесткого подчинения — по большей части иудейской и исламской религий.

Представления о духовных мирах составляют неотъемлемую часть всех религий, так же как и Божьего вдохновения, превращающего человека в «мессию». Основателя культа Митры считали сыном Бога, солярного божества; напротив, в митраизме и речи не идет о божественной инкарнации. На церковном соборе в Никее был сделан решающий шаг: придав историческое правдоподобие и персонифицировав инкарнацию Сына, собравшиеся на соборе предложили — и навязали — поразительный догмат. Догмат, который вверял Сыну власть даровать Спасение. Христианские гностики отказались от этого пагубного решения.

У гностиков никогда не было единой Церкви. Три столетия существования этой разновидности христианства, пребывавшего в неразрывной связи с древней Традицией, прошли под знаком великих имен: Василида,

Валентина, Марка, Маркиона (в котором иногда видят апостола Павла). Сколько было школ, столько было и толкований одной и той же темы. Гностики создали — для своих слушателей — настоящую космогоническую теорию, которая в наши дни кажется хоть и несколько вычурной по форме, но довольно современной, если судить о ней по содержанию.

Вечный Отец недвижимо стоял у истоков своего счастья. Он породил во времени духовные, совершенно чистые существа. Злое начало, окруженное архонтами (дьяволами всех мастей), завидовало царству света и возжаждало его захватить. Первый человек, Адам, был прельщен и пленен силами зла, удерживавшими его в несовершенном мире, бледном отражении божественной плеромы. Желая спасти Адама и его потомков, Бог послал ему на помощь Софию, Мудрость, которая в свою очередь встретила препятствия в земном мире. Тогда Бог послал еще одно духовное существо, остававшееся чистым, — Христа. Это существо «вселилось» в человека Иисуса, через которого и передало послание любви и знания, силы, необходимые для того, чтобы помочь людям в опасности.

Катаризм — движение, впитавшее основы гностицизма — пустил корни в графстве Тулузском в XI–XIII веках. Отдельные положения учения были изменены и адаптированы к богатейшей окситанской культуре. Но главное осталось: каждый достигает спасения, вступив на стезю любви и познания. Что касается Иисуса, то катары считали его простым человеком, благодаря чему Христос, эта чистая духовная сущность, смог обрести телесный облик в этом мире.

Известно, что окситанские катары подверглись ожесточенным гонениям с 1209 года, когда начался альбигой-

ский крестовый поход. И гностицизм, и катаризм преследовали без конца: католичество, отстаивавшее свою роль привилегированного посредника между Богом и человеком, не могло оставить в покое проповедников гнозиса, учивших, что каждый держит в своих руках ключи к спасительным вратам рая.

Мы только что обрисовали два течения, оспорившие догматы, принятые на Никейском соборе, — арианство, гностицизм и их преемников. Между этими двумя учениями существует явная связь. Конечно, арианство выглядит подчеркнуто более христианским движением, нежели гностицизм. Гностицизм предоставлял людям возможность самим позаботиться о своем спасении. И ариане и гностики отрицали божественную сущность Иисуса (или Христа), но видели в нем посланника Божьего. Заметим, что здесь Иисусу отводится роль, быть может, менее уникальная, но, по крайней мере, столь же важная, как и та, на которой сошлись участники Никейского собора.

Теперь перейдем к более фундаментальным взглядам на религиозную историю, согласно которым Иисус был «простым пророком», таким же человеком, как и все остальные, а возможно, и просто выдуманным персонажем. Но не будем спешить и шаг за шагом проследим, как проходило становление этих взглядов.

Если верить большинству авторов, то орден тамплиеров возник около 1114 года. Кажется, что главными инициаторами его создания были Бернард Клервоский, Ален де Монбар, граф Шампанский, и Гуго де Пейен, вассал графа. Город Труа еще долго сохранял роль «оперативной базы» для тамплиеров. Граф Шампанский уже провел четыре года в Святой земле, в 1104–1108 годах. За первые десять лет своего существования в орден вступило

только девять рыцарей. Все они обратились к Балдуину I, иерусалимскому королю, брату герцога Лотарингского Готфрида Бульонского. Предводитель Первого крестового похода Готфрид Бульонский завоевал Святой город в 1099 году и его брат Балдуин унаследовал иерусалимскую корону в 1100 году.

Странно, но деятельность девяти рыцарей, с того момента, как они поступили на службу к Балдуину I, старательно замалчивалась. Известно лишь, что им поручили обеспечивать безопасность паломников и охранять Святой Гроб Господень!

В 1139 году папа Иннокентий II пожаловал тамплиерам важную привилегию: отныне они подчинялись не светским властям, а самим понтификам. На протяжении двух столетий тамплиеры занимали фактически уникальную нишу в истории христианских орденов. В орден, организованный на основе строгой иерархии, входило около тысячи рыцарей. В большинстве стран Западной Европы, особенно во Франции, появились Командорства и земли тамплиеров. Орден скопил несметные богатства. В то же время орденские рыцари участвовали во всех походах в Святой земле, пока не сгнуло Иерусалимское королевство. Они неоднократно подтверждали свою гордость, отвагу и истовую веру.

Крестовый поход против катаров начался в 1209 году. Можно выделить, по меньшей мере, четыре даты, ознаменовавшие его завершение:

1229 год — подчинение графа Тулузского;

1244 год — падение Монсегюра, цитадели катаров;

1255 год — сдача последнего оплота — замка Керибюс;

ок. 1350–1400 годы — постепенное прекращение деятельности инквизиции в Окситании.

Тамплиеры никогда не участвовали в военных действиях против катаров и их «обетованной земли» — графства Тулузского. И они охотно предоставляли приют гонимым катарам.

Во второй половине XIII века появились странные слухи: говорили, будто великий магистр тамплиеров требует от новичков, вступавших в орден, отречься от Иисуса; якобы братья ордена больше, чем следовало, почитают Иоанна Крестителя, впадают в содомский грех и практикуют другие сексуальные извращения. И наконец, они поклоняются самому настоящему идолу — Бафомету. Воинов Христовых стали подозревать в вероотступничестве!

Первая тайна связана с основанием ордена Храма. Примерно в 1118–1119 годах первые тамплиеры прибыли на Святую землю под предводительством Гуго де Пейена. Они добились приема у короля Балдуина I, который поручил им охранять паломников, идущих в Иерусалим. Нелегкая задача для девяти рыцарей! Ходили слухи, что они что-то искали в развалинах Храма Соломона и его подземельях. Возможно, что им посчастливилось найти там что-то необычайно важное.

Граф Шампанский появился в Святой земле в 1104 год, и еще раз приехал в 1108 году. Случилось, что он встретился со Стефаном Гардингом, аббатом Сито, — и вскоре после этой встречи этот цистерцианский настоятель повелел инокам своего монастыря заняться изучением древнееврейских текстов; для этого ему даже потребовалось прибегнуть к помощи бургундских раввинов. Граф уехал в Святую землю: он был готов бросить все — графство, жену, детей. Графиня, которой в этом случае пришлось бы постричься в монахини, решительно воспротивилась его планам — и граф ее послушал. Гуго де Пейен с

соратниками все же отправился в Святую землю, где стал первым великим магистром тамплиеров. Граф Шампанский присоединился к нему в 1125 году: для этого ему потребовалось развестись с женой, отказаться от своего сына и забросить графство!

Чтобы резюмировать все, что написано о таинственной находке тамплиеров — то ли свитках, то ли священных предметах, — потребуется не меньше ста страниц. Придется сделать выжимку из выжимки...

Считать тамплиеров простыми вероотступникам больше походит на нелепую карикатуру. Зададим себе иной вопрос: в какой мере христианство XIII века оставалось верным своим корням?

Тамплиеры, по-видимому, больше не проводили параллель между Христом и Иисусом. Вероятно, они поклонялись «космическому Христу», а не реальному историческому лицу. Вполне возможно, что они всегда видели в Евангелиях аллегорические сочинения, которые неоднократно переписывались, а главного героя Писания полагали символическим существом, олицетворяющим приход на землю двух людей: Иисуса, потомка Давида, потенциального царя иудеев, и великого духовного учителя, «Учителя праведности» ессеев, верховного посвященного и посланника Господня. Не стоит забывать, что тамплиеры особенно ревностно почитали Иоанна Крестителя, который был, по меньшей мере, величайшим из пророков и тем более человеком, крестившим Иисуса.

Скорее всего, тамплиеры чувствовали себя «христианами», хоть и отрекались от Иисуса, распятого по политическим соображениям. Для них он был доблестным защитником дома Давидова, но никак не мессией.

Не углубляясь дальше в этот вопрос, отметим, что тамплиеры, по-видимому, владели знаниями, уходящими далеко за пределы нашей эры: их умение строить — кафедральные соборы своими появлением отчасти обязаны и им — восходит ко временам древнего Египта. А возможно, они стали экспертами в алхимическом искусстве, символом которого являлся Бафомет.

Прошли десятилетия. Тамплиеры раз за разом доказывали свою отвагу. Во Французском королевстве они основали свыше сотни командорств, завели поместья, торговые лавки. Они занимались торговлей и ростовщичеством. Они стали богатыми, очень богатыми.

На пользу тамплиерам, безусловно, пошла привилегия, которой, как говорили, в дни основания их ордена, добился Бернард Клервоский: во Франции они не подчинялись никаким властям. На земле лишь один-единственный человек мог потребовать от них отчета: Папа Римский.

И вот наступил 1307 год. Филипп Красивого все больше раздражала надменность ордена. Кроме того, король завидовал богатству тамплиеров. И он решил покончить с ними. Филипп тщательно приготовился к этой операции. Нападение на тамплиеров должно было пройти без сучка и задоринки. Начало операции король назначил на 13 октября 1307 года.

Филипп Красивый помог Папе Римскому Клименту V, бывшему архиепископу Бордо, вступить на папский престол, и тот не посмел воспротивиться королевским планам. Итак, французский государь приказал разом арестовать всех тамплиеров в своем королевстве. Процесс следовал за процессом, и в мае 1314 года. Жак де Моле, великий магистр ордена тамплиеров, взошел на костер

вместе с прецептором Нормандии Жоффруа де Шарнэ. Официально орден закончил свое существование.

Но тамплиеры из Ренн-ле-Шато вроде бы воспользовались отсрочкой в несколько недель во время повальных арестов; возможно, они зависели от основного командорства в Мас Де, которое подчинялось арагонскому королю.

Во второй половине XX века о своем существовании громко заявил орден — возможно, он активизировался еще в эпоху Соньера, — который хвастал тем, что якобы ведет свое происхождение от тамплиеров. Дескать, его первым великим магистром был Жан де Жизор (1188–1220). Великие магистры этого ордена втайне продолжили — как они уверяют — дело тамплиеров. Конечно, возможно, что Приорат Сиона был основан в упомянутую эпоху и им руководил Жан де Жизор. Также возможно, что с 1918 года им управлял и Жан Кокто, которого в 1963 году сменил Пьер Плантар де Сен-Клер. Главный вопрос в этом случае — преемственность ордена на протяжении многих столетий. Был ли коннетабль Шарль де Бурбон его кормчим в 1519–1527 годах? И Исаак Ньютон в 1691–1727 годах? И Виктор Гюго в 1844–1885 годах? И особенно, поскольку это затрагивает историю с Ренн-ле-Шато, Клод Дебюсси в 1885–1918 годах? Лица, которые ныне выступают как руководители Приората Сиона, уверяют нас в этом...

Кого же нынешние сановники Приората видят в Иисусе? Мессию и одновременно еврея, потомка Давида по крови. Для еврея было немыслимо не жениться и не произвести на свет потомство. Поэтому он якобы и вступил в брак со своей спутницей Марией Магдалиной, или Марией из Вифании, сестрой Лазаря!

Члены Приората также уверяют, будто у Иисуса были дети, чьи потомки существуют и поныне. Кем же были самые известные представители этого выдающегося рода? Раннесредневековая династия франкских королей Меровингов и их современные наследники... претендующие на французский трон! Ну не абсурд ли? В Евангелиях не упоминается о свадьбе Иисуса. Впрочем, как нет там и отрицания его воздержания. Да, Мария Магдалина сыграла особую роль возле Иисуса. Так как же обстоит дело с предполагаемым потомством Меровея, особенно детей Дагоберта II и Гизелы из Реде? Но об этом мы поговорим позднее.

В глазах тамплиеров Иисус утратил свое положение мессии. Члены Приората Сиона считали, что Иисус стоял у истоков меровингской династии. Однако есть нюансы: мы готовы голову дать на отсечение, что тамплиеры существовали, но не станем так рисковать, чтобы доказать многовековую историю Приората Сиона!

Перейдем теперь к заклятым врагам Иисуса Бога-Сына, Иисуса-пророка или даже Иисуса-человека, в чьем существовании иногда сомневаются.

Действительно, до сих пор встречаются авторы, которые считают, будто Иисус никогда не существовал: прекрасным примером может послужить книга Тристана Аннаньеля «Противоречия христианства».

Вначале автор замечает, что «для интегристов религия утратила свой сакральный характер». Тристан Аннаньель отметил искусственный характер Евангелий, написанных в несколько приемов, указав на то, что ни одна версия, предшествующая Никейскому собору, не была найдена. Он заклеил поведение Церкви на протяжении многих столетий. Автор удивляется, что «множество историков,

высмеивающих божественную сущность Христа, не находят лучшего выхода, как сделать из него исторического персонажа». Автор идентифицирует Св. Павла и гностика Маркиона и констатирует, что, кроме довольно подозрительных Евангелий, нет ни одного сочинения той эпохи, ни одного нейтрального труда, которое могло бы подтвердить существование Иисуса. Перебрав несколько гипотез, автор утверждает, что история — реальная — «Учителя праведности» ессеев, жившего за полвека до времени предполагаемого появления Иисуса, отчасти легла в основание истории, приписанной человеку, которого на самом деле никогда не было.

В своей книге Тристан Аннаньель поднимает действительно важные вопросы. Он указывает на полное отсутствие любого упоминания нерелигиозного характера об Иисусе. Эта точка зрения заслуживает самого серьезного внимания. Автор, не дрогнув, сравнивает двадцать четыре поколения христиан перед Никейским церковным собором, христиан после 325 года и всех «еретиков». И действительно, мнение масс никогда никого не убеждало...

В отличие от Тристана Анниньеля Робер Амбелен не сомневается в существовании Иисуса, которому он посвятил весомый труд объемом в триста девяносто восемь страниц: «Иисус или смертельный секрет тамплиеров». Прежде чем приступить к самой книге, отметим, что Амбелен принадлежит к нехристианскому философскому ордену; правда, сам автор не любит об этом распространяться, и мы тоже не станем излагать детали. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что аргумент *ad hominem*, который часто влияет на оценку книги, может помешать адекватному восприятию труда. Тем не менее не лишним будет упомянуть, что автор довольно строго

относится к Иисусу, Евангелиям и христианству. Впрочем, противники *a priori* взглядов, излагаемых на страницах этой книги, рискуют пополнить когорту интегривстов, о которых так точно написал Тристан Аннаньель. Тот, кто соглашается прочесть книгу, должен уметь признавать убедительные аргументы.

Мы не станем писать обстоятельное резюме на огромную книгу Робера Амбелена; мы только упомянем о названиях глав и остановимся лишь на некоторых подробностях, среди тех, что в изобилии приводит автор. Конечно, нас будут интересовать вещи, которые могут иметь отношение к Ренн-ле-Шато. И естественно, непосредственное знакомство с книгой Робера Амбелена «Иисус или смертельный секрет тамплиеров» даст заинтересованному читателю прямой доступ ко множеству других аргументов, изложенных на удивление логично.

В предисловии Робер Амбелен анализирует проблему вероотступничества тамплиеров. Он останавливается на времени предшествующем уничтожению ордена. Амори де Рош, друг Людовика IX и командор тамплиеров, заставил новичка Жоффруа де Шарнэ отречься от Христа: «Не бойся, дитя мое, он не Господь и не Бог, он всего лишь лживый пророк». Отметим — и эта деталь кочует из главы в главу, — что речь идет лишь об одном примере из двенадцати.

Первая глава посвящена исследованию источников информации.

Во второй главе Робер Амбелен обличает обман в датировке самых старых манускриптов, формирующих «базовую библиотеку христианства». Ни один из них не составлен до IV века. Апокалипсис Иоанна считается видением, явившемся апостолу, согласно официальным

источникам, в 94 году. Это видение предрекало пожар Рима, который на самом деле уже произошел. В нем объявлялось о скором возвращении Иисуса, которого так и не случилось. Специалисты по древним языкам находят в тексте, теоретически написанном на греческом, вставки из древнееврейского и арамейского наречий. Автор считает, что настоящим автором Апокалипсиса был не кто иной, как Иоанн Креститель: если текст датируется временем, когда Иоанн пребывал в пустыне, то «возвращение» Иисуса действительно было не за горами.

В третьей главе Робер Амбелен исследует историю с благой вестью, принесенной ангелом Марии. Ангел извещает Марию, что она понесет Сына Божьего; она же отвечает: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» Ангел объясняет. Мария рождает Иисуса. Но более пристальное чтение синоптических текстов показывает, что ни Мария, ни Иосиф никогда не верили в божественное происхождение Иисуса. Евангелия неоднократно называют Иисуса «Сыном Давидовым». А ведь он мог им быть только в том случае, если был зачат Иосифом. Матфей и Марк приводят родословное древо Иосифа: зачем же это было нужно, если бы авторы этих оригинальных текстов не считали Иисуса сыном Иосифа. В противном случае приводить эти генеалогии было бы абсолютно бессмысленно.

Марк и Матфей приводят разные родословные древа Иисуса. Матфей начинает с Авраама и заканчивает Иосифом, «мужем Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос». Предполагаемый разрыв между человеческим и божественным должен располагаться в момент непорочного зачатия Христа. Лука восходит в описании родословной от Иисуса, сына «как считали»

Иосифа, до Адама; разрыв, таким образом, имеет место между Адамом и Богом. Нужно ли говорить, что генеалогии абсолютно не схожи? Давид, Иосиф...

Монахи-переписчики наверняка пытались добиться большей гармоничности для текста. Вот почему история Иисуса напоминает историю Митры; и вот почему два разных родословных древа были приписаны Иисусу. Некоторые экзегеты придумали обманчивый аргумент: якобы одна из вышеуказанных генеалогий относилась к Марии. Однако факт есть факт: в текстах указано имя Иосифа. И зачем уделять столько внимания Иосифу, если он не был отцом Иисуса?

Глава четвертая посвящена поискам истинной даты рождения Иисуса. В ней Амбелен показывает все связанные с данным вопросом противоречия. Есть вероятность, что Иисус мог увидеть свет за двенадцать лет до общеизвестного первого года н. э. Впоследствии станет ясно, почему это утверждение так важно.

В главе пятой автор изучает проблему непорочного зачатия Марии. Современные теологи уверяют, что речь идет об отрицании первородного греха, а не о чудесном зачатии.

Автор пытается найти в текстах подтверждение тому, что у Иисуса были братья и сестры, и, как следствие, что Мария не осталась девственницей после рождения Иисуса. Матфей косвенно признает эту версию: «Иосиф не знал Марию до того, как она родила Иисуса». Поэтому современные утверждения, что Мария «так и осталась девственницей», по мнению Амбелена, являются необоснованными.

В шестой главе Робер Амбелен идентифицирует одного из братьев Иисуса как его двойника. Якобы тот, кого

Мария Магдалина сперва не узнала, сыграл роль воскресшего Иисуса. Автор замечает, что воскресший Иисус старался выбирать для встреч места темные и пустынные; казалось, он опасался ареста; в апокрифическом «Евангелии от Фомы», утверждает, что не Иисус появился перед последователями после казни, а его близнец. Он ел и пил словно был человеком из плоти и крови. То же «Евангелие от Фомы» восхваляет Марию как «пречистую Деву, родившую двух близнецов».

В главе седьмой автор заявляет, что Симон-Петр и Андрей, братья Иисуса, были сыновьями Иуды из Гамалы. Следовательно, Иисус был сыном Иуды из Гамалы.

В восьмой главе Робер Амбелен обращает внимание на место и значение того орлиного гнезда, каким являлась Гамала, центр иудейского сопротивления римлянам. Каждый раз, когда Иисус вспоминал о Горе, не приводя больше никаких деталей, речь, без сомнения, шла о Гамале.

В главе девять автор заявляет, что во времена Христа Назарет еще не существовал. Современный городок Назарет, по мысли Амбелена, основали в VIII веке н. э. специально для паломников.

В десятой главе автор исследует двусмысленные сведения об Иосифе.

В главе одиннадцать внимание уделяется неизвестным годам жизни Иисуса. Был ли он посвященным в рамках египетской традиции? Автор считает, что есть основания причислять Иисуса к «вождям повстанцев». В доказательство Амбелен приводит, например, случай из Писания: один слепец слышал, как мимо него прошло множество народу. Он спросил, кто это, и ему ответили, что мимо него только что прошел Иисус из Назарета (Лк. 18, 35–37).

Выходит, за Иисусом двигался крупный отряд. Автор специально делает на это упор: большой отряд, а вовсе не двенадцать учеников, сопровождающих своего духовного лидера.

В главе двенадцать Амбелен рассматривает эпизод, когда Иисус беседует с учителями в храме. Автор видит в этой сцене обыкновенный сеанс преподавания основ иудейской веры. Иисус попросту проходил экзамен гражданского и религиозного совершеннолетия. Собственно говоря, этим-то и объясняется, почему Мария и Иосиф уехали из Иерусалима, не дождавшись сына, который в тот момент официально вступал в права совершеннолетнего.

Отношения между Иоанном Крестителем и Иисусом стали предметом тринадцатой главы. Робер Амбелен старается найти доказательства тому, что крещение Иисуса вовсе не было из ряда вон выходящим событием.

В главе четырнадцать автор видит в многочисленных чудесах, совершенных Иисусом, проявление магии — в то время как магия была запрещена в Израиле, но активно применялась в Египте. В V веке «Детское евангелие» подчеркивает магические способности Иисуса. Когда он играл в песок и воду, дети, разрушившие его земляные постройки, внезапно умерли; но он воскресил одного из них. В канонических Евангелиях видно, как Иисус использовал различные приемы, чтобы совершить чудо.

«Царь иудейский» — глава пятнадцатая — начинается со слов, приписанных Иисусу Иоанном (Ин. 18, 36): «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда». Аргументация Амбелена построена на слове

«ныне»: то есть до своего ареста Иисус якобы верил, что станет царем иудейским.

В «Мессиянской десятина» — главе шестнадцатой — автор подчеркивает тот факт, что за Иисусом якобы в первую очередь следовали бедняки и маргиналы общества, особенно блудницы. Он приписывает Симону-Петру кражу, за счет которой он собирался заплатить налоги.

Вспоминая бегство в Египет в главе семнадцать, Робер Амбелен говорит о сходстве между словами Иисуса и ритуалом митраизма.

В главе восемнадцать автор разбирает «Загадки последнего дня». Он показывает, что составители канонических Евангелий полностью игнорировали некоторые иудейские ритуалы.

В обвинительном акте Иисуса, который Амбелен тщательно разбирает в главе девятнадцать, ему инкриминируется попытка провозгласить себя царем, взимать налоги и десятину в качестве царя, совершение разбоя и применение колдовских ритуалов. Автор приходит к выводу, что Иисус был казнен как вождь zelотов.

В «Проклятии Иерусалима» — главе двадцатой — Амбелен заявляет, что на кресте Иисус проклял Иерусалим. Он приводит несколько фраз, которые Иисус якобы произнес перед смертью. Автор разыскал эти слова в «Ключах Соломона»: «Заклинаю и проклинаю! Именем Ламы, Астаньи и Тани». Первые два духа повелевают мертвыми, третий властвует над часами дня и ночи.

Изучая обстоятельства казни Иисуса Робер Амбелен проводит четкую параллель между преступлениями, в которых его обвиняли, и видом казни. Распятие было нередким видом казни в то время. Если, как это утверждают канонические Евангелия, Иисус и был распят головой

кверху, то потому, что его считали преступником, приговоренным в рамках общего права. Если бы его распяли головой вниз, то это означало бы, что он казнен как мятежник. В этом случае лично нам кажется, что Амбелен противоречит сам себе: разве Иисус, как утверждает автор, не был вождем восстания? Его должны были бы распять головой вниз.

Воскресение — для Робера Амбелена лжевоскресение — стало темой двадцать второй главы. Сначала автор показывает, что согласно Талмуду душа еще три дня после смерти остается возле тела, стремясь в него вернуться: затем она удаляется прочь, так как тело умершего начинает разлагаться. Это подтверждает воскресение Лазаря; он был объявлен мертвым, поскольку не дышал в течение четырех дней. Что же касается воскресения Иисуса, то три дня и три ночи, прошедших со дня воскресения до дня вознесения, по мнению автора, были выдуманы писцами, чтобы придать больше достоверности чуду. Основное внимание в статье уделяется изменению внешности — прежде всего лица — Иисуса. Его близкие и ученики сначала даже не узнали учителя. Он старался держаться в тени. По мнению Амбелена, то был живой человек, который сознательно выдавал себя за распятого Иисуса. Автор выдвигает аргументы в пользу теории о брате-близнеце, стараясь одновременно разрушить концепцию о едином сыне Божиим и воскресении. В главе также содержатся размышления о мифе об Ионе во чреве кита и различных средствах, позволяющих живому человеку притвориться мертвым, в данном случае наркотических веществах. По правде сказать, нам кажется, что последний пункт несколько не вяжется с логикой повествования самого Амбелена.

Робер Амбелен отмечает, что христиане, пришедшие в 362 году поклониться телу Иисуса, рассчитывали увидеть его тело; верование о телесном вознесении еще тогда не сформировалось. Верующие думали, что дух и душа Иисуса воспарили в Плерому, что не исключало возможности поклониться его плотским останкам. Автор полагает, что догмат о телесном вознесении на небеса был выработан после разорения гробницы по приказу императора Юлиана Отступника и осквернения останков Иисуса. Если автор прав, то получается, что канонические тексты подверглись серьезной доработке после Никейского собора в 325 году. Факт несомненный: во II веке христиане праздновали Пасху и Троицу, а Вознесение — нет. Автор сожалеет о том, что Юлиан Отступник якобы приказал уничтожить останки Иисуса; в противном случае Церковь не осмелилась бы зайти так далеко в создании мифа.

В двадцать пятой главе автор отступает от строгого исследования своей темы. Он рассуждает об Искуплении и напоминает, что в свое время о нем говорил Виктор Гюго: «Искупление — это когда Бог справедливый заставляет страдать Бога невинного, чтобы успокоить Бога доброго». Так учитель, устав от шумных и непослушных учеников, наказывает единственно вежливого и внимательного слушателя, чтобы получить возможность отменить наказание смутьянам, весело хохочущим при виде этой сцены. Но, скажет верующий читатель, если Бог в своей бесконечной любви, стал бы человеком, то именно ему почтенный учитель устроил показательную порку перед глазами бунтарей, задыхающихся от смеха. Уже постановка проблемы свидетельствует о ее неправдоподобности.

Двадцать шестую главу Амбелен посвящает «Казни Иуды», а двадцать седьмую — «Иисусу и женщинам». Он заканчивает свою книгу двадцать восьмой главой, где снова возвращается к сожжению великого магистра ордена тамплиеров Жака де Моле — что оправдывает ее название «Иисус или смертельный секрет тамплиеров».

Почему мы так подробно анализировали сочинение Роберта Амбелена? Потому, что оно представляет собой своеобразный сборник всех аргументов, имеющих целью свести историю Христа в ранг простого события, которое впоследствии стало предметом колоссальной религиозной мистификации. Впрочем, возможно, что Роберт Амбелен нашел и несколько новых аргументов.

Очевидно, любой человек волен по-своему оценивать проблему зарождения христианства. Христианская церковь поставила своих верующих в непростые условия: от них требовали верить во все, что было написано в Священном Писании, в буквальном смысле, под страхом отлучения. Что не могло не вызвать определенные сложности, учитывая противоречия, прекрасным примером которых служат две ранее указанные генеалогии Иисуса. Некоторые рационалисты, отдельные священники утверждают, что буквальное чтение Евангелий граничит с наивностью...

Никейское христианство даже не потрудились бы ответить Виктору Гюго. Гностики, стоявшие на позициях дуализма, ответили бы, напомнив о необходимой уступке Добру Злу, чтобы остановить его наступление. Но разве наступление Зла было остановлено за все двадцать столетий?

Даже если не обращать внимания на наивные и неправдоподобные вещи, встречающиеся в Евангелиях,

последовательную переработку текстов, нам все равно приходится учитывать два уточнения.

Первое: история Христа, в строгом историческом ее понимании, является неправдоподобной. Эпопея сына Давида начиналась в добрый час: его сторонники справедливо надеялись на «земную» победу Иисуса над римскими захватчиками. Но эта авантюра закончилась провалом. У приверженцев вождя повстанцев и пророка оставался единственный выход для того, чтобы превратить их поражение в победу: перевести исключительно «земное» событие в сферу более высоких материй. Что и было сделано.

Второе: в самых отдаленных уголках человеческого подсознания существует «архетип», совпадающий с понятием искупительной жертвы и божественной инкарнации. Если бы все было иначе, последующие поколения никогда не поверили бы в исторически сомнительное повествование, ни в другие подобные истории, в том числе и Митры. Иначе никогда авторы — и их лживые последователи — не ввязались бы в столь опасную авантюру. На этом уровне и следует вести настоящий спор, и для истинного спиритуалиста никакие толкования не должны затмевать «архетипичную правду».

Итак, вернемся к Ренн-ле-Шато.

В те годы, когда Соньер и его будущий исповедник постигали Истину в семинарии, завеса тайны скрывала от учащихся Константина, Митру, любые свидетельства, грозившие поставить под угрозу догмат о божественности Христа.

Кто сумел различить архетип за целые столетия надуманной историчности? Всем было навязана буквальная вера в христианские догматы: Рим цепко держал в своих руках ключи к спасению.

Но Соньер умел смотреть вглубь: даже будучи человеком, отягощенным не одним грехом, он придерживался единственной религии, которая могла поспорить с разумом: той, что опирается на глубокое чувство.

А кюре Ривьер, последний исповедник Соньера? Нет догматов — нет и истины. Нет Церкви — нет и спасения души. Как мог отреагировать Ривьер, столкнувшись у постели умирающего Соньера с иным толкованием христианских истин? Он впал в состоянии прострации. Бросил Соньера одного у врат ада. Отпустил умершему его грехи, возможно, после нелегкой борьбы в душе.

Да, пусть Ривьер не служил Христу «космическому», далекому от любой исторической действительности! Такой Христос мало напоминает Иисуса. Но зато больше — осмелимся сказать — непотопляемый архетип.

Но никто не говорил этого кюре Ривьеру.

Глава V

В НАШИ ДНИ

В наши дни безобидные туристы превращаются в потенциальных открывателей тайн. Во многом этому способствует телевидение, которое посвятило серию передач исследуемому нами предмету. Прибавьте к числу этих «первооткрывателей» еще и тех, кто постоянно занимается поиском всяких тайн и секретов. Некоторые из них разъезжают по Германии, Великобритании, Австрии, Парижу на официально зарегистрированных машинах. Другие, наоборот, стараются остаться незамеченными. Вот, например, молодой человек, приехавший из отдаленной провинции, чьи герцоги в свое время враждовали с французскими королями: в массиве Бюгараш он намеревался найти Ковчег... Или вот сорокалетний мужчина, блестяще образованный, сходит с поезда в Монпелье и мчится к подножию горы Карду; этот парижанин пожал бы плечами, если бы его попытались убедить в том, что в краях, куда он приехал, можно найти Ковчег: да ведь любому известно, что он ждет монарха грядущего в Синае! Нет, этот господин абсолютно серьезен, у него нет времени на бессмысленную болтовню: за сорок восемь часов ему нужно отыскать Семисвечник и тотчас же

отвести его Саддаму Хусейну, чтобы остановить войну в Персидском заливе. Другой человек карабкается в горы с пистолетом-пулеметом. Со священными горами шутки плохи.

Ныне ассоциация «Земля Ред» свято хранит лучшее, что есть в ее родном краю, то есть воспоминания об аббате Соньере. Дом пресвитера стал музеем, а в церкви устраиваются концерты священной музыки.

Среди многочисленных посетителей региона не все попадают прямо в Ренн-ле-Шато. Они выходят в Куиза и отправляются вверх по горной дороге, ведущей прямо в Корбье. Еще до перевала Рая, не вынеся душевных терзаний, которые охватывают их перед столь прославленным местом, некоторые путники сворачивают направо и идут к Сальсу, в направлении к Ренн-ле-Бен. Отдельные посетители, из числа тех, у кого слишком чувствительная натура, уверяют, будто испытывают странные ощущения: дежа вю, отстраненность от времени, легкое оцепенение, вроде того, что бывает во время сеансов медитации. Путешественники видят необычные картины. Это странный феномен, но из года в год с кем-то из приезжих случается такое. Обычная топография принимает иные размеры. Что же это? Осмос меж двух вселенных, как считают сторонники квантовой механики? Края, где часто происходят чудеса, явления?

Стоит ли продолжать рассказывать о подобных странностях? Легче ли будет раскрыть детективную тайну Соньера, если мы уделим более пристальное внимание краю, где разворачивались волнующие нас события? Читатель волен перевернуть несколько страниц и перенестись в мир идей вестготов, тамплиеров, аббата-миллионера и каббалистических знаков. Но он также может

продолжить чтение и ощутить атмосферу этого необычного места.

Горный массив Багараш возвышается на 1230 метров над Корбьером. Вот этимология слова Багараш: бург, то есть укрепленный замок, несомненно, указывает на неприступность здешних мест; Гарах — арабское слово «река, ручей». В массиве как раз берут начало две речки, Бланк, текущая в направлении Сальса, затем Ода, и Агли, в нижнем течении орошающая земли Руссильона. Если смотреть в глубь веков, можно отыскать модификации названия горы: Бюгарайш (1594 год), Бригарагио (1377 год), Вилла Виргарагио (880 год). Этимология современного термина приобретает несколько иной вид! Сохранился только корень «Бургар». Можно ли в данном случае говорить о том, что он происходит от слова «булгары»? В начале XI века богомилы были изгнаны из Болгарии; катары переняли их учение. Есть версия, что на горе Багараш как раз и осели болгарские богомилы; соблазнительная гипотеза, но около 880 года болгары в этом районе никак не могли очутиться.

На Багараше ничего не строили. Эта гора, горделиво вздымающаяся посреди холмов, ни разу за всю историю Франции не была увенчана замком или другой важной постройкой. Вряд ли она имела особое стратегическое значение. Правда, оттуда открывается изумительный вид: добрая часть Разе, восточные пики Пиренеев, море — при условии, что воздух чист и прозрачен. Ну и на западе, практически на той же высоте вздымается величественный Монсегюр.

Об этой горе из века в век передавались легенды и мифы, которые сейчас практически невозможно проверить. Утверждают, что в эпоху Марии Магдалины там в

гроте жил человек. Якобы в этом гроте можно найти следы поклонения древним божествам, и он ждет своего исследователя. Или под сенью горы сокрыт кельтский некрополь, где хоронили на протяжении нескольких веков до нашей эры. И конечно, об этом гроте — или некрополе — прознали духовные вожди катаров: они спрятали там свои сокровища. Проверить слухи пока невозможно, но они придают месту особую атмосферу.

Современные события накаляют страсти. Говорят, что Багараш — излюбленное место НЛО. По меньшей мере, в протоколах жандармерии зафиксировано присутствие странного явления, которое засвидетельствовали двенадцать человек, совершенно не увлекавшихся уфологией. Там упоминается и о других непонятных случаях: один пенсионер, бывший в прошлом инженером, также видел НЛО. Он записал на магнитофон подземные шумы, напоминающие механический гул. По словам этого господина, в этом месте действуют *elohim*, о которых говорится в книге Иезекиля: он считает, что речь идет о благосклонных к человечеству инопланетянах. Другие инопланетяне, настроенные куда менее благодушно, тоже вроде бы появлялись на горе Бюгараш...

В окрестностях горы есть и другие «дома с привидениями»: например ферма трех капитанов. Кстати, мы сами стали свидетелем необычного происшествия, случившегося с одной женщиной, далекой от всякой эзотерики. Она ехала в гости к своей подруге, чья ферма находилась близ дороги, ведущей из Ренн-ле-Бен-Багараш в Ренн-ле-Шато, виа Лавалдье. Героиня этого приключения бывала в этих краях только ночью и потому плохо знала местность. Внезапно ее машина влетела в грязь и застряла. Автомобилистка вышла и увидела ферму своей

подруги; но в ста метрах, справа от дороги, высилась еще одна. Шум работающего мотора долетел до второй фермы, оттуда выскочили три собаки и преградили путнице путь. Та, будучи человеком гордым, но не смелым, не упорствовала и вернулась обратно. Оттуда она позвонила подруге, которая сообщила, что поблизости от ее фермы нет ни одного чужого строения. Думая, что речь идет о шутке, хозяйка дома отрядила навстречу гостье своего мужа, и они вдвоем исколесили все окрестные дороги. Но таинственная ферма растаяла словно дым. Заинтригованные супруги обратились к своему парижскому другу, неврологу (но не психиатру), чтобы тот помог их подруге. Этот специалист устроил своей неожиданной пациентке настоящий допрос, походивший на неврологический экзамен. После беседы он исключил возможность галлюцинаций — они никогда не бывают одновременно визуальными, слуховыми и осязательными, как в описываемом случае. Что же это было? Неизвестно. И такие происшествия нередки в окрестностях горы.

Зачем мы рассказываем об этих легендах и необычных событиях? Можно ли их связать с изучаемым нами вопросом? Напрямую — нет. Но нельзя ли предположить, что подобная атмосфера могла повлиять на психическое состояние вестготов, тамплиеров и священников, живших здесь в предыдущем столетии?

В окрестностях Лавалдье и на плато, отделяющем его от Ренна, обретаются группы людей, ведущие относительно бродячий образ жизни: они ждут Апокалипсиса и верят, что он не коснется той священной земли, на которой они живут. Вскоре может появиться поколение, воспринимающее Апокалипсис в его истинном значении: как Откровение. Почему именно так? Потому, что старый

миф о потерянном короле вновь стал популярным благодаря стараниям лиц, в той или иной степени сфабриковавших историю Ренна. Возможно, еще и потому, что эта земля навевает странное, непривычное наваждение. Мадам Александра Манзи-Фе, человек очень образованный, основала в Лавадье эзотерический центр, куда вошло несколько избранных, ожидающих начала Апокалипсиса. Основательница центра и ее адепты столкнулись с целым рядом непредвиденных сложностей. В конце концов мадам Манзи-Фе сдалась; как-то ночью она видела кошмарный сон: как на нее напал орел и поранил ее когтями и клювом. Спустя несколько часов случайный мотоциклист сбил ее на улицах Каркассона. Как и герой песни Эдит Пиаф, он был одет в куртку с орлом на спине.

Известная писательница из Великобритании, чьи книги неоднократно переводились на французский язык, Элизабет ван Бюрен, жила в прекрасном поместье, что на полпути между Ренн-ле-Шато и Лавадье. Ее очень заинтересовала легенда об исчезнувшем короле. Будучи философом и историком, мадам Бюрен приступила — вроде бы (будем придерживаться условного наклонения) — к серьезным раскопкам. Она только что открыла великолепное место приема: Сакре-Кер.

Туристы, приезжающие в Ренн, могут посетить старое поместье аббата. Прежний его владелец, Анри Бютьон, приветливый, но тем не менее загадочный ученый, недавно продал поместье обществу, которое подготовило его к посещениям туристов. Дом пресвитера, превращенный в музей, и церковь тоже открыты для интересующихся. Замок, принадлежавший Бланшфорам, сохранился до сих пор. В нем живут, но его северный фасад вот-вот рухнет. Очень жаль!

Культурный досуг в этих краях ограничивается тремя «храмами»: музеем, где заседает ассоциация «Земля Ред», книжным магазином и бутиком «Дом искусства». Прежний президент ассоциации «Земля Ред» Клэр Корбю и ее муж Антуан Каптье вместе издали книгу «Наследство аббата Соньера», где можно найти множество документов, ранее принадлежавших аббату. Книжный продавец Соня Моро прекрасно разбирается во всех тонкостях вопроса, а также исторических, философских и эзотерических книгах, которые она может предложить посетителям... и всегда рада поддержать разговор с теми, кто интересуется историей Соньера и его края. Ален Фераль служит изящным искусствам в своем магазине. Надо признать, что Ален Фераль великолепно осведомлен обо всем, что связано с нашим «делом».

Пройдя весь этот путь, искатель столкнется с самыми разнообразными и противоречивыми версиями. Ему останется решать: либо он забывает об услышанном, оттесняя полученные сведения об аббате, его сокровище и многочисленных гипотезах, в глубины своего подсознания. Либо начинает поиск.

Гипотезы варьируются от самых безобидных до самых шокирующих. Встречаются гипотезы скучные. Встречаются такие, что заставляют бешено забиться сердце. Получив свежие данные, читатель, возможно, захочет вновь их изучить.

Мы позволим себе привести здесь в качестве своеобразного пролога две фразы: «Всепоглощающая страсть золота» (Вергилий. Энеида); «Повернувшись спиной к фантастичному, историк рискует сам наделать фантастических ошибок» (Бержье и Повель. Утро магов).

Начнем с самых простых гипотез.

Месье аббат де Мон и мадам де Сен-Жели уверяют нас, что на самом деле в Ренн-ле-Шато не случилось ничего необычного. Первый оперирует цифрами, вторая взывает к здравому смыслу. Итак, согласно их гипотезе, Беранже Соньер не нашел, да и не искал сокровище; он просто принимал дары, взамен которых возносил к небу истовые молитвы.

Учитывая, что недавно умерший месье Декадейя высказывал пожелание сразу после смерти встретиться с аббатом Соньером, его душа наверняка отправилась в чистилище; аббат явно наживался на оплате месс, за счет чего и составил свое состояние. История умалчивает о том, понимал ли месье Декадейя, что в этом случае аббату пришлось бы отслужить — или, по меньшей мере, принять заказ — около миллиона месс, которые стоили 0,80 франка каждая. И это еще при самых скромных подсчетах. К тому же церковное начальство аббата сняло с него обвинение в этих злоупотреблениях. Джимми Гье, выдвинувшего другое объяснение тайны Соньера (о котором мы расскажем ниже), эта теория насмешила до слез.

Не выходя за пределы разумных гипотез, но тем не менее признавая, что Соньер наверняка угодил в чистилище за свои проделки, некоторые авторы дополняют тезис о торговле мессами: источником благосостояния Соньера были либо симония, либо денежный клад, который был зарыт во времена Великой Французской революции. Есть еще варианты: например, мы слышали, как внучатый племянник аббата утверждал, что его родич обогатился на продаже порнографических картинок; якобы он видел эти картинки собственными глазами. Но должны же были остаться какие-то следы, доказательства подобной торговли?

Перейдем от денег к теме сокровища; в этой области практически безраздельно царит один писатель — Жерар де Сед. В 1967 году он положил начало истории расследования «дела о Ренн-ле-Шато», осветив противоречивые и притягательные подробности. Впрочем, его версия довольно спорна. Однако именно он добыл в 1967 году редкие документы, извлек из них максимум возможного, испробовал множество разных версий, проложив путь толпе авторов и исследователей, которые валом хлынули за ним следом. Отметим, что в 1988 году Жерар де Сед опубликовал книгу «Ренн-ле-Шато: досье, воображаемое, ложь и гипотезы», в котором отмежевался от своих предыдущих взглядов. Было бы небезынтересно узнать, на чем он основывает свою новую точку зрения.

Теории, связанные с сокровищем начинаются с самого простого: сразу вспоминают о сокровище замка Бланшфор. Каждый автор приводит в подтверждение этой версии эпитафию маркизы Мари де Негри д'Абле. Которая, кстати, умерла в нищете. Впрочем, ее печальный конец вовсе не исключает, что у маркизы все-таки был какой-то клад. Но вот почему она доверила случаю вопрос передачи ее сокровища? Чтобы ответить, надо знать все о маркизе и аббате Бигу, а это нелегко, когда живешь спустя два столетия!

«Пастухи Аркадии», которых Пуссен рисовал неподалеку от Ренн-ле-Шато, стали знаменем в руках сторонников теории королевской сокровищницы. Какой сокровищницы? От кого узнали об этой сокровищнице? Никола Пуссен явно писал фон своей картины с окрестностей современной фермы Женду. Или просто скопировал работу одного из своих братьев — в принципе, суть от этого не меняется. Мы уже упоминали, что сюриндентант

Николя Фуке направил своего брата аббата к Пуссену. Известно, что Людовик XIV распорядился держать Фуке после ареста в одиночной камере, возможно, как раз потому, что тот знал слишком много государственных тайн; также известно, что после заключения Фуке в тюрьму король внезапно окружил себя небывалой роскошью.

Естественно, сторонники теории сокровищницы, на которую Пуссен якобы указывает на своей картине, не преминули решить головоломку на свой собственный лад: они считают, что Фуке, узнав от Пуссена про сокровищницу, сумел ее найти. А король в свою очередь устранил Фуке, и сокровища перешли в его руки. Так что же это за таинственная сокровищница? Есть несколько возможных ответов. Больше всего сторонников у гипотезы, связывающей этот клад с именем Бланки Кастильской, королевы-матери и регентши в правление Людовика IX Святого. В 1251 году восставшие крестьяне — так называемые пастушки — разграбили королевство. Правда, у королевы были затруднения помимо подавления крестьянского восстания. Она опасалась, как бы бунт не начался в самой столице — Париже. Именно поэтому — гласит легенда — она велела спрятать королевскую казну в том месте, где ее никто не сможет достать: в Ренн-ле-Шато. Оттуда и таинственные слухи о сокровищах. Оттуда и картина Пуссена. Встает неизбежный вопрос: а почему Бланка Кастильская не предупредила о спрятанной казне своего сына Людовика IX? Есть и ответ: в то время Людовик стяжал славу святого в крестовом походе в Сирии в 1248–1254 годах. Королева Бланка умерла в 1252 году. Могла ли мать известить сына о потаенном сокровище через надежного посланника? Случалось, когда посланцы дурно выполняли свои обязанности: а вдруг король

получил неверные сведения? Предположим, что король все узнал в точности. Но вспомним: радея о своем ореоле святого, король отправился в Тунис сражаться с неверными и там внезапно умер от какой-то неизвестной болезни. Успел ли он передать своим наследникам тайну о сокровище? Может, из века в век клад стерегли надежные люди, строго храня королевскую тайну? Мог ли Пуссен быть одним из этих доверенных лиц и зашифровать истину о сокровище на своей картине? Прознал ли Фуке об этой тайне и присвоил ли себе клад, обманув Короля-Солнце? Даже если это выдумка, то выдумка неплохая. Но если Фуке все же похитил сокровищницу, то неужели он был так любезен, чтобы оставить львиную долю клада для Соньера? Кто сможет ответить утвердительно?

Но версии о происхождении королевской сокровищницы на этом не иссякают. Пуссен, Фуке и Людовик XIV по-прежнему играют в них значимую роль. Как и Соньер.

А что катары? В замке Монсегюр, осажденном с мая 1243 до марта 1244 года, вполне могли храниться материальные богатства — а также, не исключено, и сокровища духовного характера. А может, и то и другое одновременно. Катары вошли на костер 16 марта 1244 году. Хроники того времени рассказывают, как было спасено имущество катарской церкви. Примерно на Рождество 1243 году диаконы Петр Бонне и Матфей тайком ушли из крепости, проскользнув мимо королевской стражи по потаенным тропинкам. Спрятали ли они эти материальные ценности (хоть катарская церковь и не признавала стяжательство в земном мире)? И где зарыты эти сокровища? Как правило, называют пещеры графства Фуа, особенно в Ломбриве, чьи расселины и подземелья словно созданы для этой цели. Но никто пока не смог найти

подтверждение этой гипотезе. К тому же есть и другие места, с владельцами которых катаров связывала тесная дружба — например, с сеньорами Ода. Это мог быть замок Юссон или горный массив Багараш...

В религиозном плане было гораздо важнее спасти другое. Представим себя на месте катаров. Кем они были? Христиане с гностическим уклоном. Христос в их глазах был высшим посланником Господа; в философском плане катары следовали за Заратустрой и Митрой. В духовном же плане катары шли в направлении, указанном школами мистерий: «Познай себя, и ты узнаешь тайны природы и богов». Этот поиск сводился к наивысшему очищению, имеющему целью разорвать покров, скрывающий в человеческом эго духовное «Я». Легко сказать!

14–15 марта 1244 года, за один или два дня до того, как запылал костер в Монсегюре, трое или четверо катаров избежали чести умереть вместе со своими братьями и «второй раз предстать перед Господом». Патриарх Монсегюра Бертран де Марти поручил им унести из крепости и спрятать самое ценное, что имелось в стенах Монсегюра. Что именно? Материальный предмет? Это не очень похоже на людей, оказавшихся в подобных обстоятельствах. Двести пять мужчин и женщин взойшли на костер; нам известно, что за несколько дней до «великого перехода» они отдали свое скромные пожитки тем, кого не должны были сжечь: несколько мелких монеток, соль, простую одежду. Патриарх Бертран и сеньор Рамон де Перела дали королевским военачальникам слово, что никто не попытается сбежать из цитадели. Духовный вождь катаров знал, что в случае нарушения условий перемирия осаждавшие крепость перебьют всех, кто в ней находится. Он также нарушал важный обет, который

давали катары, принимавшие «утешение», — никогда не лгать. Быть может, спасение какой-то ценности для катаров означало больше, чем соблюдение клятвы? Сокровище никак не должно было попасть в руки палачей. Так о чем именно шла речь?

Катары никогда не расставались с одной книгой — Евангелием от Иоанна, которому, как считалось, было свойственно самое пронизательное восприятие учения Христа. Впрочем, катары были далеки от фетишизма: для них важно было лишь содержание книги. Католики тоже прекрасно знали Евангелие от Иоанна. Они разбирались в ином, отличном от официальной доктрины прочтении катарами основных моментов вероучения. Например, фразу «*Sine ipso factum est nihil*» католики переводили как «Без Слова ничего не было бы», а катары — как «Без Слова воцарилось бы ничто». «*Filius Dei unigenitus*» для катаров означало «Единородный Сын Божий», а для католиков — «Единственный Сын Божий». Без сомнения, у катаров были и другие священные книги, например «Тайная вечеря», приписываемая Св. Иоанну, возможно апокрифическое евангелие Фомы. Враги катаров тоже были знакомы с «Тайной вечерей». Что касается апокрифа Фомы, то особенное значение для катаров имел его призыв к Поиску: «Иисус сказал: пусть ищущий не прекращает своих поисков, пока не обретет. И когда обретет, то преобразится. И преобразившись, будет в восторге. И воцарится над всеми». Но католики не остались в неведении касательно целей катарского поиска. Вероятно, нужно искать дальше.

Согласно традиции (которой сложно найти подтверждение) у катаров была книга «Трактат о Звезде», гораздо менее известный, чем те сочинения, о которых мы

только что говорили. Возможно, речь шла об инициационном трактате, где указывались способы, которые катары использовали, чтобы преодолеть тесные границы сознания.

Читатель, наверное, понимает, что, обратившись к катарам, мы вышли за рамки обычных теорий о сокровищах. Но мы еще не все о них сказали: вспомним про легенду о Граале. Точнее, про предполагаемую легенду о Граале. Конечно, в этой области нельзя ничего утверждать определенно; но тем не менее, «повернувшись спиной к фантастическому, автор иногда рискует совершить фантастическую ошибку». Идем дальше.

В древних кельтских, персидских, парохристианских и прочих легендах часто встречается сакральный и магический предмет, по слухам обладающий невероятным могуществом. Он исцеляет любого, кто достоин владеть им, дарует способность предвидения и бессмертия. Если верить восточной традиции, то речь идет скорее о духовной царской власти, нежели о просто чудодейственных человеческих качествах. Каждое великое учение принимало эту традицию на свой счет; нас будут интересовать две версии — чистая парохристианская традиция, а также парохристианская традиция, испытавшая влияние восточных идей, возможно маздеизма.

Апокрифическое евангелие Никодима показывает нам Христа во время Тайной вечери с кубком в руках претворяющим вино в кровь. После распятия Иосиф Аримафейский собрал немного драгоценной крови в чашу, которая стала священной. На протяжении христианской истории то и дело встречались чаши, которые выдавали за знаменитый Грааль — в Венеции и Брюгге. Ходили слухи, что Монферратское приорство было храмом

Грааля. Ватикан никогда официально не признавал существования Грааля, но не мешал верующим поклоняться ему.

Персидская традиция — по большей части она являлась эзотерической — делает упор на камне, упавшем со лба демиурга во время низвержения. Этот камень был наделен силой и способностями, которые утратил создатель земного, материального мира, отдалившись от Бога-Отца: все это означает способность познать себя в осмосе с Господом, одновременно утверждая свою индивидуальность.

В XII–XIII веках свет увидало немало сочинений о рыцарстве. В них также присутствует тема Грааля; юный мальчик, сирота, выросший без отца, отправляется на поиски Грааля. В один прекрасный день он видит его, но не может облегчить страдания короля Анфортас, задав вопрос, который открыл бы перед ним доступ к Граалю. Юноша засыпает; проснувшись, он оказывается посреди дикого леса. Отшельник Тревризен укажет ему путь, и после множества испытаний, укрепляющих душу, молодой человек достигнет Грааля. Парахристианская традиция нашла себе лучшего певца в лице поэта Кретьена де Труа; героем его поэмы стал Персеваль. Средневосточная традиция испытала влияние христианства — Ахриман стал Люцифером; эта традиция с наибольшей силой проявилась в произведениях Вольфрама фон Эшенбаха; его героя звали Парцифаль. Гораздо позже композитор Вагнер под влиянием произведений Эшенбаха написал оперы «Парцифаль» и «Лоэнгрин». Как это связано с катарями? Один немецкий ученый, посетивший Лангедок в 30-х годах XX века, Отто Ран указал на несколько показательных аналогий и игру слов, позволяющих предпо-

ложить, что Вольфрам сделал родиной своего героя Лангедок. А также при дворе Анхау — Анжу, как считали переводчики, жадные до фонетических совпадений. Но Анхау — немецкое слово, означающее «видение», трансцендентальное состояние.

Легенда превратила Монсегюр в храм Грааля. Какого Грааля? Исключительно символа духовной аскезы? Одновременно священного и магического предмета? Некоторые современные приверженцы катаров свято верили или в одно, или в другое. Или в оба варианта одновременно. Можно ли быть уверенным, что традиция Грааля в Монсегюре действительно восходит к семи векам? Доказательств этому нет. Из чего мог состоять этот Грааль? Сравнив данные гностической традиции и современной науки можно выдвинуть следующую теорию.

Все во вселенной представляет собой колебательную частоту. Кристалл кварцевых часов, приводимый в движение электрической энергией, вибрирует 32 768 раз в секунду. «Ля 3» диапазона дает 440 колебаний в секунду. Но если кто-нибудь ударит по клавишам пианино, приведя в движение струну «ля 3», то равным образом завибрируют и «ля 4» (880 колебаний в секунду), и «ля 5» (1760 колебаний в секунду). Между этими величинами существует арифметическое соотношение: в основе лежит принцип гармоничных отношений. По той же схеме работают радио и телевизор: высокие частоты, передаваемые радиоманнитными волнами, переходят в частоты более низкие, доступные нашему пониманию: мы можем услышать их или увидеть. Мозг испускает и принимает импульсы, сопоставимые с частотами, о которых теперь мы многое знаем. Можно допустить, что существует универсальная мысль, вечная и генерирующая гармоника во

времени, которые способен воспринять человеческий мозг? Задать такой вопрос — значит спросить, подчиняется ли абсолютное тем же законам природы, что и относительное.

Со времен Эйнштейна можно думать, что ответ скорее положительный. Мы созерцаем в состоянии относительности свет, который проходит 299 792 километра в секунду. Он доходит до нас от Солнца немногим более чем за восемь секунд, а из далеких галактик за миллиарды лет. Но Эйнштейн доказал, что понятия скорости и времени относительны. И для скорости света время не существует; мы созерцаем свет неподвижный в своей вечности! Как можно истолковать Грааль в свете этих новых теорий? Как трансформатор энергии, способной привести в состояние гармонии мысль человека медитирующего с абсолютной мыслью, понимаемой через принцип относительности?

Ждет ли такой Грааль своего первооткрывателя в горах Багараша?

По правде говоря, современные исследования Ренн-ле-Шато идут в несколько ином направлении. Казна катарской Церкви? Лишь очень немногие искатели видят в таком кладе цель своих поисков. Как знать...

Итак, мы уже миновали стадию кладов, наполненных драгоценностями и золотыми монетами. История тамплиеров может предоставить нам два варианта таких объектов поиска: казна — поскольку тамплиеры скопили немало богатств — и тайные книги, в которых объяснялись причины их вероотступничества. Есть и более соблазнительная гипотеза: быть может, тамплиеры нашли сокровища Иерусалимского храма, которые, как считают некоторые, были вывезены из Рима вестготами?

Мы уже подробно рассказывали в главе об Иисусе про историю ордена тамплиеров, официальные причины его основания, рост могущества, материальное обогащение, постепенное вероотступничество его сановников, преследование тамплиеров, развязанное королем Филиппом Красивым. Как мы уже говорили, у тамплиеров Ренн-ле-Шато была небольшая отсрочка. Время, чтобы бежать. А может, и время, чтобы спрятать столь желанные для многих сокровища — спрятать в окрестностях Ренн-ле-Шато или даже в подземельях самого города. Возможно, это были сочинения, рассказывающие о философском и религиозном пути, который выбрал орден. Кажется, тамплиеры намеревались создать огромную рыцарскую империю, объединившую недавних врагов во имя единого Господа, обходившегося без помощи пророков. К чему привели все пламенные призывы великих пророков? Взрыву ненависти, междоусобицам, распрям и войнам. В документах тамплиеров значительное место должно было занимать развенчание «мифа об Иисусе», подкрепленное аргументами, сходными с теми, что высказал недавно, например, Робер Амбелен.

Нашел ли аббат Соньер какие-то материальные богатства, некогда принадлежавшие тамплиерам? Мы не склонны верить этому предположению: состояние аббата никогда не было стабильным, что никак не вяжется с внезапным нахождением клада, которого ему должно было бы хватить на всю оставшуюся жизнь. Нет, достоверные следы ведут к тамплиерам — к возможному обнаружению их документов. Их можно было продать? Не совсем удачное выражение: скорее речь шла об их неразглашении. С кем Соньер мог заключить такое соглашение? С Ватиканом? Приверженцы Никейского христианства

выпутывались и из более опасных ситуаций. Тогда с кем? Мы расскажем об этом, когда будем подводить итоги. Сегодня исследователи в Ренн-ле-Шато все еще внимательно ищут следы тамплиеров.

В наши дни вестготы «активно» оспаривают место тамплиеров в этом деле. Мы уже вкратце вспоминали об их появлении в Реде в V веке. Давайте более подробно рассмотрим историю этого народа.

«Варварский», то есть не принадлежавший к римлянам, народ — вестготы мечтали стать частью Римской империи, но напрасно. Сила и организация этих придунайских жителей возрастали по мере того, как слабело Римское государство. В конце концов произошло то, что должно было произойти — варвары захватили сердце империи. В 410 году они ворвались в Рим и разграбили Вечный город. В Риме они не остались; впрочем, не манили их и берега Дуная: они двинулись на запад и за несколько лет создали свое королевство на юге современной Франции и большей части современной Испании. Столицей вестготского государства стала Тулуза, город к северу от Пиренеев. Некоторые авторы считают его третьим городом той эпохи после Рима и Венеции. Было ли так на самом деле? Значимость Тулузы не подвергается никакому сомнению. Впрочем, Каркассон и Нарбонна — прежняя столица римской Септимании — тоже расцвели в эти годы. А Ред? Был ли он четвертым по величине городом в Европе, с тридцатью тысячами жителей, как то утверждал столетием раньше историк Луи Федие? Или город был основан во времена правления династии Каролингов? Временной разрыв между двумя датировками довольно велик! Позднее мы объясним возможные причины этого несовпадения. Пока же будем

исходить из предположения, что Реде был просто укрепленным вестготским городком, неважно, крупным или нет.

Итак, в 410 году вестготы разграбили Рим — неотвратимое возмездие за то, что римляне сами разграбили Иерусалимский храм в 70 году н. э. Многочисленные свидетели в один голос утверждали, что некоторые священные сокровища храма были выставлены на обозрение в Риме, к неопишуемой радости толпы, которая скорее не понимала, что происходит, нежели испытывала какие-то кощунственные чувства. В первых рядах сокровищ, вывезенных из храма, фигурировала Менора — знаменитый подсвечник с семью свечами. Вероятно, среди них не было Ковчега Завета. Внимательное изучение текста Ветхого Завета показывает, что с 598 года, со времени первого вавилонского нашествия, Ковчега уже не было в храме. После этой даты в тексте о нем не упоминается. В одном библейском тексте (2 Мак. 1–8) утверждается, что пророк Иеремия скрыл его на горе Нево; высказывались и другие предположения, например, что Ковчег украли и вывезли в Эфиопию. Как бы то ни было, вряд ли Ковчег присутствовал среди добычи, захваченной римлянами в Иерусалимском храме и полностью или частично присвоенной вестготами во время разграбления Рима.

Вестготы увезли римские сокровища с собой. Эти «варвары» исповедовали арианство, больше всего соответствовавшее изначальному христианству и отвергнутое на Никейском соборе благодаря давлению Константина Великого несмотря на мнение 84% епископов, приехавших на собор. Собирались ли вестготы переплавить золото из Иерусалимского храма? «Неовестготы» из Ренн-ле-Шаттэ и думать об этом не хотят. Но им следовало бы помнить,

что Семисвечник не всплывает в источниках, повествующих о дальнейшей истории вестготов.

В 507 году франкский король Хлодвиг отправился в поход на вестготское королевство. Прокопий Кесарийский (он писал девяносто или сто лет спустя) сообщает, что вестготы отступили из Тулузы и перевезли свои сокровища в Каркассон. Когда опасность стала грозить и этому городу, они спрятали казну в надежных тайниках в окрестностях. Считается, что речь идет об области Сессак, с чем никак не могут согласиться сторонники Реде, в округе которого тоже немало мест, словно созданных для того, чтобы стать тайником. Вот почему подавляющее большинство искателей разыскивает здесь Семисвечник, Ковчег — несмотря на приведенные нами контраргументы — и прочие богатства, не имеющие отношения к иудейской религии. «Сакральная» тональность явно одерживает вверх.

Все меньше и меньше искателей хотело бы найти вестготские или арианские документы, позволившие им проникнуть в тайны раннего христианства и доказать лживость Никейского собора.

Какое же отношение имеет ко всему этому Соньер? Может, он нашел Семисвечник? Или вестготские драгоценности? Арианские тексты?

Вестготские драгоценности? Представляется, что Соньер отыскал несколько драгоценных предметов. Он подарил своему собрату нумизматическую коллекцию из вестготских и меровингских монет. А другому — золотую дароносицу. Датировались ли монеты и дароносица этой эпохой? Вероятно, нет, по крайней мере дароносица. Но золото, из которого они были отлиты? Были ли в этом золоте примеси кобальта, как в украшениях толедской

школы, найденные чуть позже эпохи Соньера? Если да, то, возможно, золото из Африки попало в Иерусалим и, в конце концов, окончило свой путь в Реде...

А может, аббату достались документы, проливающие свет на историю арианства? Почему бы и нет? Хотя этот тезис кажется нам менее правдоподобным, чем тот, который выводит на сцену тамплиеров: вестготы были воинами, исповедовавшими религию, тамплиеры же — монахами, проповедовавшими войну. Но помыслы тамплиеров были обращены к метафизике, что, вероятно, не очень свойственно вестготам. Кроме того, приверженность арианству должна была означать отрицание божественной сущности Христа; но зададимся вопросом: могло ли это отрицание основываться на убедительных доказательствах? Поставим акцент несколько иначе: на Никейском церковном соборе были ли у Ария документы, посвященные жизни Христа? Сможет ли кто-нибудь ответить на этот вопрос?

Что же сделал аббат Соньер, когда нашел сокровища царя Соломона? Или священные предметы? Жерар де Сед остроумно заметил, что Семисвечник так же «легко» продать, как и Джоконду. Трудно представить, чтобы священник, даже с такой скандальной репутацией, как Соньер, мог переплавить драгоценные предметы, волею судьбы попавшие к нему в руки. Со своей стороны сделаем одну поправку: продать сложно, но можно, когда речь идет о сверхбогатом и заинтересованном в приобретении покупателе; но нам не особенно верится в такой поворот событий. А что с предполагаемыми документами? Может, в них кроется ключ ко всему делу?

Приведем два мнения относительно нашего вопроса. Оба они балансируют на грани из ряда вон выходящего.

Некоторые философы выдвигали теорию, согласно которой уже возможность думать о предлагаемом событии означает вероятность его реального существования. Итак, приступим...

Джимми Гье написал много книг, пользующихся успехом у читающей аудитории, создал и выпустил в продажу видеокассету с материалами по делу Ренн-ле-Шато — «Ренн-ле-Шато, великая тайна». Писатель несколько не сомневается, что дело не обошлось без НЛО и прямого вмешательства внеземных сил на протяжении всей истории. Большинство ученых не склонны развивать эту гипотезы, но тем не менее встречаются серьезные авторы, которые в процессе исследования учитывали и возможность воздействия внеземных цивилизаций: Эрих фон Деникен, Морис Шатлен, Жан-Клод Бурре... Любой, кто резко отрицательно относится к вмешательству НЛО, наверняка смягчит свою позицию, прочитав этих писателей. Например, они совершенно справедливо замечают, что во многих странах до сих пор сохранились легенды о расе гигантов; что же касается христиан, которым вменяется верить всему, что написано в Библии, им следовало бы более внимательно прочесть Книгу Иезиикиля. Но как это затрагивает Ренн-ле-Шато?

В своем видеофильме Джимми Гье пытается доказать, что Соньер сделал открытие, позволяющее пролить свет на одну из крупнейших фигур, сыгравшую ключевую роль в истории мировых религий. И Соньер потребовал заплатить ему за молчание — потребовал у властей, чье положение целиком и полностью зависело от правдивости христианской истории. Смелая гипотеза!

С. Р. Саймон изложил почти сенсационную версию в «Золоте Храма и могиле Христа».

В этой книге писатель расширявает самые разные послания и рукописи. В том числе его интересует и Библия вместе с источниками, приоткрывающими завесу над историей Иисуса. Саймон соглашается с Робером Амбленом по ряду вопросов: например, в том, что Иисус был сыном Иуды из Гамалы, руководителем иудейского восстания и претендентом на трон Давида.

С. Р. Саймон выдвигает тезисы, напрямую связывающие Голгофу с Ренн-ле-Шато. В Септимании образовалось немало еврейских колоний, и вера, которую проповедовали ученики Мессии, нашла там более горячий отклик, чем в Святой земле. В возрасте тридцати трех лет Иисус умер, и его тело оставалось в гробнице; однако существовала угроза, что могилу осквернят. Здесь на сцену вышли два персонажа, чья роль была сильно недооценена в Евангелиях: Никодим и Иосиф Аримафейский. Они извлекли из могилы тело казенного и решили укрыть его в Галлии. С этой целью они наняли судно: на нем вместе с телом Иисуса уплыли Иосиф Аримафейский, Никодим, Мария Магдалина (по мнению автора, она была матерью Иисуса), Мария, супруга Клеопа, Мария-Саломея. Все они сошли на галльский берег в месте, который теперь называется Сент-Мари-де-ла-Мер. И затем они похоронили тело Иисуса в... будущем Реде. «В подземном склепе Ренна покоится прах сводных братьев Иисуса, Иоанна и Иакова, его жены, Марии, его сестры Марфы, Иосифа Аримафейского и его супруги». А также слитки золота из Иерусалимского храма, вазы, кубки, чаши, блюда, которые можно было вывезти из Святой земли. Автор излагает свою версию на двухсот тридцати четырех страницах. Как же автор думает о богатстве Соньера? Тайны передавалась веками из поколение в поколение;

от тамплиеров к Бланшфорам, священникам Бигу, Буде, Соньеру. Последний якобы проник в гробницу через тайный ход — позор тому, кто плохо об этом подумает — позаимствовал несколько безделушек, вроде золотого слитка. Так Соньер разбогател. С этого времени Церковь всеми силами старалась избежать худшего и замалчивала страшную тайну.

Автор предрекает рождение новой религии; он абсолютно уверен — он называет точное местонахождение гробницы. Пусть ее вырывает, кто хочет. Погребение находится на пересечении дороги из Куиза (у бельведера, возвышающегося над деревней) с улицей, ведущей из центра поселка к церкви. «Христос вернется с золотом Храма, на котором он покоится свыше двух тысяч лет, как и гласят пророчества. Это золото принадлежит ему, Христос восстанет не во плоти крови, но в душах. Ибо он будет царствовать через Дух Святой».

Итак, изложив все вышеупомянутые гипотезы, мы можем перейти к нашему сценарию событий. Мы несколько не сомневаемся в добросовестности авторов, о которых мы только что рассказывали; возможно, они черпали в том или ином источнике сведения, внедренные благодаря вмешательству властей, преследующих свою особую цель. У них могла быть своя, уважительная, мотивация. Мы же считаем все, о чем шла речь выше, попыткой ввести нас в заблуждение. Существует две возможности подделать свидетельства, посвященные нашему делу: вставка в текст и цензура. В случае необходимости в текст вставляются новые элементы, придающие тексту нужную смысловую направленность, и выбрасываются фрагменты, которые могут пустить исследователя по другому пути. Нам кажется, что в данном случае

были применены оба способа — с диаметрально противоположными целями. Посмотрим сначала вариант вставки в текст.

Три британских журналиста, Майкл Байджент, Ричард Ли и Генри Линкольн, опубликовали в 1982 и 1992 годах три произведения («Священная загадка», «Мессианское послание», «Обретенный Храм»), вместе составляющее тысячу триста печатных страниц. Авторы продемонстрировали несомненный талант, потрясающую эрудицию и не менее поразительную интуицию. Они сочли доказанными исторические события, которые на самом деле практически не поддаются проверке. Еще раз вернемся к некоторым из них, о которых мы уже упоминали на страницах нашей книги. И еще к одной, куда более необычной, версии.

Иисус был мессией (посланником Господним на древнееврейском языке, или Христом — помазанником на греческом), таким же, как и остальные посланцы Бога. Он вел свое происхождение от Давида и был сыном Иуды из Гамалы. Этот знатный человек вступил в борьбу против римлян, а также подтолкнул своих последователей обратиться к Господу, своему духовному Отцу. Иисус состоял в законном браке с Марией Магдалиной. У Иисуса родились дети, которых Магдалина с преданными друзьями вывезли в Галлию. Как видите, пока ничего оригинального.

Спустя двенадцать поколений из потомков Иисуса вышла знаменитая династия, Меровинги, короли-священники — в чьих жилах текла королевская (царская) кровь (Sang real — San Greal — возможное прочтение Св. Грааля). Естественно, потомкам Иисуса было предназначено править всей планетой. В 448–751 годах Меровинги

царствовали над Францией, Австразией, Парижем, Орлеаном, Суассоном, Аквитанией, Бургундией, Нейстрией — вместе или по отдельности, то пребывая в братском согласии, то вступая в междоусобные войны. Глава старшей ветви Меровингов, король Дагоберт II, был убит в 679 году подле Стене. Но род св. Дагоберта не пресекся, поскольку его сын избежал резни: его увезла в Реде мать, графиня Гизела.

Каролинги, Капетинги, Валуа, Бурбоны, империя, республика — все они выдвигали на историческую сцену своих узурпаторов, в то время как королевская кровь передавалась в роду Меровингов, в ожидании Великого монарха, который возложит себе на голову корону в тот час, когда наступит Апокалипсис.

У потомков Иисуса всегда находились могущественные покровители и тайные защитники. Особенно ревностно эту роль с 1188 года выполнял Приорат Сиона, сначала во всем подражавший ордену тамплиеров, а после его исчезновения продолжавший опекать предшественников Великого монарха.

Итак, возникает три вопроса: были ли Меровинги потомками Иисуса? После низложения династии выжили ли Меровинги и продолжили ли они свой род? Существует ли преемственность в действиях Приората? Мы уже поверхностно затрагивали третий вопрос: настало время ответить на него подробно.

Жан де Жизор основал орден Приората Сиона (или Нотр-Дам де Сион) в 1188 году. Можно было бы в это поверить, если бы нашлись средневековые документы, подтверждающие это событие. Быть может, орден на самом деле был основан в 1099 году, в только что захваченном крестоносцами Иерусалиме. Перейдем от пред-

положений к реальным фактам: о существовании Приората Сиона, обществе, основанном в строгом соответствии с законом о товариществах от 1901 года, было официально объявлено в 1956 году, в Аннемасс-су-Кассан, в Верхней Савойе. Его основателями были Пьер Плантар де Сен-Клер, Пьер Боном, Жан Делаваль и Пьер Дефаго. Ну и естественно, сразу же выяснилось, что Пьер Плантар де Сен-Клер происходит от старшей ветви Меровингов и претендует на французский трон. Этот факт не замедлил подтвердить писатель и ученый Луи Вазар в своем «Кратком очерке истории Франции». На одной из иллюстраций в книге изображен веселый мальчуган — Тома Плантар де Сен-Клер, — сфотографированный на фоне символического пейзажа в Ренн-ле-Бен. Мог ли этот ребенок действительно быть потомком Меровингов? На этот вопрос мы ответим позднее.

Действовал ли Приорат Сиона непрерывно со дня своего основания, то есть на протяжении восьми веков? Естественно, существуют архивы Приората, подтверждающие этот факт. Мы не откажем себе в удовольствии перечислить имена его кормчих: Жан де Жизор, Мари де Сен-Клер, Гийом де Жизор, Эдуард де Бар, Жанна де Бар, Жан де Сен-Клер, Бланка д'Эвре, Николя Фламель, Рене Анжуйский, Иоланда де Бар, Сандро Филиппи, Леонардо да Винчи, коннетабль Шарль де Бурбон, Фердинанд де Гонзаг, Людовик де Невер, Роберт Фладд, Валентин Андреа, Роберт Бойл, Чарльз Рэдклифф, Карл Лотарингский, Максимилиан Лотарингский, Шарль Нодье, Виктор Гюго, Клод Дебюсси, Жан Кокто. Мы приводим список в том виде, как его опубликовали трое британских авторов. И конечно, список замыкает имя Пьера Плантара де Сен-Клера, который, как кажется, оставил

пост кормчего из-за споров с «американским отделением» Приората. Впрочем, от роли главы меровингской династии Плантар и не думал отказываться.

Мы не можем гарантировать непрерывность действий Приората Сиона. Но эмблема «П. С.», встречающаяся довольно часто, наталкивают на мысль, что это общество существовало во времена Соньера.

Займемся теперь потомством Меровея. Здесь перед нами встает три вопроса: имеет ли Плантар де Сен-Клер законное право кичиться званием старшего в роду Меровингов? Есть ли еще Меровинги кроме него?

А глава в старшей ветви? Мервей I родился в 406 году, в 448 году был провозглашен королем Камбре и Турне, умер в 458 году. Предположим, что потомство Меровея I насчитывало по три поколения в каждом столетии — очевидный минимум. То есть, по самым скромным подсчетам, всего насчитывается сорок шесть поколений династии Меровингов. Найдется ли генеалог, который установит, принадлежит ли та или иная семья к древнему королевскому роду?

Но даже если кровь Меровингов обладала особыми свойствами, даже если генеалогическое древо не вызывает сомнений, то кто поручится, что со времени Меровея I не произошло тайного вливания другой крови? Иначе говоря: благородные рыцари, утонченные дамы, трубадуры и так далее были людьми, и кто гарантирует, что в то время, как мужья уезжали в крестовый поход или по делам, сорок шесть супруг потомков Меровингов хранили своим нареченным непоколебимую верность? И в какой-нибудь момент кровь династии не была запятнана?

«Право старшинства». На секунду представим, что Мервей действительно был потомком Иисуса. В этом

случае могли ли наследники Иисуса причислять себя к старшей ветви или нет? Впрочем, этот вопрос не имеет никакого интереса, если знаменитая династия пресеклась. Потому мы вплотную подошли к третьему вопросу.

Существуют ли сейчас Меровинги? О да! Сколько! Около 52 миллиардов. Конечно, мы имеем дело с провокацией и это нелепое число, которое следует серьезно сократить, не высосано из пальца. Вернемся к сорока шести поколениям потомков Меровингов, о которых мы недавно говорили. Представим, что у каждой супружеской пары — один из супругов был Меровингом — было двое детей. И получим численность потомства Меровея: $\frac{2}{46}$, то есть 70000 миллиардов. Три четверти из них, которые живы в наше время, — представители двух последних поколений. Однако выдвинутая цифра смешна по той причине, что кузены также могли вступать в брак друг с другом, что ограничивает число Меровингов в каждом поколении. Наконец, странно, что во Франции нашего времени никто не является одновременно потомком Меровея, Карла Великого и Верцингеторикса... Если у Верцингеторикса вообще были дети... И если правда, что потомки Иисуса осели в Провансе, то читатель волен сам делать выводы!

Вот и все, что можно сказать о Приорате Сиона и потомках Меровея.

Что нас может удивить в этом случае? Усилия групп давления с целью доказать вероотступничество Соньера и извлечь из этого политические дивиденды. Нам кажется, что речь идет о совершенно противоположном случае: очевидно, что эти более или менее скоординированные усилия направлены на то, чтобы скрыть указания, свидетельствующие о реальности этого отступничества.

Сначала данные были сфабрикованы, теперь же их замалчивают.

Вот уже тридцать лет, как многие факты, связанные с нашим делом, считались практически доказанными, при том что само дело была мало знакомо широкой публике. И теперь их начинают пересматривать. Какие-то факты — внезапно. Какие-то — постепенно и осторожно.

Был ли Реде первостепенным по важности вестготским городом? В некоторых текстах того времени Каркассон, Нарбонна, Реде упоминаются в качестве крупных центров на территории современного департамента Од. Установлено, что в них перебрались вестготские короли, побежденные франкским королем Хлодвигом и его наследниками. В том числе и Бера, отец Гизелы, супруги Дагоберта II. О закате Реде имеется масса свидетельств: но если был закат, значит, был и взлет, на правда ли? Да, может, Луи Федие и был прав, когда исчислял население Ренна тридцатью тысячами человек..., на которые приходилось четырнадцать скотобоев. Но сколько нам еще неизвестно? Даже аэросъемки, проведенные господином Зипра, показывают, что подземелья вестготского храма все еще ожидают элементарных археологических раскопок. Однако вот уже несколько лет, как возникло новое поветрие — считать, что Реде было основано Каролингами. Вот здорово! И откуда это поветрие? Чем его можно объяснить? Кто-то на ушко попросил об этом? Бог знает. Но почему? Стоит ли отвечать на этот наивный вопрос? Потому что уничтожить память о вестготском Реде все равно что уничтожить память об арианстве. Скрыть всякую связь между последователями Ария, отрицавшими божественную сущность Христа, и вероотступничеством Соньера.

Если нападки на вестготов отличаются осторожностью, то тамплиеры подверглись внезапной и хитроумной атаке. Собственно, досталось не только тамплиерам, но и журналистам, с осторожностью отнесшимся к откровениям, которые сделала госпожа Резникова на пресс-конференции. Госпожа Резникова — писательница, которой посчастливилось найти средневековый документ, в котором упоминается о присутствии госпитальеров в Безю в интересующую нас эпоху. Не будем возвращаться к традиции, сохраняющейся в этом регионе, к множеству указаний из самых разных источников, к прекрасным работам такого крупного эрудита, как аббат Мазьер. Просто в один прекрасный день эта дама обрушилась на журналистов, аббата Мазьера и тамплиеров. Это говорит о многом... Правда, что тамплиеры покинули этот мир! Кроме того, искреннюю веру этой неугомонной писательницы не следует подвергать сомнению: никто не оспаривает ее открытие! Мы просто констатируем, что в наши дни существование Шекспира поставлено под сомнение, и мы заботимся о памяти Наполеона. И увидим, что важно в нашем случае: тамплиеры не верили больше, чем остальной мир, в божественную сущность Иисуса. Побережем чернила и скажем только три слова: тамплиеры, вероотступничество и Соньер. Да, тамплиеры умели писать. Но если на землях, где служил Соньер, не было тамплиеров, то как он мог бы найти документы, составленные братьями этого ордена? По правде говоря, Соньер мог добыть бумаги и в другом месте; любой человек, который не хочет допустить, что тамплиеры способны на отклонение, забывает об очевидном: король и папа осудили орден за вероотступничество и ересь.

Третье утаивание. Более или менее сознательное. Кюре Ривьер был позван к изголовью умирающего Соньера. Прошло тридцать лет со дня смерти Соньера, скончавшегося в 1917 году. Еще были живы его современники, некоторые из тех, кто присутствовал при последнем вздохе аббата — знаменательном событии для Ренна! Их дети выросли, слушая рассказы о кончине Соньера. И все они, без сомнения, знали об одном эпизоде, не понимая его истинного значения.

У Соньера случился сердечный приступ или инсульт; он умирал. Его сосед и друг, Ривьер, кюре Эсперазы, пришел его навестить. Его позвали? Или он пришел сам? Два человека беседовали. Возможно, Соньер говорил с трудом, болезнь истощила его силы; возможно, он успел сказать Ривьеру главное; возможно, он показал документы... Как бы то ни было, Ривьер вышел из комнаты умирающего потрясенный, с побледневшим лицом. Он вернулся спустя два дня, чтобы соборовать аббата; выходит, в предыдущий раз он этого не сделал, хотя наверняка понимал, что Соньер умирает. После смерти Соньера Ривьер долго не мог прийти в себя — один, а то и два года: возможно, он потерял интерес к жизни, возможно, утратил надежду на вечную жизнь. Так что же произошло в течение этих двух дней? Ривьер предавался горьким размышлениям? Или вмешались церковные власти? Отдать предпочтение второй гипотезе означает, что во время исповеди Соньер поведал Ривьеру какую-то тайну — тайну страшную. Быть может, вышестоящее начальство, зная, о чем Соньер способен рассказать на исповеди, надавило на Ривьера, чтобы он все-таки соборовал умирающего? Чтобы о скандале не узнал еще кто-нибудь?

Кажется, что весь мир неправильно оценил первое решение Ривьера: даже тонкий и пронизательный Жерар де Сед драматически восклицал: «О каком духовном преступлении довелось узнать Ривьеру? Не показалось ли ему, что душа Беранже превратилась в один из тех камней, о которые способно разбиться даже божественное милосердие? Подумал ли он о том, что оставляет своего друга у врат самого ада?»

Но вопрос следует задать иначе. Даже Гитлер, прояви он раскаяние, страх перед адом, мог бы надеяться получить последнее причастие. Лишение последнего причастия может означать только одно: любое злодеяние простится раскаявшемуся человеку, за исключением того, что упорствует в своем заблуждении или грехе. Не будем долго распространяться о предполагаемом прегрешении Соньера... Отказался ли аббат отречься от своей ошибки? «Весь мир» — за исключением нас — считает возможным тот факт, что Мари была больше чем просто служанка в его доме. На протяжении всей истории этот факт не имел особенной важности, но на смертном одре все могло обстоять по-другому? Да, Соньер, не пожелавший отречься от земной любви Мари, мог бы рискнуть лишением последнего причастия. Поступил ли он так на самом деле, он, человек, достигший шестидесятилетнего возраста и стоящий на краю могилы, особенно если верил в заступничество другого человеческого существа? Уже задав этот вопрос, мы на него ответили. Остается один возможный мотив: упорство в ереси и вероотступничестве. Этот аргумент нам кажется серьезным: Соньер был волевой личностью и, вне зависимости от своего отступничества, человеком глубоко религиозным. На Никейском соборе он наверняка выступил бы против императора

Константина Великого. Мы имеем дело с религиозностью, освободившейся от догмы.

А отчаяние Ривьера после этой редкого и прискорбного эпизода? Представим себе «нормального» кюре, обучавшегося в семинарии и слыхом не слыхавшего о боге Митре, епископе Арии, великом магистре ордена тамплиеров Жаке де Моле; кюре, который представлял себе Господа и небеса в том виде, каком они представлены на фресках в Эпинале, и незнакомого с самим понятием «архетипичной истины». Короче, Ривьер был из тех священников, которые свято веруют в то, что их Церковь основана только на истине и держит в руках ключи от рая. Среди французского клира таких священников встречалось еще довольно много... по крайней мере, до 1917 года. А в самом 1917 году? Если дело обстоит так, как мы описали, Ривьеру пришлось тяжело. Гораздо более тяжело, чем самому Соньеру, у которого было преимущество над своим собратом: он готовился увидеть — если там было что видеть.

По поводу дезинформации, сознательной или нет, то, перечитывая настоящую рукопись, мы прибавили к досье несколько моментов, скорее тревожащих, нежели значительных. В начале лета 1993 года под эгидой общества «Земля Ред» были начаты работы в музее и прилегающих к нему зданиях, которые, как уже упоминалось, составляли «храм-перевертыш». И так называемая вестготская колонна с перевернутым крестом, увенчанная статуей Богородицы, была перенесена в музей и установлена наоборот, что противоречит мыслям и работам Соньера! Что же касается железной двери, внешне совершенно бесполезной и преграждающей переход между «внешними исповедальней и алтарем», то ее убрали.

Остались лишь косяки! Вот бедолаги... Авторов этих «модификаций» вроде бы не за что винить в некомпетентности: они всего-то убрали ненужную дверь и вернули на место крест, который Соньер вроде бы случайно перевернул! Вышеупомянутые авторы — а все они люди образованные и интересные — львиную долю своего времени и усилий отдают благому делу. Вспоминается поговорка: «Господи, обереги меня от друзей, со своими врагами я справлюсь и сам».

Вот так. Карты розданы, игра началась. Но в колоде немало крапленых карт; нужно иметь терпение, чтобы отличить их от нормальных.

Эркуль Пуаро и Мегрэ нам не помогут. Агате Кристи и Сименону неинтересно наше дело. Как поступить? И автор и читатель — вместе мы должны приняться за работу. Чтобы найти ответ, мы должны отобрать нужные факты в ворохе самой разнообразной информации.

Решить загадку? Трудная затея? Кажется, что нас ждут прекрасные указатели, которые невозможно не заметить...

Глава VI

ACTA EST FABULA

Пьеса сыграна, причем пьеса детективная. Теперь нам предстоит тщательно изучить игру актеров и отделить правдивые указания от мистификаций. Во время преподавания в нарбоннской семинарии Соньеру наверняка приходилось «отделять зерна от плевел». Мы же столкнулись с ученой смесью тех и других...

Итак, опишем все обманчивые изображения, даже если нам придется объяснять причины их установки; так нам проще будет найти ответ.

Да, Жан-Клод Дани справедливо заметил: в церкви взору посетителя предстают девяносто аномалий, мы можем поверить слову этого выдающегося историка искусства. Элементарные психологические причины противоречат гипотезе, согласно которой речь идет о символических и топографических знаках, раскрывающих природу клада и указывающих искателю путь к открытию. А может, Соньер и его друзья действительно решили отдать легендарное сокровище первому, кто придет в церковь и окажется настолько умен и проницателен, чтобы разгадать все символы?

Может, мы имеем дело с проделками человека, склонного к розыгрышам? Нет, дело обстоит гораздо серьезнее. Вскоре мы увидим, к чему стремился аббат.

Все понятия, являющиеся неотъемлемой частью классического христианства, были здесь поставлены под удар. Вспомним о таких чудовищных нелепостях, как два младенца Иисуса и «храм-перевертыш», с его перевернутым крестом. Этим все сказано: все эти знаки громко вопиют от вероотступничестве Соньера и его склонности к ереси. Соньер зашел далеко за границы допустимого перед своим церковным начальством, и возникает вопрос: как же епископ Бийар, посетивший церковь в первый раз, не высказал своего возмущения? Неуверенность или боязливость? Незнание? Наоборот, полное знание? Интересно, что епископ Каркассонский никогда не чинил препятствий Соньеру. И затем... было ли то посещение церкви действительно первым?

Возводя свою церковь, кюре Ренн-ле-Шато не только разрушал. Не предвещала ли его церковь создание синкретистского храма? Храма будущей единой религии? Все это заставляет вспомнить тамплиеров. Церковь, посвященная одновременно Митре и Христу? Абсурд? В мелькитской церкви — заключившей конкордат с Римом — Рождественское богослужение начиналось с молитвы «Христу, новому Митре». И два младенца Иисуса в церкви Соньера... Если вернуться к истокам христианства, выходит, что переворот в Никее породил колоссальный экстремизм. Этот переворот удался благодаря вмешательству могущественного императора и тому, что физики называют приданной инерцией. А также благодаря тому, что Никейский догмат угодил пристрастию к легким чудесам, которые так свойственны людям.

К чему же стремились так называемые Церкви и инициационные общества, основанные на принципах элитарности и тайны? Они пытались восстановить христианство в том виде, в каком оно существовало до Никейского собора. Эти Церкви и общества почитали мессию Иисуса, но не искажали его облик, как то сделал Константин Великий.

С этой стороны отрицание мессианской роли Иисуса, приписываемое тамплиерам в последнее время, также представляется проявлением экстремизма, начало которому положил Никейский собор.

Реннская церковь украшена знаками розы и креста, глифами «M. S.», повторяющимися шестьдесят два раза: Соньер явно действовал не один. Мы столкнулись с ярким проявлением эзотеризма в XIX веке, и все указывает на сознательное вмешательство эзотерического общества. Ж. Робен предположительно установил, о какой философской школе здесь идет речь. Она существовала в эпоху, когда Соньер начал свою одиссею! К масонским ритуалам она присоединила религиозные и политические мотивы — которые, кстати, нередко шествуют рука об руку. Назвать эту школу Приоратом Сиона значило бы признать непрерывность ее развития в течение восьми веков. Предположим, что этот орден возродился в эпоху Соньера. О, как бы то ни было, Соньер не действовал один; в локальном плане кажется, что Буде был с ним отчасти связан. Дело Ренн-ле-Шато вышло за локальные и даже национальные рамки.

Можно ли предположить, что существовала параллель между финансовыми резервами Соньера, которые изменялись по мере времени, и деятельностью этого философского общества? Папа Римский Лев XIII, правив-

ший в 1878–1903 годах, продемонстрировал явную терпимость в отношении к таким парахристианам. Понтифика не смущало их существование, поэтому он не развязал никакой охоты на ведьм, а возможно, постарался найти какие-то точки соприкосновения, наладить диалог между этими организациями и Ватиканом. Этот миролюбивый папа умер в 1903 году; в его правление Соньер был богат и не подвергался никаким нападкам со стороны своего церковного начальства. Мы знаем, что на фронтисписе церкви в Ренн-ле-Шато изображен герб папы Льва XIII. Простая дань вежливости? Или приветствие могущественному собрату, придерживавшемуся воззрений, близких к недогматической религии?

Пий X взшел на престол Св. Петра в 1903 году. Этот папа был консерватором и тут же начал показательную охоту на ведьм. Соньеру пришлось туго: придирки начальства, относительная бедность.

Бенедикт XV сменил Пия X в 1914 году. Возможно, что Первая мировая война отвлекла понтифика от других проблем вроде искоренения диссидентских философских обществ. Однако эмоциональное потрясение, вызванное превратностями войны, пробудило религиозное чувство в народе. Понятно, что в таких условиях массы пошли по самому простому пути: они вверили свою духовную участь общепризнанной Церкви. В начале войны у Соньера было еще два нелегких года, но затем, кажется, его «золотое дно» снова стало приносить прибыль: в 1917 году аббат заказал новые крупные работы, особенно постройку новой башни, напротив башни Магдалины. Вполне вероятно, что философская школа, о которой мы упоминали, снова обрела способность действовать — и финансировать — в крупных масштабах.

Оставим в стороне на какое-то время этот подход и сосредоточим внимание на самых простых теориях о сокровищах. Нашел ли аббат, по крайней мере, клад? Да. Пусть хотя бы тот, что видели краем глаза рабочие, трудившиеся в церкви: золотые «медали» и другие предметы. Не королевскую казну. Клад был спрятан, возможно, в эпоху Революции, но датируется, очевидно, более отдаленным временем. Доказательства? Дароносица и коллекция монет, подаренные аббатом своим братьям. Может, Соньер нашел в могиле и какую-то другую вещь. Но как же золото Соломона? Пора перейти к более грандиозной гипотезе.

Грандиозное сокровище, найденное в том или ином потаенном месте, о котором стало известно из расшифровки документов? Так мы можем найти логичное объяснение нестабильности финансовых средств аббата. Поэтому мы думаем, что аббат все-таки не нашел сказочный клад именно в самом Ренне. Отчетливо видно, что и он, и его друзья изо всех сил старались поддержать слухи о находке такого клада первостепенной важности.

Мы не исключаем, что в то или иное время клад действительно были спрятаны в этих местах. Эпизод Пуссена — Фуке — Людовика XIV вполне подошел бы для нашего случая. Но если Фуке нашел клад... искать после него было бы уже нечего. Это относится и к любому другому предполагаемому кладу.

Перейдем к духовным сокровищам. Сразу же отметем Грааль катаров. Конечно, в массиве Багараш еще до сожжения мучеников Монсегюра могло храниться бесценное сокровище. Но катарская эпопея не вписывается в наши рамки. Знаменитые «вехи», знаки в церкви Ренн-ле-Шато, некоторые современные интерпретации указы-

вают на «еретическое» истолкование истории Иисуса. Прочтение истории позволяет допустить шанс, пусть даже слабый, что сокровища Соломона, Ковчег, Семисвечник, золото были спрятаны под Каркассоном. Можно ли в это верить? Правдоподобна ли эта версия? Мы попытаемся показать, что дело не в этом. О, конечно, по поводу этой гипотезы было пролито немало чернил; возможно, она даже принесла определенные выгоды Соньеру. Но аббат все же не находил ничего подобного, да и не искал. Остались лишь следы влияния, сознательного или нет, которые побуждают верить, будто сокровище находится именно там. В том же русле действуют и сообщения о том, что якобы в Ренн-ле-Шато находится гробница Христа. Цель очевидна: Ренн — это мистическая столица. Точно так же некоторые сочинения делают из Ренна «хранилище» мерovingской крови и — колоссальный обман — колыбель «исчезнувшего короля». Цель же — внешне мистическая — на самом деле является сугубо политической.

По ряду причин — которые нет смысла здесь излагать — некоторые эзотерики последнего века ждали, что в наше время наступит Апокалипсис. Они считали, что времени осталось только для того, чтобы привести в порядок будущую столицу — столицу, где поселятся те, кто избежит драмы Апокалипсиса, и те, кому посчастливится узреть Апокалипсис — откровение. И приготовить колыбель для «исчезнувшего короля».

Не преувеличиваем ли мы? Простая плата за мессы и тому подобные мелочи не ставят под удар никакие фундаментальные вопросы, ни в религиозном, ни в политическом плане. Не стоит ли сделать шаг назад? Но вспомним, что в этом случае аббату пришлось бы получить

заказ, по меньшей мере, на миллион месс. А его полномочия были приостановлены из-за жалобы на эту предполагаемую мзду за мессы, затем возобновлены, поскольку обвинение рассыпалось, затем заново приостановлены, поскольку в Риме поняли, что дело все-таки нечисто. А эти знаменитые указующие знаки в церкви, книга Буде, все, что заставляет искателей пачками скучать аспирином и горную обувь? Да, придется оставить их как таковые. Потому что Соньер и его друзья создали их, тогда как их интересы как раз запрещали им так делать. Ведь все эти знаки могли лишь навлечь ненужные подозрения. Позволить понять, о чем они знали.

Эпитафия маркизы Мари де Негри д'Абле? Вот к ней мы склонны отнестись иначе. Прежде всего потому, что сам Соньер попытался ее уничтожить: вероятно, надпись сообщала точные топографические координаты. Касательно сокровищ? Но маркиза умерла бедной. А что с тайнами? Приходится констатировать, что гипотезу найденных сокровищ активно продвигают на первый план.

Нам будет позволено рассказать анекдот, прежде чем отправить на заслуженный отдых указующие знаки и сокровища? Итак, среди аномалий, обнаруженных в церкви, находится «знак est»: буквы, вместе составляющие латинскую глагольную форму «est», которую можно перевести как «он есть». Ученые экзегеты склонны трактовать надпись в ее географическом смысле, то есть как «восток»; в таком случае знак может указывать, например, на гору Карду, которая находится к востоку от церкви. Как-то один из искателей сокровищ, готовясь к подъему на гору, услышал, что я сомневаюсь в правильности толкования надписи, и, смеясь, воскликнул: «Так мне идти на запад, что ли?» Я не замедлил с ответом:

«Мой бедный друг, искать нужно не на земле». Хотя я не поручусь за стопроцентную справедливость своего ответа — может, клад с сокровищами все-таки существует... Но Соньер его не находил.

Перейдем к бумагам. Мог ли Соньер найти древние пергаменты? Нам предложили две версии на выбор. В обоих случаях речь идет о непосредственном свидетельстве, услышанном детьми от своих родителей, которые работали у Соньера. Жерар де Сед уверяет нас, будто свитки были найдены во время перестройки церкви в 1891 году. Алтарь сдвинули с места, и одна из колонн оказалась полой и набитой листьями папоротника. В них нашли три трубки, скрепленные воском. Когда их открыли, внутри лежали пергаменты. Вторая версия приписывает находку запечатанной трубки звонарю Каптье, который отдал ее аббату.

Единственная неувязка: никто так и не увидел этих пергаментов — кроме самого Соньера, предположительно его епископа и парижских переводчиков, которые — и это тоже допущение — в будущем могли стать партнерами аббата. В 1961 году Жерар де Сед тайно раздобыл «Большой манускрипт» и «Малый манускрипт» и тотчас же их опубликовал. Были ли эти рукописи подлинными оригиналами? В пользу их подлинности свидетельствует один аргумент: у Франка Марии был почти идентичный вариант манускрипта, который ему доверил аббат Мазьер. Ясно, что в этом деле Приорат Сиона и неомеровинги действовали заодно — как подданные Великого монарха.

Неомеровинги всерьез заслуживают, чтобы их считали «кандидатами» на звание инициаторов и организаторов этого дела. Мечтали ли они об этом столетие назад? Мечтают ли они об этом сегодня? Когда Соньер стал

кюре в Ренн-ле-Шато, Третьей республике исполнилось четырнадцать лет. Первая республика была создана в 1792 году. Пять лет спустя ее сменила директория — предвестница империи. Правление Наполеона разобщило французов и навлекло на них ненависть всей Европы. В конце концов, империя пала и начался период Реставрации Бурбонов (1814–1848 гг.), о которой мало кто сохранил немеркнущие воспоминания. Вторая республика не продержалась и пяти лет (1848–1852 гг.), затем Наполеон III развенчал миф об империи (1852–1870 гг.). Да, в то время, когда Соньер стал кюре в Ренне, республику было рассматривать как временное зло, империю — как переходный этап в ожидании Реставрации. Но не просто Реставрации: время Капетингов и Бурбонов безвозвратно прошло; возрожденная меровингская династия вполне могла бы предъявить свои права на престол предков. Но Третья республика выстояла и вопреки всем неблагоприятным прогнозам просуществовала дольше, чем ей предсказывали.

А в наши дни? Плантар де Сен-Клер и его друзья официально объявили о существовании Приората Сиона в 1956 году. Слабость правительства, войны в Индокитае и Алжире ощутимо сотрясали фундамент Четвертой республики; ей оставалось только два года. В 1958 году армия фактически подняла мятеж в Алжире, а парижское правительство не знало, как положить конец кризису. Не пришел ли час неомеровингов? Но один бригадный генерал, чье имя навеки вошло в анналы истории, похоронил мечты Меровингов и одновременно Четвертую республику: Шарль де Голль провозгласил Пятую республику; она существует до сих пор, но времена ей предстоят нелегкие. Цивилизационный и экономический

кризис, массовый наплыв иммиграции, мировой кризис — просто идеальные условия для Апокалипсиса и пришествия Великого монарха! Все толкователи Нострадамуса в один голос утверждают то же самое.

Теперь мы хорошо видим, кто дергал — и дергает — за веревочки в «деле Ренн-ле-Шато». Нужно, правда, отметить, что немало людей, склонных к чрезмерной экзальтации, идут на поводу у заправил, не очень-то разбираясь в происходящем.

Итак, можно говорить, что Меровинги лелеяли мысль вновь обрести власть на волне широкомасштабного кризиса и распространения новой религии? Да, такая вероятность существовала, и немалая. Все Меровинги? Думается, за исключением одного: Меровинг, правящий империей по соседству с Францией, счел бы положительный ответ на этот вопрос неудачной шуткой! И смертельной угрозой для своей короны.

Франц-Иосиф I (1830–1916) взошел на австро-венгерский трон в 1848 году. Его царствование было вторым по длительности в Австрии. Император вел происхождение от первого Габсбурга, Рудольфа, избранного на престол в 1273 году. Кажется, что предками Рудольфа были Дагоберт II и принцесса Матильда Саксонская, хотя специалисты в области генеалогии и отрицают эту преемственность. В любом случае в жилах Франца-Иосифа все равно должна была течь меровингская кровь, поскольку он приходился близким родственникам французским немеровингам, например, через Марию-Терезию Габсбург-Лотарингскую, царствовавшую с 1740 года.

В 1435 году произошло знаменательное событие в истории христианства: Альбрехт II Габсбург стал во главе Священной Римской империи германской нации и

наследником Карла Великого, взошедшего на императорский трон 424 года тому назад. Дав других Габсбурга уже носили корону императоров: Рудольф I Габсбург и Альбрехт I (их период правления: 1273–1298 гг.). Затем корона поочередно переходила к представителям династии Люксембургов, баварской династии, чешских Люксембургов и в конце концов окончательно стала достоянием Габсбургов (за исключением краткого периода, когда императорский венец три года носил представитель баварского дома). Теоретически титул императора Священной Римской империи был упразднен в 1806 году, но фактически дом Габсбургов продолжал пользоваться императорскими полномочиями. Например, глава Священной Римской империи имел право накладывать вето на избрание того или иного папы. Франц-Иосиф воспользовался этим правом в 1903 году: он воспротивился избранию кардинала Рамполлы, государственного секретаря Льва XIII, склонного к политике толерантности, и высказался в пользу консерватора Пия X.

В чем состояла, по меньшей мере теоретически, роль главы Священной Римской империи? Насколько возможно способствовать распространению христианства в мире. Откуда и знаменитый девиз: «Австрии надлежит управлять всем миром» (*Austria est imperare orbi universo*).

Как глава Священной Римской империи мог отнестись к деятельности французских неомеровингов, основанной на религиозной концепции с явным еретическим оттенком. Как к катастрофе! Ему было мало дела, что его дальний родственник может взойти на французский престол. Но удар по христианским догматам подрывал легитимность Священной Римской империи. Ведь Франц-Иосиф царствовал именем Христовым! И Франц-Иосиф

остался верен своему долгу; он мечтал расширить границу подвластных ему земель... даже в час, когда Австро-Венгрия трещала со всех сторон, прежде чем окончательно исчезнуть с политической карты Европы после подписания Версальского договора в 1919 году.

Вернемся к визиту эрцгерцога Австрийского в Ренн-ле-Шато, имевшему место после назначения Соньера в этот городок; в деревне его прозвали австрияком. Мы уже обращали внимание на его особый статус: он был лишен своих титулов и прерогатив, император изгнал его с австрийских земель — что стало для эрцгерцога, собственно говоря, своеобразными «рекомендательными» письмами. Какие чувства мог питать юный изгнанник к императору? Я думаю, ответ и так ясен.

Случайно ли эрцгерцог оказался в Ренн-ле-Шато, и только ли учтивость заставила его нанести визит господину кюре? Среди всех возможным гипотез эта представляется мне самой абсурдной.

Или изгой прекрасно знал, куда он приехал и какой вопрос ему нужно обсудить с Соньером?

Существуют генеалогические тайны, неразрывно связанные с религиозными секретами. И такие тайны стоят больших денег. Особенность их заключается в том, что они стоят денег по двум диаметрально противоположным причинам: неомеровингские претенденты могли платить за разглашение секрета в нужный им момент, а глава Священной Римской империи — наоборот, за сохранение их в тайне.

Считал ли император, что ему по-настоящему угрожает опасность? Франц-Иосиф был человеком властолюбивым и волевым. Если он столкнулся и с проблемой такого порядка, то наверняка речь шла о новой для него угрозе.

И папа не мог ему помочь, тем более что никогда не оказывал ему должного уважения. И неслучайно Франц-Иосиф воспротивился избранию кардинала Рамполлы, который став папой, продолжил бы политику Льва XIII.

Предположим, что угроза слегка выбила императора из колеи. Только после избрания понтифика Пия X, этого неутомимого охотника за ведьмами, Франц-Иосиф снова стал контролировать ситуацию.

Но мы не взяли бы на себя смелость утверждать, что император не договорился с друзьями Соньера о том, что они будут молчать.

Франц-Иосиф умер в 1916 году. Спустя год Соньер распорядился начать новые строительные работы, в том числе возвести башню: он собирался проповедовать там новую религию. Хоть глава Священной Римской империи добился молчания Соньера, то теперь он не мог проследить за соблюдением тайной договоренности: французские Меровинги могли в свою очередь вступить в игру.

Соньер так никогда и не начал проповедовать новую религию, что лишило нас возможность проверить наши предположения. Кюре унес разгадку с собой могилу.

Автор детективного романа на этом бы и закончил свое произведение. Он предложил бы свое решение назойливой загадке. Но известно, что фактам можно придавать разное историческое и доктринальное толкование. Мы, правда, не видим в этом ничего страшного: ведь каждый знает, что история создается и переписывается под влиянием разных взглядов, в зависимости от культурных элементов и национальных идей. Окситанские катары считали Монсегюр духовным центром, где мученики пострадали за веру и отчизну; для королевы Бланки Кастильской Монсегюр был сродни одной из

голов гидры... Англичане назвали улицы и памятники именами, которые на другой стороне Ла-Манша вызывают лишь горечь поражения: Ватерлоо, Трафальгар... Французам XX века в пору было смеяться: в 1940 году два человека призвали французов последовать их примеру — один крупный политический деятель, другой предатель. В 1945 году сцена сохранилась, но оба вождя поменялись ролями. История не может быть точной и абсолютно объективной.

В Ренн-ле-Шато история вывела на сцену двух священников — Соньера и его собрата, Буде, — и тайную организацию; точнее будет сказать, одну организацию, в чьих рядах числились Соньер и Буде, и другую, которая боролась с первой. Отсюда неизбежные столкновения и несуразности.

Соньер? Да, мы не стали бы делать из него воплощение архангела, целый день воздающего хвалу Господу. Он, как и один из его братьев, стал священником, потому что это был путь, предписанный для таких, как он. Либо Церковь, либо армия. Этого интеллигента, выходца из многочисленной семьи, нельзя представить сельским тружеником; семья его не располагала средствами, чтобы дать ему возможность сделать иную карьеру. А призвание? В данном случае оно роли не играло...

Наверняка Соньер, этот безвестный сельский священник, страшно скучал. И вдруг — авантюра! Соньер не упустил свой шанс. Авантюра с важными финансовыми последствиями; авантюра, придавшая ему значимости в глазах зевак, ничего не понявших в произошедших событиях, и сильных мира сего, с которыми молодого кюре связывали двойственные отношения — отношения уважения, боязни, братской дружбы и ненависти. А также

благочестия. Под маской Галилеянина Соньер разглядел творение Никейского собора. Вероотступничество: применимо ли к Соньеру это слово? Можно ли назвать вероотступничеством, когда выбирают между маской и неприкрытой историей? Быть может, Соньер повинен в преступных деяниях; возможно, он участвовал и в грандиозной мистификации — причем не бесплатно. Но — кто знает — может, этот волевой человек пребывал в мире со своим сознанием. Он был посвящен в тайны, о которых и подумать было страшно, приобрел сказочное состояние, об источниках которого есть разные мнения. Он не сдался даже на смертном одре; если бы он выжил, то, скорей всего, провозгласил бы истину с вершины своей новой башни.

Буде? Внешне менее яркий, чем Соньер. Эрудит. Старший брат Соньера по духу? Возможно, подстрекатель, инициатор в поступках? Ведь Соньер создал свою таинственную «двойную церковь» за шесть лет до того, как нашел свои знаменитые манускрипты. Вероятно, он действовал под влиянием Буде.

И наконец, Иисус! Но какой Иисус? Иисус Никейского собора был задуман императором Константином, который мечтал сам стать мессией, но, сознавая сложность этого замысла, предпочел восседать на императорском троне под престижным покровительством нового Бога. Но при этом сам способствовал тому, что этот Бог приобрел иной облик. Вряд ли Константин преуспел бы в своей затее, если бы в подсознании у народных масс не сохранилась бы живая память об архетипе инкарнации Сына. В античности Бог-Сын существовал в самых разных обликах...

Но где же правда, Галилеянин? Ужасный вопрос. Современные экзегеты, не связанные устоявшимися догматами, думают, что Галилеянин, в том виде, каком мы его

традиционно представляем, действительно существовал. Правда, в трех ипостасях. «Учитель праведности» ессеев, великий и вдохновенный пророк, истинный посланник свыше. Учение «Учителя праведности» слишком сложно, чтобы доверить его простой толпе. Вторая ипостась: Иоанн Креститель, великий пророк пред Вечностью; мы упоминаем его здесь, поскольку есть большая вероятность, что тамплиеры видели в нем главного пророка той эпохи. Третья ипостась: Иисус, сын Иуды из Гамалы, царь-пророк, вождь мятежников. Очевидно, сопоставление этих трех ипостасей библейского Христа может шокировать. Впрочем, мы еще вернемся к этому вопросу.

Будет ли это игрой ума, если мы призовем на суд настоящего инициатора «дела Ренн-ле-Шато» — даже рискуя навлечь упреки в самонадеянности? Итак, настоящий зачинщик... для нас недостижим: ведь если верить легендам, связанным с интересующим нас делом, то истинным зачинщиком является коварный гений, обманывающий всех и вся, который направил живописного демона Асмодея к церковным вратам. Мы не станем призывать ни Сатану, ни Ахримана, ни называть любое другое архетипичное имя, которое в разные времена присваивали этому воплощению зла. Лучше призовем на наш суд дорогого императора Константина. Константин, прозванный Великим, римский император, родился в Найссе около 280 году; сын Констанция Хлора, цезаря Галлии. Ему предъявляются следующие обвинения:

1. В 325 году он собрал в Никее две тысячи сорок восемь христианских епископов с целью навязать им догмат о божественной сущности Христа, с которым не согласились 84% присутствовавших.

2. Он в какой-мере пошел супротив воли мессии (или «Учителя праведности», или вождя восстания), который соблюдал сыновнюю верность к своему Отцу и не считал себя ему равным.

3. Он повелел объявить еретиками тех епископов, чьи взгляды на христианство совпадали с представлениями большинства.

4. Он извратил концептуальные арканы христианства, порвав с тем, что должно было составить вероучение будущих христиан.

5. Силой навязав догмат, вызывавший яростное сопротивление, Константин положил начало кострам, на которых сгорали чересчур истовые еретики, не желавшие принимать постановления Никейского собора.

6. Тем самым Константин подарил миллионам христиан аргумент, которым они оправдывали уничтожение следов европейской, африканской и доколумбовой цивилизации.

7. Навязывая и распространяя вероучение, которому всячески противились монотеисты, остававшиеся верными своим искренним убеждениям и чувствам, Константин сделал неизбежным появление третьей монотеистической религии. Император также начал гонения на приверженцев иудейской религии под ложным предлогом, что их народ повинен в грехе богоубийства.

8. Константин, хоть и не имел такого намерения, положил начало интегризму. Впоследствии возникли антагонистические интегристские движения, которые стремились к обращению или убийству неверных.

9. Наконец, император способствовал тому, что с 325 года поиск истинных христиан был концептуально искажен. Тогда как молитва представляет собой не что

иное, как обезличенный дар, Константин стремился придать молитве характер личной просьбы. Как следствие — утрата духовной силы молитвы.

Сознавая, что у нас нет права первыми бросить камень, мы предложили бы Константину лучшего адвоката из всех возможных — мессира Бертрана де Марти, катарского патриарха из Монсегиора. И он, и две сотни его братьев и сестер по вере умерли на костре, молясь за души своих палачей: «Мир и процветание наступят в королевстве, когда последняя заблудшая душа обретет спасение».

Главный герой романа Амина Маалуфа «Сады света» произносит: «Иногда мне кажется, что религии порождены со злым умыслом, чтобы исказить представления людей о божестве». И действительно, догматы становятся причиной нетерпимости, активизируют мыслительный процесс и все сильнее и сильнее отдаляют человека от изначальной, чистой, религиозности.

Иногда людям, балансирующим между жизнью и смертью, но чей час все еще не пробил, случается увидеть свет. И они возвращаются в этот мир исполненными сияния, который не в силах забыть. Они могут продолжать исповедывать ту или иную религию, но теперь видят в этом лишь один из возможных путей. Взывая к Марии, они взывают к женскому началу всех великих традиций. Вознося мольбу к Христу, они молятся Вселенскому Сыну: Амон-Ра, Исида, Осирис; Сат, Иит, Анада; Брахма, Шива, Вишну... Разве имена имеют значение? Имена передают символы; символы же интуитивно подводят к Архетипу...

Люди в процессе поиска действуют сообща или трудятся в одиночку. Они культивируют в себе ментальную

пустоту. Прана, дуновение Духа, не совместима с мыслью и раздумьями. Любое существо в этом мире знает, что усилие, совершенное над самим собой, уважение к другому, его мыслям, лежит в основе продвижения к цели поиска. Некоторые составляют молитвенные группы с себе подобными.

«Дело Ренн-ле-Шато» не является столь сложной детективной загадкой. Она приглашает человека к философским раздумьям. Она выставляет напоказ извращенный характер догматизма: он заключает свои жертвы в тесный капкан, порождает непонимание, ненависть, войны.

Путь к Свету нужно искать иначе.

ИИСУС И ЕГО ВРЕМЯ

Находка свитков из Наг-Хаммади и Мертвого моря, аналитические и независимые исследования канонических Евангелий и особенно апокрифов, сопоставление обычаев, имевших место в Святой земле, в том виде, как их представляет историки, с евангельским учением, все больше подчеркивает разрыв между историчностью и богословием. Естественно, в центре споров находится личность Иисуса. Добавим несколько размышлений к тем, о которых мы упоминали в главе IV. Аналитический очерк потребовал бы от нас написания тысячи страниц; мы же ограничимся тем, что представим всего несколько данных. Интересующемуся читателю мы можем предложить обратиться к более подробным работам¹. Правда, стоит оговориться: во время нашего исследования о многих вещах придется рассказывать в сослагательном наклонении.

¹ Особенно мы рекомендуем прочесть две недавно вышедшие книги, каждая из которых представляет собой подробный обобщающий труд: Hopkins M. Simmars G. Wallace-Murphy T. *Rex Deus*. Paris; Rocher, 2001; Gardner L. *Le Graal et la lignee royale du Christ*. Paris; Dervy, 1999.

Мессия, которого ждали иудеи, был царем-священником, родом из дома Давидова. Двойная миссия посланника Яхве состояла в том, чтобы освободить иудеев от чужестранного ярма и укрепить их в полном повиновении *их* Богу — Богу избранного народа. Он был *Messiah* (на армейском «посланник»), *Christos* (на греческом «помазанник»), но никак не воплощением Бога. Читая Евангелия, мы видим сына, покорного воле своего небесного родителя и никоим образом не считающего себя равным — или единосущным — ему. Далее мы узнаем, где и когда возникла грань, отделяющая учеников и верующих первых веков христианства от адептов воплощенного Бога-Сына.

Непорочное зачатие

Понятие непорочного зачатия заимствовано у религий, предшествовавших христианству, например у митраизма. Внимательное чтение Евангелий лишь подкрепляет эту версию: в эпизоде, когда юный Иисус посещает Храм, его родители не понимают, о чем он говорит, когда взывает к своему Отцу на небесах. А ведь если бы Марию действительно посещал ангел, а затем Св. Дух, она должна была бы знать, кто был настоящим отцом Иисуса.

Говоря о непорочном зачатии, вспомним слова выдающегося богослова, кардинала Ратцингера: «Божественность Иисуса не подвергалась бы сомнениям, если бы он был рожден в нормальном браке; родственная связь, о которой говорит вера, — не биологического характера, а онтологического».

Был ли Иисус женат? Были ли у него дети? Любой рабби, тем более выходец из знатной семьи — а особенно

царской, — был обязан продолжить свой род. В христианской культуре бытовало мнение, что молчание Евангелий в отношении брака Иисуса объясняется его целомудрием. Но в контексте эпохи противоположное объяснение более правдоподобно. Мария Магдалина играла значимую роль на всем протяжении служения Иисуса; она первой увидела его после воскресения. Первое чудо, приписываемое Иисусу, во время свадьбы в Кане, нам истолковывают странным образом: Мария повелела слугам выполнять все, что прикажет Иисус! Почему? Согласно традициям, лишь жених мог отдавать подобные распоряжения! Некоторые толкователи видят в Марии Магдалине наследницу дома Вифании, что, возможно, еще более упрочивало права Иисуса, потомка Давида, на царский престол. Отдельные моменты, встречающиеся в апокрифах и других текстах — явно спорных, — могут указывать, что у Иисуса и Марии все же родились дочь, а затем один или два сына. Отсюда и всякого рода предположения, гипотезы о существовании потомства Иисуса.

Пророк и борец

Ни Евангелия, признанные Римом подлинными, ни апокрифические сочинения не оставляют сомнений в пророческой миссии Иисуса. В главе IV мы уже изложили аргументы в пользу того, что он был вождем сопротивления; в подтверждение напомним лишь два случая: так, Лука (18; 35–37) упоминает, что слепец слышал, как за Иисусом шло множество людей. Для ареста Иисуса Понтий Пилат послал в Гефсиманский сад когорту, то есть десятую часть легиона — сотни до зубов вооруженных солдат. Зачем было отправлять такое количество

легионеров, если речь шла попросту о задержании двенадцати полусонных мужчин, как утверждают Евангелия, которых предал тринадцатый?

Невозможное богохульство

Встав на место современников Иисуса, мы обнаружим, что ему нельзя приписывать, по крайней мере, два богохульства: то, что он хотел выдать себя за Сына Божьего, вовсе не позволяет говорить о существовании «божественного семейства».

Второе богохульство якобы произошло во время Вечери, и позднее Церковь назовет его пресуществлением. Невозможно представить, чтобы посланник Бога давал свою собственную кровь людям, соблюдавшим строгие правила в отношении еды и питья, в том числе исключавшие прием крови. Напротив, ритуал претворения в тело и кровь можно встретить в религиях, которые мы сейчас называем языческими, прежде всего в митраизме, своего рода «молочном брате христианства».

Распятие и воскресение

Большинство христианских гностиков не верили ни в казнь, ни в воскресение Иисуса. Некоторые из них учили, что Христос пришел на землю в духовном облике и ему не были страшны никакие человеческие страдания. Ислам, для которого Иисус является великим пророком, также не соглашается с его казнью; якобы могли распять другого человека, а не Иисуса. Для любого христианина логичным является видеть в гностической тенденции первых веков уже давно угасшую мысль, а в исламе — соперничавшую или, точнее, враждебную религию, кото-

рой нельзя доверять. А ведь это не обязательно так. Напротив, смущающие указания, встречающиеся в Евангелиях, многих побуждают к беспристрастному изучению вопроса.

Вспомним об апокрифическом Евангелии от Петра; два ессейских знахаря поддерживают Иисуса, выходящего из гробницы в ночь после распятия. Теперь вернемся к Евангелию от Иоанна: Иисус был распят за день до субботы (субботы) — когда никого, живого или мертвого, нельзя было оставлять на кресте. Таким образом, Иисус должен был провисеть распятым примерно десять-двенадцать часов. Как правило, казненные умирали не от ран, а от удушья, в тот момент, когда у человека иссякали все силы, слабели ноги, и он задыхался. Иоанн (19: 29) пишет, что римский солдат поднес на копье губку с уксусом ко рту Иисуса; сразу же после этого Иисус умер. Скептики замечали, что уксус редко вызывает смерть; но в случае тщательно подготовленной сцены снотворное питье вполне могло бы создать у присутствовавших иллюзию смерти. Но главное было впереди; солдаты констатировали, что Иисус скончался, и не стали перебивать ему голени. Один из них ударил Иисуса копьем в бок (почему?), и из раны потекли кровь и вода. Вот это странно, поскольку, как известно, у мертвых раны не кровоточат. Дальнейшие события развивались быстро: Иосиф Аримафейский похоронил Иисуса, вход в гробницу был закрыт... но на следующий день она оказалась пустой. Значит, либо тяжело раненного Иисуса перенесли в другое место, либо, если верить догматическому учению, он воскрес: так какой же вариант выбрать? События, имевшие место восемнадцать веков спустя, позволяют сделать дополнительные предположения на этот счет.

Святая Туринская плащаница

Все наши читатели наверняка слышали — в той или иной мере — о Туринской плащанице. Расскажем коротко ее историю. В 1350 году Жоффруа Шарнэ обладал плащаницей, как говорили, привезенной тамплиерами из Святой земли. Считалось, что это был погребальный покров, в который было завернуто тело Иисуса, снятого с креста. С самого начала церковные власти крайне скептически отнеслись к этой реликвии. Вскоре она попала к герцогу Савойскому; в 1468 году папа Сикст IV заявил, что плащаница — подлинная. В 1694 году ее торжественно поместили на хранение в кафедральный собор города Турина; с того времени плащаницу выставляли напоказ лишь по особым случаям.

В 1898 году плащаницу сфотографировал некий любитель, впрочем, довольно компетентный, Секондо Пиа; в 1930 году была сделана новая серия фотографий. Полученное изображение представляло собой негатив — что, естественно, стало причиной дополнительных вопросов. Итак, на плащанице был изображен распятый мужчина, и раны на его теле в точности совпадали с теми, о которых рассказывали Евангелия. Более того, был обнаружен ряд других деталей — на этот раз не нашедших отражения в Евангелиях, — подтверждающих, что человек был распят. Можно было предположить, что человек, чей отпечаток сохранила Туринская плащаница, был действительно Иисусом. Однако два аргумента, которые говорили об обратном, обошли молчанием: наперекор иудейским традициям, тело распятого не было обмыто перед погребением. Покров пропитан мазью медицинского происхождения, заживляющим бальзамом, противобо-

левыми средствами. Это, несомненно, аргумент в пользу гипотезы о псевдосмерти на кресте. Но идет ли речь о подлинной плащанице Христа? Это и постарались выяснить, применив знаменитый метод датировки карбон 14.

Карбон 14 — это продукт воздействия солнечных и космических лучей на азот в высших слоях атмосферы. Небольшое количество азота (атомный номер 7) непрерывно превращается в тяжелый изотоп карбон (атомный номер 6). В результате получается то, что химики называют $6\text{C}14$. Этот изотоп спускается на землю и проникает в каждый живой организм через пищу. Таким образом, любой живой организм включает в себя очень слабое количество $6\text{C}14$, что, в принципе, близко к $6\text{C}12$, «нормальному» карбону. Но $6\text{C}14$ подвержен изменениям, и период его полураспада длится 5500 лет. Это означает, что содержание $6\text{C}14$ в мертвом организме (животном или растительном) уменьшается наполовину в 5500 и т. д. Приблизительная датировка возможна от 60 до 60 000 лет.

В 1983 году «под давлением многочисленных заинтересованных сторон» — и, кто знает, может быть, довольный тем, что его подтолкнули к действию, — Ватикан, у которого была своя собственная научная комиссия, дал согласие на установление датировки возраста плащаницы с помощью метода карбон 14. Трем лабораториям с мировым именем было разрешено взять в разработку по фрагменту покрыва; в 1988 году они вынесли свой вердикт — плащаница датируется временем между 1260–1390 годами.

Ватикан не вынес никакого окончательного решения на основании этой экспертизы: реликвия стала своего рода иконой. Сторонники подлинности плащаницы одно

за другим выдвигали возражения, абсурдные с научной точки зрения. За исключением лишь одного, сделанного в 1996 году. На плащанице были обнаружены разные микроорганизмы, которые придали ткани пестрый вид: микроскопические грибы, живые или нет, чей возраст в любом случае был моложе, чем растительный материал, из которого изготовили плащаницу. У приверженцев гипотезы о подлинности плащаницы снова появилась надежда.

Неизбежное заключение: человек, который был завернут в покров, все еще оставался живым, Иисус это был или нет...

Раскол

Известно, что после смерти (или исчезновения) Иисуса его апостолы не всегда придерживались единого мнения в вопросе, как сохранить и как передать его послание. В связи с этим чаще всего в трудах современных историков упоминается два имени: Иаков, предполагаемый брат Иисуса, и Петр, на котором Иисус намеревался построить свою церковь («На этом камне (Петре) Я построю свою церковь»).

Но именно «тринадцатому апостолу» было суждено стать истинным творцом христианства: Савлу из Тарса, или апостолу Павлу. Встретив Иисуса на дамаской дороге (?), он не только обратился в новую веру, но и решительно порвал с древней иудейской религией. Мессия пришел, дабы искупить грехи всех людей на земле, а не только еврейского народа; этот мессия был Сыном Божьим. Св. Павел способствовал сближению земной эпопеи Иисуса с многочисленными — около сорока —

Сынами Божьими (среди самых известных Иштар, Таммуз, Осирис, Дионис, Митра...), появившимися на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении трех-четырёх столетий.

Благодаря Павлу понятие послания и искупления постепенно отделилось от понятия царской крови, которую до этого связывали с мессией Иисусом. Три столетия спустя участники Никейского собора (325 г.) ожесточенно спорили о «статусе» Иисуса. В конце концов его признали «Единородным Сыном Божьим» (*Filius Dei unigenitus*), а не «единственным» (*unicus*). В империи еще хватало последователей Митры, и далеко не один сын Бога мог еще появиться на свет!

Почему Ренн-ле-Шато?

Авторы, считающие Марию Магдалину практически законной супругой Иисуса, уверяют, что она отправилась в Прованс, где в одиночестве жила в пещере возле Сен-Бом. Те же, кто думает, что Христос не умер, выдвигают самые противоположные гипотезы касательно его дальнейшей судьбы: одни пишут, что он остался в Гамале, в Святой земле; другие — в Индии или даже в Септимании. Якобы их сын, Иаков, много путешествовал и продолжил свой царский род. Надо помнить, что на территории Прованса появились крупные еврейские поселения, в том числе и в Септимании, к которой принадлежала и область Разе, со своей будущей столицей Реде.

Точных доказательств всему вышеупомянутому нет. Даже если предположить, что все это правда, остается один вопрос: почему именно Ренн-ле-Шато? В первой нашей книге мы предложили такое объяснение: сын

короля Дагоберта II жил в Реде вместе со своей матерью, Гизелой. Но это объяснение слишком спорно, даже если допустить, что Меровинги все-таки были подлинными потомками Иисуса. Быть может существуют гипотезы, хранимые в тайне, которые объясняют связь Ренна с предполагаемыми потомками Иисуса еще даже перед возможным возвращением принца Сигиберта. Ныне несколько семей стараются доказать свою принадлежность к этому престижному роду. Сознательно или нет?

Et in Arcadia ego

Мы неоднократно цитировали великого художника Николя Пуссена, который творил в Риме, где имел возможность встречаться с представителями высшего духовенства, и при дворе французского короля Людовика XIII, для которого он написал «Пастухов Аркадии». На картине изображены четверо пастухов: они созерцают могилу, а один из них притрагивается к ней пальцем. Пейзаж на заднем плане очень напоминает природу, которой можно любоваться возле деревни Пейроль, долины Салс, горы Карду, замка Бланшфор...

На могиле видна надпись *Et in Arcadia ego*. Кстати, кажется, что сеньоры Блашфора сделали эти слова своим девизом.

Я надеюсь, что читатель простит мне грубую оплошность: дело в том, что в первом издании книги я не обратил внимания на некоторую странность, своеобразный варваризм в этой фразе. *Et in Arcadia ego*, в общем-то, написано не на латыни. Мы можем буквально перевести эти слова как «И в Аркадии я». Но любой, кто захотел бы на латыни определить свое пребывание в

Аркадии, написал бы *In Arcadia sum* (1-е лицо, презанса индикатива глагола «esse», «быть»). Такая ошибка, по меньшей мере, необычна, наводит на странные мысли: а нельзя ли рассматривать эту фразу как анаграмму? Почему бы и нет? Может быть, в конце расследования эта фраза уже не покажется необычной? На ум приходит следующая анаграмма: «*I arcana Dei tego*» («Иди, я храню тайны Бога»). Или все же лучше будет, следуя настойчивому зову латиниста, просто прибавить недостающий глагол к первоначальному варианту? Тогда мы получим *Et in Arcadia ego sum*. Анаграмма к этой фразе может нас удивить: «*Arcam Fei Iesu tango*» («Я касаюсь могилы Господа Иисуса»).

Действительно может показаться, что на протяжении всей истории христианства некая тайна передавалась незаметно для большинства, из поколения в поколение, от монашеских орденов к королевской власти. Подлинная тайна? Или в этом кроется лишь крупица истины? Сложно отрицать все данные. В наши дни, по крайней мере, стало возможно свободно выражать свои мысли вслух. Но к окончательному решению прийти пока не удастся. Любой автор, анализирующий крохи информации, позволяющие пролить свет на начало христианства, должен заранее согласиться с тем, что в этом деле существуют вполне весомые спорные моменты. Поставив под вопрос догматы, которые установлены людьми, он никоим образом не посягает на одно из самых возвышенных чувств, которые доступны человечеству. Такие исследования вовсе не преследуют цель разрушать.

Тем же читателям, которые почувствуют возмущение, мы советуем сыграть в игру с анаграммами, взяв в качестве объекта фразу *Terribilis est locus este* («Ужасно

это место»), которую Соньер распорядился выбить на фронтисписе своей церкви. Результат может вас удивить...

Ясно одно: на протяжении всей истории бескомпромиссного христианства обладание документами, идущими вразрез с официальной доктриной, даровало человеку огромную власть.

ВНУЧАТЫЙ ПЛЕМЯННИК ИЗ АМЕРИКИ

Существует своего рода микрокосм из фанатиков Ренн-ле-Шато, его тайн и связанных с ним самых неожиданных гипотез. Микрокосм этот крайне пестрый. Леопольд Санчес, талантливый журналист из «Фигаро-Магазен», рисковал вызвать бурю, опубликовав прекрасную статью: «Ренн-ле-Шато, сокровище кюре — правда или ложь?» в номере за 7 июля 2001 года. Региональная пресса последовала его примеру в следующие дни и недели, как и остальные средства массовой информации, во Франции и за рубежом.

Дело в том, что мэр Ренн-ле-Шато получил письмо от Джона-Льиса Генибрела, американского гражданина из Калифорнии. Дед его дяди, строительный прораб, помогал аббату Соньеру закопать ящик и несколько других предметов под башней Магдалины. Спустя некоторое время после переписки в Ренн приехали четверо археологов из «Джн Мерил Фаундейшн» во главе с профессором Робертом Эйземанном, крупнейшим специалистом по христианской археологии. Из Ватикана приехали трех итальянцев «под руководством маститого

богослова, доктора Серены Тахе». Начались работы, во время которых археологи использовали суперсовременный эхограф «сканер GTR». Под церковным нефом нашли склеп (о нем упоминается в приходском бюллетене XVII века). Но не это главное: под фундаментом башни обнаружили четырехугольный предмет размером 130 на 90 сантиметров. Археологи начали готовиться к крупномасштабным раскопкам. Правда вот-вот должна была выплыть наружу! Но в апреле 2003 года ДРАК (государственная инстанция, дающая разрешение на проведение подобных раскопок) все еще не дала своего согласия.

Во всем вышесказанном есть две очевидные странности. Одна касается пресловутого сундука: общеизвестно, что М. Бютьон, хозяин поместья, ученый и талантливый исследователь (к несчастью, он умер в 2002 году) буквально превратил фундамент башни в швейцарский сыр, пробив нем множество отверстий. Но он ничего не нашел! Вторая странность — присутствие в этих местах делегации Ватикана. Странность... и не только для нас!

Развитие событий интригует или вызывает улыбку. Сошлюсь на свой опыт, а также опыт своего друга Чарли Сэмсона, писателя и междисциплинарного исследователя, который живет Латте, но всегда проводит отпуск в деревне Разе. Вот там-то мы впервые и познакомились. Мы пришли к общему выводу: тайная подоплека дела Соньера, неясные перспективы и обстоятельства нового взрыва интереса к Ренн-ле-Шато требуют, чтобы результаты раскопок проводились под специальным надзором, а не были оставлены на откуп одного-единственного института. К делу должны подключиться местная пресса и участники конференций «вокруг Ренн-ле-Шато». Почему конференций и почему «вокруг Ренн-ле-Шато»? За

десятилетия нам с Чарли Сэмсоном довелось устраивать сотни конференций, каждый по своему предмету, как во Франции, так и за рубежом; таким образом, организация подобных мероприятий не представляла для нас большого труда. В особенности мы устраивали культурные вечера об истории Ренн-ле-Шато в течение четырех-пяти сезонов. Но в данном случае путь в «столицу» был нам заказан: мы отказались пойти на поводу у организаторов этого нового «поворота» дела. Вот уж, поистине, преступление, не достойное прощения!

Мы организовали добрый десяток конференций «вокруг Ренн-ле-Шато» в августе 2001 года, где приняла участие заинтересованная аудитория, активно и со знанием вопроса участвовавшая в дебатах. Мы обсудили со священником — известным своим высоким интеллектуальным уровнем и нравственными устоями — перевод латинских выражений; Единственный раз — когда мы оспорили каббалу интегрлистов — участники покинули зал во время дискуссии; в Ренн-ле-Бен нам пришлось, к сожалению, допустить на заседание лишь пятьдесят человек; но были заняты не только сидячие, но и стоячие места; люди устраивались прямо на полу; у нас было немало интересных и познавательных встреч. Без сомнения, август выдался очень веселый, ничего не скажешь.

И что же в это время делал мэр Ренн-ле-Шато, вынужденный почти ежедневно давать интервью? Он все время приуменьшал значимость вмешательства Ватикана в «дело о Ренн-ле-Шато»; он твердил, что «маститый богослов» не играет никакой роли, а ее спутники — вообще пустое место. Конечно, я не стал бы утверждать, что мы с Чарли Сэмсоном серьезно мешали католическому предприятию. Но мы страстно хотели бы, чтобы новые

сведения касательно этого дела, пусть они даже связаны и не только с Соньером, сообщили широкой аудитории. Разве мы многого просим?

Не стоит заканчивать книгу словом «конец»; события продолжают идти своим чередом...

Да, Беранже Соньер, какую запутанную детективную историю вы состряпали! Но в любом случае, спасибо, господин аббат.

Разе, весна 2003 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Слова благодарности</i>	6
К читателю	9
Предисловие	11
<i>Глава I. Первый визит в Ренн-ле-Шато</i>	26
<i>Глава II. История жизни аббата Соньера:</i> <i>правда и вымысел</i>	51
<i>Глава III. Церковь</i>	94
<i>Глава IV. Иисус</i>	147
<i>Глава V. В наши дни</i>	182
<i>Глава VI. Acta est fabula</i>	218
Приложение I	237
Приложение II	249

НЕ ПРОПУСТИТЕ КНИГИ,
которые помогут разобраться в хитросплетениях сюжетных линий и исторических фактов произведений Дэна Брауна!

ЖАН-ЖАК БЕДЮ
ТАЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ «АНГЕЛОВ И ДЕМОНОВ»

Кто такие ИЛЛЮМИНАТЫ и почему их многие века не было видно?
Правда ли, что их первыми наставниками были РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ?
Замешаны ли ФРАНКМАСОНЫ во всех революциях, и что на самом деле происходит в их ложах?

Воплощает ли вершина пирамиды, изображенной на банкноте в один доллар, МАСОНСКОГО ХРИСТА, которого считают сатанинским?

Откуда явились к нам те ВЫСШИЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ, с которыми якобы общаются медиумы, чтобы поведать нам тайные наставления?

Существуют ли НАСТОЯЩИЕ ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА, имеющие ВЛАСТЬ В МИРЕ?

На все эти вопросы дает ответы Жан-Жак Бедю.

ЖАН-ЖАК БЕДЮ
ТАЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ «КОДА ДА ВИНЧИ»

Каково происхождение ПРИОРАТА СИОНА?

Кто стоит за этой организацией, и каковы ее ЦЕЛИ?

Какова природа таинственного СЕКРЕТА, дошедшего до нас из ТЬМЫ ВЕКОВ?

Погрузитесь в механизмы ПРИОРАТА СИОНА, ФРАНКМАСОНСТВА, ордена ПОЛЯРНОГО БРАТСТВА, синархических течений, ТАМ-ПЛИЕРОВ, ИЛЛЮМИНАТОВ под знаком ГРААЛЯ и РОЗЫ-КРЕСТА.

А ТАКЖЕ

РЕНЕ ШАНДЕЛЬ
ПО ТУ СТОРОНУ «КОДА ДА ВИНЧИ»
Между да Винчи и Люцифером

**РАСКРОЙТЕ ЗАГАДКИ
ТАМПЛИЕРОВ, МАСОНОВ И ТАЙНЫЕ ИСТОРИИ ГРААЛЯ
ВМЕСТЕ С ИЗВЕСТНЫМИ УЧЕНЫМИ**

АЛЛЕН ДЕЗГРИ

двадцать шесть лет кропотливо исследовал самые разнообразные источники, чтобы представить вниманию читателей полное описание знаний тамплиеров в книгах

ЭЗОТЕРИЗМ ТАМПЛИЕРОВ

Книга чудес и откровений

ТАЙНЫЕ ИСТОРИИ ГРААЛЯ

ОРДЕН ТАМПЛИЕРОВ И РЫЦАРСТВО МАСОНОВ

ЖАН МАРКАЛЬ

прослеживает весь путь Грааля сквозь столетия, показывает его влияние на крупнейшие события мировой истории в произведениях

ТАЙНА СВЯТОГО ГРААЛЯ

От Ренн-ле-Шато до Марии Магдалины

ЖИЗОР И ТАЙНА ТАМПЛИЕРОВ

Научно-популярное издание

Блюм Жан
Ренн-ле-Шато
Вестготы, катары, тамплиеры:
секрет еретиков

Главный редактор В.В. Чубарь
Ответственный редактор А.Ю. Карачинский
Компьютерная верстка: Е.А. Антонова
Корректор Н.Э. Тимофеева

Подписано в печать 17.04.07.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 13,44.
С. И. Б.(84). Тираж 2000 экз. Заказ № 5213 Э.
С.: НКДВ. Тираж 3000 экз. Заказ № 5214 Э.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство "Евразия"»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых диалозитивов
в ООО «Типография издательско-полиграфического
объединения профсоюзов Профиздат»,
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

События, которым посвящена эта книга, легли в основу известного бестселлера Дэна Брауна «Код да Винчи».

Ренн-ле-Шато, маленькая деревушка на юге Франции, в XX веке стала средоточием загадочных слухов: местный кюре Беранже Соньер вызвал скандал своим вызывающим, неподобающим священнику поведением. Скромный служитель Церкви тратил колоссальные суммы денег на постройку собственной усадьбы, устраивал роскошные приемы, открыто ссорился со своим епископом.

То, что поначалу казалось эксцентричными выходками, имело более серьезную подоплеку. Молва упорно связывала богатство кюре с таинственным сокровищем, которое якобы Соньер нашел во время реставрации приходской церкви: страшным секретом, позволявшим священнику едва ли не шантажировать Ватикан и самого папу римского.

Так что же мог найти простой французский кюре в сельской церквушке, что на смертном одре его друг-священник не смог дать ему отпущение грехов? Сокровища вестготов или катаров? Святой Грааль? Старинные рукописи, содержащие разоблачение основ христианской веры?

Автор книги предлагает свою, во многом шокирующую, версию.

Историческая библиотека

ISBN 978-5-8071-0235-5

9 785807 102355